

АШИЛЬ ЛЮШЕР
ИННОКЕНТИЙ III
И АЛЬБИГОЙСКИЙ
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

ЕВРАЗИЯ

Annotation

Ашиль Люшер

Иннокентий III и альбигойский крестовый поход. / Пер. с фр.
Некрасова М. Ю.

Книга известного французского историка Ашиля Люшера посвящена одному из самых великих Римских Пап эпохи средневековья, Иннокентию III, и его роли в драматических событиях начала XIII в. — крестовому походу против приверженцев альбигойской (катарской) ереси, пустившей корни в Южной Франции. В центре работы Люшера — Лангедок, край трубадуров и прекрасных городов. Иннокентий III выступил организатором крестового похода в эти земли и спровоцировал столкновение двух культур — южной и северной Франции — результате которого Юг был утоплен в крови. Но желал ли Папа подобного исхода на самом деле? Люшер показывает, к чему привели устремления властного понтифика, жаждавшего господства над всем христианским миром.

- [Ашиль Люшер](#)
 - [ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА](#)
 - [ГЛАВА I](#)
 - [ГЛАВА II](#)
 - [ГЛАВА III](#)
 - [ГЛАВА IV](#)
 - [ГЛАВА V](#)
 - [ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ](#)
 - [А](#)
 - [Б](#)
 - [Г](#)
 - [Д](#)
 - [Е](#)
 - [Ж](#)
 - [И](#)
 - [К](#)
 - [Л](#)
 - [М](#)

- [Н](#)
- [О](#)
- [П](#)
- [Р](#)
- [С](#)
- [Т](#)
- [Ф](#)
- [Э](#)

- [ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ](#)

- [КАРТЫ](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
-

Ашиль Люшер
ИННОКЕНТИЙ III И
АЛЬБИГОЙСКИЙ КРЕСТОВЫЙ
ПОХОД

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию читателя издательством «Евразия» книга принадлежит перу знаменитого французского историка Ашиля Люшера (1846—1908) и посвящена одному из важных событий в истории западноевропейского Средневековья — организованному Папой Римским Иннокентием III крестовому походу северо-французских баронов против катарской (альбигойской) ереси.

Понтификат Иннокентия III (1198—1216 гг.) был периодом расцвета политического могущества папства. Сам Иннокентий (в миру Лотарио, сын графа Сеньи), человек необычайно одаренный, получил прекрасное образование в Болонье и Париже, занял видное положение в римской курии и вскоре был избран Папой Римским. В эпоху его правления традиционные претензии наследников св. Петра на теократическую власть над всем христианским миром, заложенные еще при Григории Великом в конце VI в., обрели наиболее завершенную форму. Подобно своим предшественникам Иннокентий III считал себя «главой и основанием христианства», которому надлежит править всем миром (*totum seculum*). Вмешательство Иннокентия III ощущалось во всех сферах жизни средневековых государств Западной Европы. Имея характер властный и решительный, Папа требовал от светских правителей подчинения в тех вопросах, которые, как ему казалось, находились в его ведении как высшего арбитра: вакантность трона, греховность государя, связи с еретиками. Папа строго охранял свободы и независимость Католической Церкви средневекового Запада: в его переписке часто можно встретить приказ светским властям вернуть епископам их имущество и светские права. Добиваясь выполнения своих требований, Иннокентий не останавливался перед самыми решительными мерами. За время своего правления он отлучил от Церкви английского и французского королей Иоанна Безземельного и Филиппа II Августа, германского императора Оттона IV Брауншвейгского. Полагая себя вправе судить монархов за их вмешательство в дела Церкви и моральные прегрешения (Филиппа Августа он предал анафеме за то, что тот бросил законную супругу и женился на знатной немке Агнесе Меранской), Иннокентий III одновременно рассматривал королей как своих непосредственных

вассалов и добился от некоторых из них вассальной присяги верности: арагонский король Педро II и английский государь Иоанн Безземельный принесли Папе оммаж и обязались выплачивать в папскую казну ежегодные феодальные взносы. Активно участвуя в европейской политике и стараясь подчинить Европу своей верховной власти, Папа сделал излюбленным методом политику равновесия, избегая резких изменений на политической карте Европы. Это четко прослеживается во всех конфликтах между европейскими правителями и монархами, в которые вмешивался Иннокентий III: отлучив от Церкви в 1213 г. Иоанна Безземельного и предложив французскому королю Филиппу II занять «вакантный» трон, Папа через своего легата оказал на Иоанна сильное давление и заставил покориться своей воле, после чего запретил Филиппу захватывать Англию. В конфликте между двумя претендентами на германский престол: Оттоном Брауншвейгским и Филиппом Швабским — Иннокентий поочередно поддерживал обе стороны. В 1209 г. после убийства Филиппа он короновал Оттона императорским венцом, но вскоре низложил его и передал императорскую власть юному Фридриху Гогенштауфену (будущему Фридриху II). С подобным же пылом Иннокентий наводил порядок и во вверенной ему Церкви: без колебаний взимал строгие штрафы с провинившихся церковных лиц, снимал с церковных должностей недостойных пастырей, стремился следить за нравственным обликом духовенства.

Став Папой Римским, Иннокентий III столкнулся со множеством проблем, оставшихся от его предшественников. В XII в. римская Церковь, несмотря на благодатные последствия реформ Папы Григория VII, вновь подверглась тяжким испытаниям. Папа и германский император по-прежнему продолжали оспаривать друг у друга право на высшую власть. Положение омрачало еще и то, что Папы поставили перед собой цель минимизировать реальную власть императоров в Италии, заменив ее своею. Очередной разрыв наступил в правление императора Фридриха II Барбароссы (1152—1190 гг.), когда германский государь и его сторонники из числа римской курии выбрали своего Папу Римского, а их противники — своего (1159 г.). Схизма, которая завершилась лишь в 1177 г., полностью поглощала внимание соперничавших сил и компрометировала высшую церковную власть в глазах верующих. Раскол Римской церкви на два лагеря глубоко смущал

сознание человека XII в. Пагубное влияние оказали и нравы католического духовенства, жившего в роскоши и являвшего дурной пример народу. Находясь в состоянии войны, папство просто не смогло вовремя обратить внимание на грозную силу, которая поднималась на юге Франции — катарскую ересь.

К XII в. в историю ереси было вписано уже немало страниц. До XI в. они сводились, в основном, к догматическим спорам о Божественной сущности, Троице, пресуществлении и предопределении. Но начиная со второй трети XI в. в Западной Европе возникают несколько иные виды ереси, которые основываются на требовании возвратиться к евангельской чистоте и бедности, которые одни могут спасти человеческую душу. Фактически то был призыв к реформе Церкви и нравом духовенства, погрязшего в пороках и симонии (продажа церковных должностей). С адептами новых воззрений или расправились, или уговорами возвратили в лоно истинной Церкви. В то время папство, которое возглавил суровый Григорий VII смогло сдержать удар, само проведя реформы (т. н. григорианские реформы). Своеобразный выход из создавшейся ситуации предоставили и основатели новых монашеских уставов (цистерцианцы, премонстранты), которые стремились удалиться от мира и жить по правилам, продиктованным Евангелием. После некоторых колебаний папство признало и санкционировало деятельность монахов-отшельников. Но эти реформы сверху лишь ненадолго отсрочили удар. Новые монашеские ордены, несмотря на выдающихся руководителей (например цистерцианца Бернара Клервоского), постепенно отходили от того строгого образа существования, которому всецело отдавались вначале, и занимали свое место в традиционной церковной иерархии. И в XII в. старые призывы к евангельской чистоте вспыхнули с новой силой. Теперь они исходили и от мирян, таких, как, например, Пьер Вальдо, зажиточный лионский купец, и встречали поддержку в самых широких массах населения: от простых крестьян до рыцарей и даже в сословии клириков. Мятеж вальденсов, а затем и катаров, чье учение имеет манихейские корни, был направлен, по существу, не столько против христианской веры, сколько против Церкви как организации: недаром Пьер Вальдо бросил фразу, которую можно считать своеобразным лозунгом его приверженцев: «Господу следует подчиняться больше, нежели людям».

Ашиль Люшер, который посвятил Папе Иннокентию шесть томов исследований, в томе «Иннокентий III и альбигойский крестовый поход» поставил перед собой цель изучить, как зарождалось движение катаров, как Католическая Церковь отреагировала на рост ереси: в центре повествования находится политика Иннокентия III, который считался душой крестового похода и из Рима руководил всем ходом операции. Тщательно изучив переписку Папы с христианскими государями, духовенством и легатами, Люшер пришел к выводу, что контроль Иннокентия III за действиями северо-французских крестоносцев вовсе не был столь полным, как представлялось до того. Наоборот, ученый пришел к выводу, что указания Папы проходили сквозь призму представлений и намерений его чрезвычайных представителей (легатов и нунциев), местных епископов: высшие иерархи Церкви, открыто опасаясь противоречить понтифику, на деле тормозили, искажали его приказы и предложения. Автор наглядно продемонстрировал, как на Лютеранском Соборе Папа был вынужден уступить давлению большинства и пойти наперекор своим убеждениям. Церковная организация, по мнению Люшера, вовсе не была столь строгой и основанной на полном подчинении понтифику. Папство сильно зависело от представителей почитаемых монашеских орденов (таких, как цистерцианский) епископата, который зачастую вел себя очень независимо, сохраняя внешние знаки почтения к главе Церкви. Благодаря анализу писем Иннокентия III Люшер смог раскрыть перед читателем мир интриг и закулисной борьбы, в которую были вовлечены враждующие силы. И во главе этого мира автор показал Иннокентия III, чье поведение было далеким от фанатичного рвения. Как это ни удивительно, глава христианского мира иногда резко менял курс собственной религиозной политики, удерживая своих слишком ретивых помощников от чрезмерного кровопролития и жестокости, а иногда даже вставая на сторону обвиняемых в ереси.

Со свойственным ему мастерством Ашиль Лютер раскрывает перед читателем мир Италии и Южной Франции, где разворачивались драматические события, приведшие к завоеванию Южной Франции северо-французскими баронами, а позднее — и французскими королями.

Карачинский А. Ю.

ГЛАВА I

ЮЖНАЯ ФРАНЦИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Терпимость южан. — Епископ Альби и сектанты. — Религия вальденсов. — Источники и характерные черты катаризма. — Почему становились катарами. — Дискредитация ортодоксального духовенства. — Война мирян и клириков. — Состояние духа баронов Юга.

В солнечной Франции — Гаскони, Лангедоке и Провансе — в XII в. жил милый и речистый народ, с легким сердцем и простыми нравами. Его вера, крайне поверхностная, мало занимала его. Его трубадуры воспевали лишь галантные интриги, развлечения, которых они искали, переезжая из сеньории в сеньорию, кастелянов, от которых добивались щедрот. Героев этого блестящего мира, знатных и незнатных, интересовала почти исключительно поэзия, а их излюбленным культом был культ женщины и наслаждения. Южане трудились по преимуществу в городах на побережье Средиземного моря. Нарбонн, Монпелье, Арль, Марсель — города-пакгаузы известного европейцам мира — при помощи консульств и факторий далеко распространяли свое влияние. Обмен товарами и идеями, разнообразие народностей и верований, смешение восточных и западных элементов не только обогащали население, но и развивали в нем те подвижность духа и вкус к новому, которые благоприятствуют всяческим переменам.

На этой картине были и темные пятна. Прежде всего, политическая анархия: графы Тулузские, верховные сюзерены этого края, не сумели подчинить себе все феодальные силы и сосредоточить власть над ними в своих руках; кроме того, бароны воевали между собой, города — с сеньорами, миряне — с клириками и, наконец, эту местность разоряли разбойники. В 1182 г. Стефан, епископ Турне, ученый человек и дипломат, ездивший с миссией в Тулузу по поручению Филиппа

Августа^[1], вернулся с Юга в великом ужасе. Он увидел повсюду лишь «картину смерти, разрушенные церкви, деревни, обращенные в пепел, и человеческие жилища, ставшие логовами диких зверей». Но это было преувеличением: в средние века люди вообще злоупотребляли ораторскими эффектами и редко оценивали что-либо точно. Все перечисленное в той или иной мере было бичом и других частей Франции — народ повсюду страдал от одних и тех же бедствий.

Вообще Юг превосходил Север и по своей культуре и богатству языка, и благодаря юридическим обычаям, перенятым из римского права, более милосердному социальному устройству, более свободным городам, менее высоким межклассовым барьерам, менее суровому серважу. К тому же Юг — и в этом он был весьма оригинален — отличался терпимостью.

Евреи могли здесь жить, не испытывая преследований и давления; им позволяли занимать официальные должности; сеньоры и даже прелаты охотно доверяли им заведование своими финансами, управление своими доменами. Иудеи на глазах у всех богатели за счет торговли и ремесла: Нар-бонн насчитывал тогда около трехсот еврейских торговых домов, имевших филиалы в Пизе и Генуе. Почти повсюду рядом с церковью как ни в чем не бывало возвышалась синагога.

Стоит ли удивляться, что этим умонастроением южан пользовались еретики? Проповедники новых учений находили здесь последователей, устраивали собрания, бросали вызов епископам, не вызывая протестов народа и вмешательства властей.

Беспристрастный и хорошо осведомленный историк Гильом де Пюилоран^[2] утверждает, что лангедокские рыцари могли безнаказанно вступать в любую секту, в какую хотели. Ересиархов здесь мало того что не преследовали — их почитали. Они имели право приобретать земли, обрабатывать поля и виноградники. Они владели просторными домами, где публично произносили проповеди, и собственными кладбищами, где официально хоронили адептов своей веры. В некоторых городах они даже занимали привилегированное положение: муниципальная или сеньориальная администрация освобождала их от службы в городской страже и от податей. Отправляясь в дорогу вместе с ними, можно было не опасаться нападения: их защищало почтение, которое они внушали. Умирая, многие собственники и бюргеры

передавали приходившим к их смертному одру сектантским священникам свою постель, одежды, деньги. Форма религиозных церемоний может варьироваться как угодно — поведение верующих не меняется.

«Однажды епископ Альби был вызван к смертному ложу одного из своих родичей, кастеляна Гильома-Пьера де Брана. “Следует ли мое наследство разделить между двумя моими сыновьями или оставить неразделенным?” — спросил умирающий. “Раздел лучше, — ответил прелат, — он гарантирует мир между вашими наследниками”. Собеседник обещал последовать этому совету; а епископ пустился в расспросы, чтобы узнать, в каком монастыре тот желает быть погребенным. “Не беспокойтесь об этом, — ответил Бран, — я уже сделал распоряжения”. — “Скажите же”, — настаивал епископ. — “Я хочу, чтобы мое тело перевезли к Добрым людям” (то есть к еретикам). Епископ был возмущен; он заявил, что не позволит этого. “Не трудитесь зря, — продолжил собеседник, — если моей воле будут препятствовать, я уползу к ним на четвереньках^[3]”. Епископ оставил этого человека как покинутого Богом, зная, что не сможет помешать ему поступить, как тот захочет. Вот каково было у нас могущество ереси. Обуздать ее был не в состоянии и епископ — даже в отношении родича, своего прихожанина».

В Ломбере близ Альби жил один знаменитый ересиарх, Сикард Келарь. Когда тот же епископ Альби приехал в этот городок, рыцари и бюргеры стали упрашивать его устроить с Сикардом один из тех диспутов, на которых представители обеих религий спорили об истинности своих верований. Епископ сначала отказывался, мотивируя это тем, что сей закоренелый грешник никогда не признает своих заблуждений. Но жители настаивали, и епископ, чтобы его не обвинили в уклонении от борьбы, уступил. В глубине души ломберцы полагали, что конфуз потерпит он, а не его противник.

«Сикард, — сказал епископ, — вы прихожанин моей епархии; вы живете на моей территории; вы обязаны дать мне отчет о вашей вере. На вопросы, которые я буду вам задавать, отвечайте просто “да” или “нет”. — “Пусть будет так”, — сказал Сикард. — “Верите ли вы, что Авель — жертва Каина, Ной, выживший в потоп, Авраам, Моисей и другие пророки, жившие до Христа, могут быть спасены?” — “Никто из них не спасен”, — ответил ересиарх. — “А мой родич, Гильом-Пьер

де Бран, только что умерший?» — «Да, он спасен, потому что умер в нашей вере»». Епископ на то сказал: «С вами, Сикард, случилось то же, что произошло с Гильомом из Сен-Марселя, медиком из моей епархии, недавно прибывшим из Салерно. Вызванный к двум больным, он поставил диагноз, что один умрет ближайшей ночью, а другой исцелится. Все получилось совсем наоборот. «Я вижу, — сказал медик, — что, прочтя свои книги, понял их совершенно превратно. Я возвращаюсь в университет, чтобы переделать то, что сделал плохо»». Вот и вы, Сикард, плохо прочли наши книги, ибо осудили тех, кого простили Писание и Бог, и обещаете спасение человеку, всегда жившему злодейством и грабежами. Значит, вас надо снова отправить в школу, чтобы вас научили правильно читать». Сказав это, епископ ушел, а Сикард остался безмолвен и смущен. Тем не менее авторитет епископа был бессилён помешать ему [Сикарду] жить там, где он обосновался.

Такие беседы-диспуты богословов увлекали народ не хуже турниров. Он с любопытством следил за перипетиями споров и отмечал удачные удары. В 1204 г. в Каркассоне католики и катары вели длительный диспут на глазах папских легатов и короля Педро II Арагонского, присудившего победу поборникам старой веры. Можно ли представить себе подобное зрелище в Северной Франции? Там епископы и чернь не дискутировали с еретиками, а спешили их умертвить. Юг же позволял им говорить, действовать, даже создать свою религиозную организацию. В 1167 г. еретики устроили торжественное заседание — в Сен-Феликс-де-Караман собрались их епископы из Альбиджуа и из-за рубежа. Под председательством одного пришельца из Византийской империи они без помех уладили вопросы внутренней дисциплины и административных назначений.

В те времена казалось, что в городах и деревнях здесь живут одни сектанты. В 1177 г. граф Тулузы Раймунд V забил тревогу и обратил внимание генерального капитула Сито^[4] на ужасающее распространение новой религии: «Она проникла повсюду. Она внесла разлад во все семьи, разделила мужа и жену, сына и отца, невестку и свекровь. Заразе поддаются даже священники. Церкви опустели и рушатся. Что до меня, то я делаю все возможное, чтобы прекратить такое бедствие, но чувствую, что моих сил для этого не хватит. Порче

поддались знатнейшие люди моей земли. Их примеру последовал народ и отрекся от веры, так что я не осмеливаюсь и не могу пресечь это зло».

Вопрос о количестве диссидентов накануне альбигойской войны относится к категории тех, на которые историки никогда не дадут точного ответа. Католики преувеличивают их число, чтобы оправдать последующие репрессии; их противники, чтобы представить карателей более одиозными, утверждают, что еретиков в Лангедоке было незначительное меньшинство. Будь их количество столь ничтожным, папство не натравило бы одну половину Франции на другую: опасность и усилие, предпринятое для ее устранения, должны быть соразмерны. Может быть, альбигойцы составляли большинство лишь в отдельных городках приморского Лангедока, представлявших собой базы этой секты. Но пылкость и быстрый результат их пропаганды, бездействие официальных властей, поддержка, которую они находили в высших классах, сделали их повсюду столь грозными, что Церковь в конечном счете сочла себя обязанной действовать и защитила себя.

* * *

В Южной Франции слились два потока религиозного инакомыслия: один был местным, другой пришел из-за рубежа.

Некоторые учения, самопроизвольно возникшие среди французов, проистекали из естественного развития мышления и разума, из потребности в аскетизме, из желания согласовать систему веры со строгими требованиями нравственности. Ориентированные на улучшение христианства, они не приносили ничего позитивного и выражались в отрицаниях. Они стремились не уничтожить Церковь, а очистить ее и вернуть к истокам. Об этом мечтал и лионский купец Пьер Вальдо, последователей которого в народе стали называть «лионскими бедняками».

Первоначально вальденсы ограничивались проповедью бедности и чтением Библии. Южное духовенство долгое время их терпело и даже позволяло им читать свои тексты и петь псалмы в церквях. Им разрешали бродить от дверей к дверям, и те, кто им сочувствовал, оставаясь добрыми католиками, давали им приют. Эти адепты добровольной бедности, ходившие почти босыми и носившие

монашеские рясы, вызывали только симпатию. Но мало-помалу в их проповеди усилились радикальные тенденции: упрощая католицизм, они почти уничтожали его. В конечном счете они пришли к отрицанию культа святых, чистилища, таинства пресуществления, необходимости священников и епископата, а также иерархии, которую создает рукоположение и посвящение в сан. Они хотели свести культ к проповеди, молитве, чтению Евангелия и священных книг, которые стали бы доступны для всех благодаря переводу на народно-разговорный язык. Наконец, они давали любому верующему, находящемуся в состоянии святости право исповедовать и отпускать грехи.

Если вальденсы отнимали у Церкви богатство, политическую власть, ту материальную оболочку, в которую ее, словно удушив, облекло Средневековье, они тем более считали, что остаются христианами и даже что они одни постигли истину христианства. Совершенно не желая, чтобы их верования путали с альбигойскими, они с самого начала стали открытыми противниками катаров. «Эти еретики не находили согласия друг с другом, — пишет Гильом де Пюилоран, — однако равно стремились вытеснить католическую веру; но вальденсы особо рьяно выступали против других». Петр из Воде-Сернея, историк Симона де Монфора, и ортодоксы того времени тоже очень хорошо умели их различать. «Вальденсы были дурны, но гораздо менее испорчены, чем остальные. Их учение имело много сходства с тем, которое исповедуем мы; эти доктрины различаются лишь в нескольких моментах».

Это объясняет, почему за последние тридцать лет XII в. вальденство так быстро распространилось и проникло так далеко от места своего зарождения. Вальденсов встречали в долине Роны, в Альпах, в Лотарингии, в приморской и пиренейской областях Лангедока, в Ломбардии, в Каталонии и даже в Арагоне, где они соперничали с катарами. Многие католики становились вальденсами, думая, что от старой религии они отходят лишь очень незначительно. Правда, на практике враги ересей редко брали на себя труд отличать их друг от друга. Во время войны и в преддверии костра различие враждующих религий стиралось. Среди массы жертв, которую повлечет за собой крестовый поход Иннокентия III, вальденсов, может быть, будет не меньше, чем катаров или собственно альбигойцев.

Катаризм шел дальше. Он имел восточное происхождение и возник у греко-славян Балканского полуострова, прежде всего у болгар. Оттуда он достиг Боснии, Далмации и через порты Адриатического моря — Северной Италии. В начале XI в. он был завезен во Францию студентами и купцами — традиционными переносчиками ересей. Частыми посетителями крупных французских школ, шампанских, пикардийских и фламандских ярмарок были итальянцы. Через их посредство новая вера стала проникать, поначалу спорадически, в большинство густонаселенных городов Северной Франции — Орлеан, Шалон, Реймс, Аррас, Суассон. Но она также завоевала, охватив более значительные массы, области Нижнего Лангедока и Прованса. В Монпелье, Нарбонне, Марселе сформировались первые группы проповедников учения этой секты. Отсюда они двинулись от рынка к рынку, от замка к замку и дошли до Пиренеев, Тулузы и Ажена. Сбывая свою веру одновременно с товарами, они обращали в неё сеньоров, бюргеров и крестьян. Один из самых ярых противников этой ереси, Лукас, епископ Туденский^[5], бросает в их адрес такую насмешку: «Вы встречали в Новом Завете упоминание, чтобы апостолы ходили от ярмарки к ярмарке, торгуя и зашибая деньгу?»

Религия, которой таким образом торговали вразнос, представляла собой не систему очищения католицизма, а самостоятельное верование, основной принцип которого радикально отличался от основ христианского учения. Вместо монотеизма — дуализм: рядом с добрым Богом, создателем всего духовного и всего доброго, встает злой Бог, творец тел и материи, физического и нравственного зла. Все материальное для катаров отвратительно. Плотский контакт есть нечистота, падение, смертный грех. Согласно такому верованию, быть совершенным — значит действовать в чисто духовной сфере. Альбигойство в теории осуждает брак, рождение детей, семью. Если его довести до крайности, получится, что существовать вправе лишь индивиды, для каждого из которых центр мироздания и цель — он сам. На практике основными принципами этой веры руководствовались входившие в секту логические умы, которые ею руководили и которых называли *совершенными*, — разумеется, составлявшие ничтожное меньшинство, но деятельные и убежденные. Эта элита давала катаризму его епископов и священников, проповедников, одетых в

черное; она поддерживала в массе его адептов, верующих (*croyants*), пламя веры.

Нет никаких сомнений, что такая религиозная система, пережиток древнего манихейства, с философской точки зрения стоит ниже христианства. Догмат о двойственности божества, на котором здесь основано все, слишком упрощенным образом решал вопрос об отношениях души и тела и проблему существования зла. Если христианские мыслители пытаются примирить то, что в реальности связано между собой: представление о совершенстве и абсолюте с фактом существования зла, дух с материей, — то катаризм находит более удобным полностью разделить их. С практической точки зрения он скорее ослаблял социальные связи, дополнительно раздувая присущее Средневековью пристрастие к крайностям: чрезмерную склонность к умерщвлению плоти, полнейшее к ней презрение, восхищение образом жизни отшельника или монаха-затворника.

В протоколах инквизиции, составленных в середине XIII в., но часто упоминающих факты более раннего времени, удивляет не только фанатизм инквизиторов, но и фанатизм подследственных, неприятие катарскими апостолами самых могучих инстинктов человеческой природы. Те, кого они включали в секту, ради выполнения активной роли должны были оставить родителей, детей, мужа или жену. Обязанные следовать за спутником или спутницей, которых им назначили, они обрекали себя на целибат и постоянное воздержание. Они покидали общество и соприкасались с ним лишь ради проповеди и пропаганды. Многие из «совершенных» безапелляционно провозглашали, что спастись можно только в лоне их Церкви; что те, кто остается вне ее, суть демоны; что это относится даже к малолетнему ребенку, даже к плоду в утробе матери — нечистому порождению греха. И порой они встречали в ответ внезапный выплеск материнского чувства. «Почему я потеряла всех своих детей?» — спросила однажды женщина-свидетельница двух еретиков, назвавшихся друзьями Бога, то есть совершенными. «Потому что все ваши дети были демонами», — ответили они. И с тех пор женщина не хотела слушать их проповеди. Или муж пеняет жене за то, что она не примыкает к ереси, как это сделала вся их деревня, и тщетно пытается убедить ее. Та упорно избегает еретиков: разве те не заявили ей, что она

беременна демоном? «Мой муж, — сказала она инквизиторам, — часто бранил меня и бил за то, что я не хотела их полюбить».

Альбигойский фанатизм проявлялся и в другой крайности — стремлении верующего к смерти, после того как он получил, через посредство торжественного акта под названием *consolamentum*^[6], нечто вроде крещения *in extremis*^[7], которое обеспечивало ему спасение. Тогда бывало, что больные, счастливые тем, что их осенила благодать, морили себя голодом — по собственному убеждению или по совету духовника. А если инстинкт самосохранения поднимал бунт, рядом всегда были родственники, готовые его обуздать. «Два дня, — рассказывает одна женщина, вызванная как свидетельница, — моя дочь не давала мне есть и пить, чтобы я не утратила благодать от таинства, проведенного надо мной. Лишь на третий день я смогла достать пищу и выздоровела».

Как же эта религия, столь отличная по своим основам от католицизма, столь склонная насилловать человеческие инстинкты и, во всяком случае, столь противоречащая чувственности и терпимости южан, смогла найти среди них столько приверженцев? Дело в том, что суровый аскетизм, следствие катарских принципов, был обязателен лишь для небольшого числа совершенных. Массе сектантов его не навязывали, и не без причин. Те, конечно, должны были по возможности следовать примеру вождей и приближаться к их идеалу; но из терпимости им позволяли вступать в брак, заводить семью и жить обычной жизнью. Чтобы спастись, им было достаточно получить *consolamentum* в случае болезни или опасности. Простое наложение рук, нечто вроде «Отче наш»? — и они обретали рай. Именно этим монах из Во-де-Сернея, клеветавший на ненавистных ему сектантов, объяснял успех их пропаганды. «Те еретики, которых называют верующими, продолжают жить в миру. Хоть они и не доходят до того, чтобы вести образ жизни совершенных, однако надеются спастись через свою веру. Эти верующие предаются ростовщичеству, воровству, убийствам, клятвопреступлениям, всем плотским порокам; они грешат с тем большей уверенностью и воодушевлением, что не нуждаются ни в исповеди, ни в покаянии. Им достаточно, находясь при смерти, прочесть “Отче наш” и причаститься Святого Духа».

К тому же катары обращались к некоторым чувствам, которые всегда популярны в массах, например, возбуждая у бедных неприязнь к

богатому духовенству, равнодушному к социальным бедам. Еретическая школа Перигора учила, что милостыню давать незачем, «потому что никто не должен ничем обладать как собственностью». Катары постоянно напоминали, что в первоначальной Церкви ни один христианин не мог быть богаче другого и все обобществлялось на благо всех. В некоторых отношениях община альбигойских совершенных не признавала частной собственности: деньги, получаемые от верных в форме даров или по завещанию, вносились в общую кассу и использовались для поддержки обездоленных. «Хочешь выйти из своего бедственного состояния? — говорили они бедняку. — Иди к нам, мы позаботимся о тебе, и ты не будешь ни в чем нуждаться».

Катаризм располагал и другими средствами обольщения. Чистилища нет (молитвы за мертвых не имеют смысла) и ада нет. Ад для альбигойцев — это место покаяния и наказания, то есть земля, телесная жизнь в видимом мире. Совершив более или менее долгий переход через плотские оболочки, все души в конце концов спасаются. Понятно, что уже сама по себе такая перспектива привлекала толпу. Та не задавалась вопросом, как представление о вечном блаженстве, ожидающем всех, может сочетаться с верой в демонов и отрицанием спасения для тех, кто не входит в секту. Достаточно было мысли о том, что, став катаром, ты избавляешься от вечных мук, а с другой стороны, твой разум может не биться над непостижимыми тайнами.

Религия альбигойцев не признавала Троицы. Христос для них был не более чем творением, ангелом первого ранга, а Святой Дух — предводителем небесных умов. Догматические проблемы воплощения, воскресения, вознесения Христа исчезали, потому что Иисус не становился плотью и лишь по видимости принимал человеческий облик. Святая Дева тоже была всего лишь ангелом, а не подлинной матерью Сына Божьего. Наконец, катару не было нужды дознаваться, как это на Страшном Суде распавшиеся и уничтоженные тела могут вновь стать невредимыми: он верил, что воскреснуть предстоит только душам.

Даже наименее христианский элемент новой религии — вера в существование злого божества — не так отпугивал католические массы, как можно было бы предположить. Известно, какое место в их сознании занимал дьявол, какое могущество они ему приписывали и как легко верили в его частое вмешательство. Но распространение

катаризма ускорялось еще и благодаря тому, что его проповедники, не акцентируя внимания на экзотических чертах своего учения, спешили подчеркнуть его родство со старой верой. Они изо всех сил цеплялись за название христиан и протестовали против обвинения в ереси. Послушать их, так это католицизм отклонился от истинно христианской традиции, а они-де только возрождают культ и учения первоначальной Церкви. Действительно, трудно отрицать разительное сходство между катарскими церемониями и христианской литургией первых веков. Для борьбы с выродившимся католицизмом сектанты опирались на Новый Завет: они практиковали мораль Христа, а также верили, что он был послан на землю, чтобы освободить души. Видя в Ветхом Завете в основном творение Сатаны, они все-таки брали из него то, что им подходило, толкуя это символически; таким образом, они не отвергали священные книги католиков. Они сохраняли также их великие религиозные праздники — Рождество, Пасху, Троицу; они практиковали род исповеди, *appareillamentum*, представлявшую собой просто публичную исповедь первых христиан; они создали у себя даже иерархическую организацию, со священниками и епископами, с епархиальными округами, границы которых почти совпадали с границами округов прежнего духовенства. Не хватало им только Папы. Адепт альбигойской религии мог питать иллюзию, что в конечном счете, покинув веру своих отцов, он не так уж сменил среду, традиции и привычки.

Добавим к этому впечатление, которое производила на толпу строгая жизнь совершенных, и напрашивавшееся сравнение с образом жизни прелатов римской Церкви. Разумеется, всякое человеческое общество, сколь бы возвышенным ни был его идеал, имеет свои недостатки, паршивых овец и дурных пастырей. Из протоколов инквизиции следует, что некоторые катарские священники злоупотребляли своим положением, вымогая у больных деньги или соблазняя своих прихожанок. Но в этих свидетельствах ни разу не упоминаются ночные оргии, которые толпа обычно приписывала приверженцам ереси. Напротив, становится несомненным суровое целомудрие катарских апостолов, скрупулезность мер, которые они принимали во избежание даже видимости всякого контакта с женщиной. Даже некоторые из современников Иннокентия III, которым не застила глаза ненависть, признавали высокую нравственность этой

секты. Однажды, выслушав проповедь епископа Тулузского, Фулька (или Фолькета) Марсельского, один лангедокский рыцарь, который раньше примыкал к катарам, воскликнул: «Мы никогда бы не поверили, что у римской Церкви есть столь сильные основания возражать нашим служителям». — «Почему, — бросил епископ, — ты не признаешь, что им нечего ответить на мои возражения?» — «Но мы признаём это», — сказал рыцарь. «Тогда, — подхватил Фульк, — почему вы не изгоните их со своей земли?» — «Мы не можем этого сделать, — ответил собеседник. — Мы выросли среди них; многие из наших близких живут рядом с ними, и мы вынуждены признать, что они ведут себя очень достойно».

Итак, распространение альбигойской ереси объясняется самой ее природой и характером тех, кто ее пропагандировал; но особенно помогало работе проповедников социальное состояние страны. Когда семя упало, почва была подготовлена.

* * *

Удачным для еретиков в первую очередь был тот факт, что им противостояло духовенство, не имеющее морального влияния и глубоко дискредитированное. «Миряне, — говорит Гильом де Пюилоран, — имели столь мало уважения к своим кюре, что ставили их на одну доску с евреями. Если они бранились, то вместо слов: “Лучше быть евреем, чем делать то-то” говорили: “Лучше быть попом”. Когда священники показывались в народе, они старались скрыть свою тонзуру. Рыцари нашей страны очень редко направляли детей на духовное поприще. В церквах, где они собирали десятину (в силу своего патронажного права), на должность кюре они назначали детей своих арендаторов или своих сержантов. Вот епископам и приходилось посвящать в сан кого попало».

Епископы и аббаты тоже редко жили правильнее простых священников. Соборы Южной Франции обязывали их носить тонзуру и одеяние, подобающее их сану. Им запрещалось надевать роскошные шубы, пользоваться расписными седлами и позолоченной сбруей, играть в азартные игры, ездить на охоту, ругаться и позволять, чтобы ругались в их присутствии, допускать к своему столу гистрионов и музыкантов, слушать заутреню в постели, болтать о пустяках во время службы и отлучать людей от Церкви кстати и некстати. Они были должны не покидать резиденции, созывать свой синод не реже раза в

год и во время поездок по епархии не возить с собой слишком многочисленную свиту — тяжкое бремя для принимающих. Запрещалось брать деньги за посвящение в сан, за молчаливое позволение священникам держать наложниц, за оглашение объявлений о предстоящих свадьбах, за избавление виновных от церковных наказаний. Наконец, запрещалось вымогать деньги за недозволенные венчания и за аннулирование законных завещаний.

Этот перечень запретных злоупотреблений — сам по себе уже картина нравов. Если сюда добавить признания монаха-хрониста Готфрида из Вижуа, сарказмы некоторых трубадуров, таких, как Понс де ла Гард и Гаусельм Файдит, и прежде всего обвинения, содержащиеся в письмах самого Иннокентия III, у нас будет достаточно данных, чтобы сделать вывод об обычном поведении прелатов земли языка «ок». Достаточно взглянуть, в каких выражениях этот Папа говорит про духовенство Нарбоннской области и про его главу, архиепископа Нарбоннского Беренгария II: «Слепцы, немые собаки, разучившиеся лаять, симоньяки, торгующие правосудием, отпускающие грехи богатому и осуждающие бедного. Они не соблюдают даже законов Церкви: возглавляют по несколько приходов, а сан и должность священника доверяют недостойным людям, безграмотным детям. Отсюда дерзость еретиков; отсюда презрение к Богу и Его Церкви у сеньоров и народа. Прелаты этой области — притча во языцех для мирян. Но первопричина всего зла — архиепископ Нарбоннский. У этого человека нет иного Бога, кроме денег, а на месте сердца у него кошель. За десять лет выполнения своей должности он ни разу не посетил ни свою провинцию, ни даже собственную епархию. За посвящение епископа Магелоннского в сан он вытребовал пятьсот золотых солидов, а когда мы попросили его выделить деньги на спасение христиан Востока, он отказался нам повиноваться. Когда в какой-то церкви вдруг возникает вакансия, он не назначает туда постоянного священника, чтобы доходы поступали в его казну. Он вдвое урезал число каноников в Нарбонне, чтобы присвоить их пребенды^[8], и оставил за собой также вакантные места архидьяконов. В его епархии монахи и монастырские каноники сбрасывают рясу, берут жен, живут ростовщичеством, становятся адвокатами, жонглерами или медиками».

Скомпрометированная недостойным поведением собственных служителей, Церковь Южной Франции была ослаблена еще и непрерывными нападениями баронов, остервенело грабивших ее. Война знати с клириками, всегдашний бич Средневековья, в этом регионе велась с особым упорством и ненавистью. В борьбе с епископами и аббатами, которых не защищало уважение народа, феодалы позволяли себе все.

В Тулузе окрестная знать так извела епископа, что для поездок по епархии он умолял выдать ему охранное свидетельство. Его мулы не могли без охраны подойти к реке или водопойному желобу, и часто приходилось поить их из колодцев внутри стен епископского дома. Что для защиты своего епископа мог сделать граф Тулузский? Он сам с большим трудом сдерживал своих вечно бунтующих вассалов; впрочем, этот высокий сюзерен вел себя не лучше других феодалов. Он устраивал гонения на аббатство Муассак и в 1196 г. Папа Целестин III был вынужден отлучить его за разрушение нескольких церквей, подчиненных аббатству Сен-Жиль, грабеж братьев этой обители и постройку крепости, угрожающей аббату. От подобного натиска Церковь страдала во всем Лангедоке: Рожер II, виконт Безье, в 1171 г. разорил аббатство Сен-Понс-де-Томьер, в 1178 г. бросил в тюрьму епископа Альби и развлечения ради назначил ему тюремщиком еретика. В 1197 г. монахи Альби избрали себе аббата, неугодного опекуну нового виконта Безье, — так тот предал аббатство огню и мечу и посадил избранника под стражу. Его зловещая фантазия подсказала ему усадить в аббатское кресло труп покойного аббата, где тот и оставался до тех пор, пока феодал не добился от монахов избрания своей креатуры.

В Памье люди Раймунда-Рожера, графа Фуа, разрубили на куски одного каноника аббатства Сент-Антонен и выкололи глаза другому брату из той же обители. Вскоре приехал граф со своими рыцарями, шутами и придворными, запер аббата и его монахов в церкви, продержал там три дня без еды, а потом почти нагими изгнал из их собственного города. Этот «прежестокый пес», как его называет Петр из Во-де-Сернея, захватил церковь Уржеля и оставил от нее одни стены. Из рук и ног распятий его солдаты делали песты, чтобы толочь приправы на кухне. Их кони ели овес на алтарях, а сами они, напялив

на статуи Христа шлемы и щиты, упражнялись, протыкая их копьями, как манекены при игре в квинтину^[9].

Забавы рутьеров!^[10] Использование этих бандитских орд делало войну, жертвой которой была Церковь, еще более жестокой. Их можно было сколько угодно отлучать: в том, чтобы осквернять святые места и придавать своим грабежам привкус святотатства, они находили особый шик. Несмотря на все запреты и угрозы Церкви, графы Тулузы, Фуа, Комменжа, виконты Безье, сеньоры Беарна не могли обойтись без их услуг. Вассальные связи в их среде то ли были столь слабы, то ли с ними так мало считались, что военные обязательства, регулярно налагаемые на вассалов при пожаловании фьефов, давали гораздо меньше воинских сил, чем требовалось для нападения или защиты. Рутьеры были неизбежным злом. Церковь не понимала этого, видя в этих нанимаемых знатно грабителях всего лишь еретиков, которым платят за ее разорение, — в чем она заблуждалась. В некоторых местностях Франции рыскавшие там рутьеры, откровенные безбожники, сами нападали прежде всего на церкви и монастыри, привлекаемые хранящимися там сокровищами.

Знать с ее грубыми вожделениями была не единственным врагом клириков. Как, не экспроприруя сеньорий, которые держали города, епископства, капитулы и аббатства, могли бы богатеть и обретать независимость бюргеры? Конфликты их юрисдикции и интересов с церковными тоже выливались в жестокие кризисы. В 1167 г. жители Безье, убив своего виконта, набросились на епископа и выбили ему зубы. В 1194 г. бюргеры Манда выставили своего епископа за ворота. В 1195 г. горожане Капестанга были отлучены за то, что бросили в тюрьму и обобрали епископа Лодевского. А через три года горожане Лодева разграбили епископский дворец и вынудили того же епископа, приставив нож к горлу, даровать им вольности.

Повсюду, где сеньоры и бюргеры воевали с духовенством, они с восторгом привечали людей, во имя новой религии или некоего идеала высшей нравственности боровшихся с католицизмом и старавшихся вытеснить его. Проповедник катаров или вальденсов становился для них неожиданным помощником. Вскоре, благодаря смешению тяги к неизвестному и дилетантизма, в феодальной среде и в городах стало модным афишировать презрение к старому культу и приветствовать новый.

Граф Фуа, завидев процессию, несущую реликвии, оставался на коне и не склонял головы. Он жил в окружении сектантов. Его жена и одна из сестер принадлежали к вальденсам. Как-то раз в 1204 г. он находился в замке Фанжо, одном из оплотов ереси, с группой рыцарей и горожан. В его присутствии другая его сестра, Эсклармонда, вместе с четырьмя благородными дамами — своими подругами была приобщена к катаризму епископом Кастра Гилабертом. Они обещали впредь не есть ни мяса, ни яиц, ни сыра, а только постное масло и рыбу. Они обязались также не лгать, не клясться, навсегда воздержаться от всякой плотской связи и до самой смерти практиковать новую религию. Еретики велели им прочесть «Отче наш», возложили на них руки, а потом положили им на головы Евангелие. После этого все присутствующие простерлись ниц перед священниками, которые только что провели службу, и обменялись с ними поцелуем мира. Эта сцена через сорок лет была рассказана в инквизиции одним свидетелем.

Скандальная хроника, тщательно собранная монахом из Сернея, постоянно поминает графа Тулузского Раймунда VI. «Я хочу, чтобы мой сын вырос среди вас», — говорил он тулузским еретикам. Он уверял, что дал бы много сотен марок серебра, чтобы один из его рыцарей мог обратиться в их веру. Он с удовольствием принимал все дары сектантов; видели, как он простирался ниц перед их священниками, просил благословить его и обнимал их. Однажды, нетерпеливо дожидаясь солдат, которые не появлялись, он воскликнул: «Ну конечно, мир создал дьявол: ведь ничего не делается так, как я хочу!» Он заявлял епископу Тулузскому, что монахи-цистерцианцы не могут спастись, «потому что их паства испорчена роскошью». Он осмелился пригласить этого епископа прийти ночью в его дворец на проповедь альбигойцев. Однажды, находясь в церкви во время мессы, он приказал своему шуту подражать жестам священника — в тот самый момент, когда тот, обратившись к народу, пел «*Dominus vobiscum*»^[11]. Наконец, говоря об одном еретике, плохо одетом и уродливом калеке, который жил в Кастре, он сказал: «Я предпочел бы стать этим человеком, чем получить титул короля или императора».

Были и более тяжкие факты. Один тулузский еретик осквернил алтарь церкви и совершил мерзкие святотатства. Он во всеуслышание говорил, что, когда священник во время мессы съедает гостию, его тело поглощает всего лишь демона. Арнольд-Амальрик, будущий

руководитель крестового похода против альбигойцев, а в то время аббат Грансельва, потребовал от Раймунда VI кары за все эти безобразия. «За дела такого рода, — ответил ему граф, — я никогда не буду преследовать соотечественника!» Петр из Во-де-Сернея полагает, что вправе утверждать: Раймунд VI определенно примкнул к ереси. В военные походы он брал с собой альбигойских епископов, облаченных в мирские одежды: в случае тяжелого ранения они бы немедленно возложили на него руки.

Этим приверженцам ереси щедро приписывались все пороки. Монах из Сернея видит в Раймунде VI безнравственного злодея, которого не пугал даже инцест, и изливает на него потоки брани: «Член дьявола, сын погибели, закоренелый преступник, кладовая грехов»^[12]. Конечно, эти южане не были святыми. Раймунд VI, как и все ему подобные, имел наложниц и внебрачных детей, не говоря уже о сменивших друг друга пяти законных женах. Но разве сеньоры Севера вели более душеспасительную жизнь? Они тоже безжалостно воевали с Церковью; разве что, отбирая у нее мирские богатства, они чтили ее духовную власть, ее традиции и догматы.

Умонастроение баронов Лангедока оставалось для католической массы неразрешимой загадкой. Ее чрезвычайно удивляли их терпимость, их нежелание сокрушать секту, их причудливое окружение, в котором тесно соседствовали евреи, катары, вальденсы и ортодоксы. Единственно возможным объяснением этого необыкновенного факта ей казалось обращение их самих в катаризм. Действительно, ошибка инициаторов крестового похода против альбигойцев и заключалась в том, что они считали: раз эти феодалы покровительствуют еретикам, значит, они сами еретики.

В сцене, разыгравшейся в Фанжо, в церемониях инициации приняли участие все присутствующие, кроме самого графа Фуа: показательное исключение. Он позволял своим близким примыкать к секте, но сам в нее не вступал. Раймунд VI всегда возражал против утверждения, что он еретик, и никто (в этом можно верить Иннокентию III) не смог убедить его стать таковым. Он щедро одаривал монашеские конгрегации; особенно дружен он был с госпитальерами св. Иоанна Иерусалимского и в 1218 г. даже вступил в их орден, «заявив, что, если бы когда-нибудь постригся в монахи, то не выбрал бы другого облачения, нежели это». Есть подлинные свидетельства, что Раймунд

сделал свою дочь Раймонду монахиней монастыря Леспинасс и что, даже будучи отлучен, он оставался у церковных дверей, чтобы присутствовать, хотя бы в отдалении, на священных церемониях. Встречая на пути священника, несущего больному святое причастие, он спешил, совершал поклонение гостии и следовал за священником. Когда в Тулузу прибыли первые францисканцы, на Великий четверг он собрал их в доме одного из своих друзей, сам прислуживал им за столом и в почитании христианской традиции дошел до того, что омыл и поцеловал им ноги.

Противоречиям в действиях южных сеньоров можно найти много объяснений: наследственные инстинкты, безразличие, эклектичность, антиклерикализм. По примеру отцов и дедов они грабили и расхищали церковное имущество, что не мешало им, равно как и тем, обогащать монастыри, основывать часовни и облачаться в рясы в случае усугубления болезни или ощущения близкой смерти.

В то же время обстоятельства и интересы могли побудить их слушать проповедников ереси и облегчать им миссию. Тем не менее внешне они оставались связанными с религией предков. Даже уже не веруя, они по-прежнему занимались благотворительностью, что для Средневековья было существенно важным. Многие из этих так называемых еретиков до последнего дня вели себя как католики.

Вследствие этого их двусмысленная позиция казалась лишь опаснее тем, кто видел, как новая религия мало-помалу захватывает весь юг Франции. Гильом де Пюилоран возлагает ответственность за эту ситуацию отчасти на беспечность суверенов Тулузы, позволивших злу распространиться и стать почти неисцелимым. Но в первую очередь он обвиняет здешних прелатов — в небрежении, сознательном бездействии, а то и скрытом пособничестве. В самом деле, епископы, чувствуя свое бессилие или также проникаясь идеями, несовместимыми с религиозным преследованием, отказывались проводить дознание или карать своих прихожан. «Пастыри, которые должны были заботиться о стаде, — пишет Пюилоран, — уснули, вот почему волки пожрали все».

ГЛАВА II

ПАПСТВО И ЕРЕТИКИ

Средневековые Папы и ересь. — Первые меры против еретиков Лангедока. — Миссии Петра Павийского и Генриха Клервоского. — Преследование еретиков при Иннокентии III. — Процессы еретиков и склонности Папы. — Инциденты в Меце, Невере и Ла-Шарите. — Инквизитор до инквизиции: Гуго де Нуайе, епископ Осерский. — Иннокентий III и каноник из Лангра.

Трудно понять, почему вселенская Церковь и ее главы дожидались первых годов XIII в., чтобы всерьез обеспокоиться религиозным кризисом в Лангедоке и принять решительные меры против ереси. Попытаемся выяснить, почему так случилось.

По современным представлениям, религия — частное дело верующего, где свобода индивида не должна испытывать никакого принуждения. Мы полагаем, что навязывать религию, равно как и лишать человека ее, значит совершать насилие над совестью. Но восемь веков назад подобное рассуждение даже не приходило людям в голову. Какой бы ни была религиозная система, верующие не колеблясь применяли силу, чтобы распространять свою веру или карать тех, кто от нее отходит, поскольку считали ее единственно верной. Убежденные в том, что обеспечивают обращаемым вечное спасение, они даже не понимали, почему им оказывают сопротивление: неверный или инакомыслящий в их глазах был гнусной аномалией. Средневековое общество опиралось почти исключительно на религию и Церковь, противник догмата или священства становился чем-то вроде анархиста, по отношению к которому дозволено все. Вот почему народ, не задумываясь о законных формальностях, набрасывался на еврея или еретика, чтобы расправиться с ним. Власти начнут судебное дело? Они же поспешат побыстрее с ним покончить, уничтожив обвиняемых. По существу, эти взрывы ярости были всего лишь мерами социальной профилактики. Толпа, живущая в постоянном страхе перед бедствиями, губившими людей, и убежденная, что эпидемии, мор, войны суть

выражение гнева Небес, верила, что может его умирить, истребляя врагов Бога.

У высших классов фанатизма было меньше, и нередко случалось, что священник проявлял больше терпимости, чем мирянин, потому что был более просвещен. По правде говоря, чем более высокий пост в церковной иерархии занимал человек, тем менее характерна для него была религиозная пристрастность. В отношении ереси Папы и их советники часто проявляли такую широту взглядов, какая была несвойственна клирикам низших категорий. Григорий VII, снизойдя к ересиарху Беренгарию Турскому^[13], выдал ему свидетельство о правоверии. Кардиналы, присутствовавшие в 1148 г. на Реймском Соборе, выразили протест против позиции и произвола французских епископов и святого Бернара, решительно осудивших Жильбера Порретанского^[14]. Папский легат взял под свою защиту Арнольда Брешианского^[15]. Сам Абельяр нашел поддержку в римской курии. Наконец, Александр III обнял Пьера Пальдо и приветствовал принятый тем обет бедности. Все эти факты будоражили общество, порой даже вызывая скандал. Люди не понимали, что Папа, как власть по преимуществу сдерживающая, должен был не менее чутко реагировать на опасные крайности в сфере веры, чем на беззакония и насилия мирян. Поэтому с наименьшей строгостью ересь преследовало папство: народные массы, королевская власть и местное духовенство в этом намного опередили его. Оно лишь следовало за ними, и то как бы подталкиваемое необузданными людьми.

Дело в том, что религиозная оппозиция долгое время проявлялась лишь как исключение и в отдельных местах. Эти разрозненные поползновения не потрясли общества верующих до глубинных слоев: огромное большинство народа по-прежнему было покорно Церкви и ее служителям. Вера в нем укоренилась слишком глубоко, чтобы догматам, иерархии, традиционной организации священства могла грозить серьезная опасность.

С другой стороны, некоторые категории ереси встревожили Рим довольно поздно. Поначалу он оставался почти равнодушен к вольностям богословов, к более или менее рискованным суждениям профессоров диалектики. Опасным противником ему казался не клирик, который, мудрствуя над Евангелием или требуя реформ, почти незаметно для себя сходит с торной дороги ортодоксии, а император,

король или барон, торгующий церковными должностями и имуществами и превращающий епископов в функционеров светского государства.

Симония^[16], светская инвеститура, — вот грозная ересь, с которой Папы XI—XII вв. вели ожесточенную борьбу.

Надо также учитывать, что любой член Церкви имел право вводить новшества в реформаторском духе. Во все времена честные и усердные души, пламенно желающие добра и справедливости, знающие, какие творятся извращения и бесчинства, хотели вернуть феодальный католицизм, эту слишком могучую и слишком богатую махину, к простоте и бедности ранних поколений христиан. Это был идеал всех добрых епископов и всех великих монахов Средневековья. Что еще делали люди вроде Стефана Тьерского, Роберта Модемского, Роберта д'Арбрисселя, Брунона, Бернара, Норберта^[17], как не учили клир нравственности, отвращая его от земных благ и подавая личный пример сверхчеловеческого аскетизма?

Та же любовь к очищенному христианству вдохновляла и создателей учений, которые Церковь запрещала как посягающие на традицию и веру. Но где кончалась реформа и начиналась ересь? Как уверенно отделить новаторов, идеи которых следует одобрить, от тех, с кем надо бороться? Такие ересиархи, как Генрих Лозаннский и Петр де Брюи^[18], исходили из совершенно таких же моральных принципов, что и могущественные основатели монашеских орденов — их современники. Если люди, вышедшие в одном направлении из одной точки, в конце пути оказались в разных — значит, одни дошли до логического конца, а другие остановились на полпути. Жестко фиксировать границу правоверия было не всегда удобно. Какое-то время Церковь толком не знала, к какой категории ей отнести такого странствующего революционера, как бретонец Роберт д'Арбриссель. Позже подозрения официальных властей вызовет чистый и кроткий евангелизм Франциска Ассизского.

Этим и объясняется, почему римская власть так долго ждала, медлила, тянула перед лицом прогрессирующей ереси.

Однако она в конце концов заметила, что в Европе есть уголок, где христианские массы, вопреки обыкновению, прислушиваются к еретикам, вместо того чтобы искоренять их. С 1119 г. ряд Соборов, на многих из которых председательствовали Папы — Каликст II,

Иннокентий II, Евгений III, Александр III, отлучал от Церкви сектантов Южной Франции и их пособников. Светским властям велели сажать их в тюрьмы и конфисковать их имущество; предписывались даже строгие наказания для государей, которые не посчитаются с этими решениями. Последний канон третьего Вселенского Латеранского Собора, созванного Александром III в 1179 г., звучал так: «Хотя Церковь, как повелел ей св. Лев, довольствуется судом священников и не практикует казней с пролитием крови, однако она вынуждена обращаться к мирским законам и просить помощи у государей, дабы страх перед светской казнью побуждал людей прибегать к средствам духовного исцеления. Итак, поскольку еретики, каковых одни именуют катарами, другие — патаренами, а третьи — публиканами, весьма преуспели в Гаскони, Альбигуа, в Тулузской области и в прочих, поскольку здесь они публично учат своим заблуждениям и стараются развратить простецов, мы объявляем им анафему вкупе с их покровителями и укрывателями. Мы воспрещаем всем как-либо общаться с ними. Ежели они умрут в своем грехе, пусть не делают за них никаких приношений и не хоронят их среди христиан».

Издавать законы нетрудно, куда труднее добиться их выполнения. Если в течение какого-то периода одни и те же предписания делались на Соборах постоянно, значит, они оставались мертвой буквой. Еретики Южной Франции, которых осудили издали и свыше, не дрогнули перед этими пустыми угрозами. Государи остались глухи. Лангедокское духовенство на собеседовании в Ломбере с главами секты безуспешно попыталось добиться их обращения, не сумев даже запугать их.

В 1178 г. религиозные и светские власти впервые как будто захотели предпринять что-то серьезное. Прошел слух, будто короли Франции и Англии, Людовик VII и Генрих II, сами направятся в Тулузу, чтобы изгнать из нее еретиков. Альбигойская война — на тридцать лет раньше! На самом деле оба суверена просто договорились с Папой Александром III послать на Юг миссию во главе с легатом Петром Павийским. Служителям культа и проповедникам: аббату Генриху Клервоскому, архиепископам Буржскому и Нарбоннскому, епископам Батскому и Пуатевинскому — было поручено в сопровождении воинского отряда отправиться в земли, зараженные ересью, где читать проповеди и обращать заблудших, а также отыскать главарей секты и осудить их. В августе 1178 г. они прибыли в Тулузу, где еретики,

многочисленные и влиятельные, уже почти вынудили католиков скрывать свою веру. Приняли их плохо: на них показывали пальцем, их оскорбляли на улицах. Но легат велел аббату Клервоскому прочесть проповедь этой враждебной толпе. Он потребовал, чтобы духовенство и знать города назвали отъявленных еретиков и даже подозрительных лиц.

Возглавил этот список, росший день ото дня благодаря анонимным доносам, один из самых богатых горожан — старый Пьер Моран, прозванный Иоанном Евангелистом, потому что был одним из апостолов нового учения. Избранный легатом для примерного наказания и вызванный на суд миссии, Пьер Моран поначалу клялся, что он не еретик; потом при помощи путаных объяснений он дал понять, что не приемлет догмата о пресуществлении. Он сразу же был объявлен виновным в ереси и передан в руки светской власти, то есть графа Тулузского.

Обвиняемый безропотно согласился публично отречься от ереси в базилике Сен-Сернен. В назначенный день церковь была набита битком; легат еле добился, чтобы ему очистили пространство в несколько квадратных футов, необходимое для чтения мессы. Пьер Моран явился босым, с обнаженным торсом, и направился к алтарю, где епископ Тулузский и аббат Сен-Сернена нанесли ему несколько ударов розгами. Он простерся у ног легата, отрекся от своего заблуждения и сам произнес анафему еретикам. Его приняли обратно в лоно Церкви, но на суровых условиях: его имущество подлежало конфискации, он сам обязывался покинуть страну в течение сорока дней и отправиться в Иерусалим, чтобы три года там служить беднякам. В ожидании отъезда он должен был каждое воскресенье обходить церкви города босым и занимаясь самобичеванием, вернуть добро, отобранное у духовенства или приобретенное ростовщичеством, и снести один из своих замков, где имели обыкновение собираться еретики. Похоже, условия покаяния были скрупулезно выполнены. Пьер Моран, вернувшись в Тулузу через три года, получил обратно свое имущество и даже еще выполнял общественные функции. По словам миссионеров, другие видные еретики сами пришли с признанием к легату и из милости были тайно возвращены в лоно Церкви.

Добившись этого успеха, аббат Клервоский направился в область Альби и Каркассона, где ересь находилась под защитой Рожера II

Транкавеля, виконта Безье; но тот благоразумно удалился в горы, на самую дальнюю окраину своего фьефа. Его жена, дети, рыцари остались в замке Кастр. Аббат Клервоский, не беспокоясь об опасности, вступил туда, объявил Рожера Транкавеля изменником, еретиком, клятвопреступником и наконец отлучил его от Церкви.

Этот смелый акт побудил покориться двух видных сектантов — Раймунда из Боньяка и Бернара-Раймунда^[19]. Они пожаловались легату, что были несправедливо изгнаны графом Тулузским, и просили охранного свидетельства, чтобы им можно было поехать и оправдаться. Миссионеры привезли их в Тулузу, в церковь Сент-Этьен, где те пространно изложили свое исповедание. Они заявили, что верят не в двойственное начало, представляющее и добро и зло, но в единого Бога, творца всего зримого и незримого. Они признали, что любой священник, даже преступный, обладает властью освящать гостию и совершать пресуществление; что дети спасаются крещением и что всякое другое возложение рук — ересь; что брак — не препятствие для спасения; что архиепископы, епископы, монахи, каноники, отшельники, тамплиеры и госпитальеры будут спасены; что нужно ходить в церкви, почитать святых, уважать служителей культа и платить им десятину. Это ортодоксальное кредо полностью противоречило учению альбигойцев.

Затем Раймунда из Боньяка и Бернара-Раймунда провели в церковь Сен-Жак, более обширную, где уже собралась значительная толпа; там они вновь прочли свой символ веры. «Верите ли вы сердцем, — спросил их легат, — в то, что сейчас произнесли ваши уста?» — «Мы никогда не проповедовали иного учения», — ответили они. Но граф Тулузский и другие правоверные, клирики и миряне, поднялись и заявили, что те солгали: свидетели клялись, что слышали от них проповеди, противные вере. Выполнить требование дать клятву в подтверждение своих слов оба отказались, что само по себе было признаком принадлежности к катарам. Тогда легат и епископы при свете свечей вновь отлучили их и приговорили к изгнанию, которому они были подвергнуты и раньше.

В целом миссия Петра Павийского имела следствием лишь единичные отречения; «результат почти нулевой», признаёт Роберт де Ториньи, аббат монастыря Мон-Сен-Мишель. В 1181 г. все надо было начинать сначала. Тогда Папа Александр III отправил в Лангедок новую

миссию, доверенную Генриху Клервоскому, который стал кардиналом и легатом. Тот, энергичный и решительный, в подкрепление своего красноречия привел небольшую армию из рыцарей-католиков: небывалое зрелище и тяжкий прецедент — папский легат в борьбе с южными еретиками организует военные операции! Генрих силой оружия захватил один из главных оплотов сектантов — сильную крепость Лавор. Этим его успехи и ограничились. Едва он повернул обратно, как катары возобновили свою пропаганду; после этого ситуация усугубилась. В 1194 г. графа Тулузского Раймунда V, неблагожелательно относившегося к катарам, сменил его сын Раймунд VI, их друг, и больше Папы ничего не предпринимали.

Веронский собор 1184 г., Собор в Монпелье 1195 г. лишь впустую повторяли угрозы еретикам и их пособникам. Декретами этот кризис разрешить было невозможно. Целестин III, все силы которого уходили на неравную борьбу с императором Генрихом VI^[20], в альбигойскую проблему не вникал. Так что к моменту, когда был избран Иннокентий III, она нисколько не уменьшилась и даже стала опасней, чем когда-либо.

Лишь с его понтификата в истории преследований и наказаний диссидентов как будто начался новый этап. Этот Папа первым стал часто прибегать к помощи «светской руки» и додумался до такой неслыханной вещи, как *внутренний крестовый поход*, войны, объявленной христианскому населению за то, что оно перестало исповедовать католицизм. Начиная с этого периода в законодательстве государей и городов регулярно начнут появляться статьи, посвященные репрессиям в отношении ереси. Конечно, не Иннокентий III создал то мощное движение против врагов веры, которое развернулось в его время, но он его расширил и подстегнул. Наконец, он выказал твердое намерение любыми средствами сохранить в целостности традиционные догматы и культ как необходимую гарантию сохранения его собственной власти.

Так что же, его воодушевляла особая ненависть к ереси? Что до нас, то мы не верим в фанатизм Иннокентия III. Конечно, он испытывал к еретикам то отвращение, какое они внушали большинству его современников. Очень властный, горячий приверженец порядка и единства, как все абсолютные суверены, он не мог потерпеть, чтобы

значительная группа христиан восстала против Церкви и ее учения. Как Папа он должен был показать верующим образец наказания отступников, сообразного той опасности, которую они представляли для религии. И однако то, что мы знаем об этом юристе, этом дипломате, этом покорителе душ и тел, поглощенном своим замыслом всемирного господства, дает право задаться вопросом: не свирепствовал ли он против ереси скорее из политической необходимости, нежели из религиозного пыла?

Тот, кто хочет судить о средневековых Папах по справедливости, должен обращать внимание не только на то, что они писали, но и на то, что они делали. Папские послания в то время были рассчитаны на то, чтобы поучать правоверных, выражать убеждения и принципы. Здесь прежде всего важно иметь в виду, что теория и практика могли существенно расходиться. Самые неистовые, самые непримиримые Папы были такими больше на словах, нежели на деле. Даже самые умеренные, самые покладистые из них время от времени считали необходимым принимать позу ветхозаветных пророков и вещать народу их грозным тоном.

Прежде всего в посланиях Иннокентия III бросается в глаза богатый набор инвектив в адрес сектантов и их учений. Бич, чума, грязь, язва, мало-помалу разъедающая тело общества, — вот что такое ересь. Дикий зверь, волк-грабитель, облачающийся в овечью шкуру, чтобы напасть на беззащитное стадо, лисица, объедающая вертоград Господень, нечестный трактирщик, торгующий поддельными винами и отравляющий своих клиентов, — вот кто такой ересиарх. Но нельзя сказать, что эти библейские формулы в переписке Иннокентия относятся к кому-то конкретному. В его посланиях они адресуются всем еретикам без разбора. Он не различает вальденсов и катаров — его укоры и угрозы равно касаются всех. Он как будто разделяет все предубеждения черни в отношении безнравственности, традиционно приписываемой еретикам. Кажется, что он верит в оргии на их тайных собраниях, когда говорит «об этих похотливых сектах, которые исполнены вольнодумного пыла, но на деле всего лишь рабы сладострастия и плоти».

И однако (это противоречие его не смущает), описывая образ действий новаторов, он признаёт, что уважение к ним вызывают, прежде всего, «их строгая жизнь и милосердные нравы». Они

благочестивы, религиозны, говорит он, и пытаются привлекать людей в основном пылкой набожностью. Они обольщают толпу своей воздержностью, умерщвлением плоти. Они уверяют, что обладают монополией на мудрость и добродетель, но эта добродетель — всего лишь видимость, лицемерие. А их милосердные дела — притворство! Они не творят добро, они лишь делают вид, будто делают его. Тем-то они и опасны. Нанося Церкви смертельные удары, они продолжают называть себя христианами. Это *ложные братья*, медоточивые слова которых творят лишь одно: слишком легко разлагают простые души. Ведь это зло повсюду набрало большую силу — ересь разрослась, как сорная трава. «Я узнал, — пишет он архиепископу Экса, — что еретиков в твоей провинции так много, что в сеть заблуждения попала бесчисленная масса народа, *innumeri populi*». — «В Нарбоннской провинции, — утверждает он в другом месте, — больше манихеев, чем христиан».

У Папы были свои основания констатировать, даже преувеличивая его, успех пропаганды еретиков. Ему было известно, что эти революционеры внезапно появляются и ведут свою проповедь повсюду, даже на дальних окраинах Европы, до самой Бретани. Он сам сообщает нам, как они действовали в епархиях Нанта и Сен-Мало. Когда один их сосед заболел и слег, они сразу же явились — якобы затем, чтобы навестить его, а на самом деле — чтобы опередить приходского священника. Они посоветовали больному навести порядок в своих делах. «Не исповедуйтесь кюре, — сказали они ему, — исповедь дурному священнику ничем не поможет в плане спасения. Как он, обремененный собственными грехами, может вам отпустить ваши?» «Эти *теофанты*^[21], — добавляет Иннокентий III, — проникают во все дома и совращают прежде всего бедных женщин, беспокойное сознание которых обуреваемо желанием узнать истину, но никогда не может ее постичь».

Истину! Единственные ее хранители — это Католическая Церковь и ее глава. Во многих своих письмах Иннокентий пытается сам разъяснить, во что нужно верить, и опровергнуть заблуждения врагов веры. Опровержение получается поверхностным, неполным и затрагивает лишь некоторые основные моменты.

В 1199 г. большая группа мужчин и женщин в Меце и в землях, подчиненных епископу Мецскому, пожелала иметь французский

перевод Евангелий, посланий Павла, псалмов, *moralia*^[22] Иова и других книг. Они устраивали тайные сборища, где зачитывали эти переводы и поучали друг друга. Когда несколько кюре попытались сделать им внушение, они оказали открытый отпор, выдвигая аргументы, почерпнутые из Священного Писания. «Никто не имеет права, — говорили они, — мешать нам читать это вслух». Кстати, многие из них насмеялись над невежеством своего приходского священника. Когда он поднимался на кафедру, чтобы прочесть проповедь, они совсем тихо шептались меж собой, что их книги дают им гораздо больше и что они сами могли бы говорить намного лучше.

Таковы факты, которые известны нам из папского выговора этим лотарингским беднякам. Ничто не говорит ни об их приверженности катаризму, ни даже о том, чтобы они дошли до радикальных отрицаний, свойственных вальденсам. Похоже, эти бунтари лишь только-только вступили на тропу самого элементарного протестантства. Они были недовольны своими кюре, которых не уважали; чтобы понимать священные книги, они хотели читать их на родном языке и сами исполняли роль проповедников. Иннокентия III не беспокоит, что они применяют разговорный язык для чтения Евангелия — во всяком случае, это прегрешение он не подчеркивает. «Желание понимать Писание, — говорит он, — и старание наставлять ближнего сообразно тому, чему учит эта книга, сами по себе достойны скорее не порицания, а похвалы». Упрекает он их за то, что они узурпировали функции проповедника, устраивали тайные собрания и поднимали на смех духовных лиц. «Объявлять себя посланником с юга и проповедовать имеет право не всякий. Церковь располагает учеными людьми, специально подготовленными для выполнения этой миссии. И потом, проповедь следует произносить не втайне и ночью, а при свете дня». Он забывает, что эти диссиденты были вынуждены прятаться — читать и проповедовать публично им бы никто не позволил. «К тому же, — продолжает Папа, — таинства веры не следует разглашать всем, ибо не все способны их понять; посвящать в них можно лишь тех, в ком есть дух верности. Некоторые догматы столь глубоки, что постичь их не в состоянии не только простые и неграмотные люди, но даже ученые. Что до невежественных кюре, то право поправлять их принадлежит не народу, а епископу. Дитя не должно судить своего отца по крови, а тем более священника — своего духовного отца. Если вы встречаете

недостойных или неспособных проповедников, на них следует подать жалобу в установленном порядке, и епископ воздаст им должное».

В отношении этих заблудших овец Иннокентий в конечном счете ограничивается почти отеческой нотацией и несильными угрозами. С отъявленными еретиками — катарами — он более резок. Он осуждает катаризм не только за несовместимость с евангельской истиной, но еще и во имя чистой философии, *апеллируя к человеческому разуму*, что характеризует эту эпоху и этого персонажа. «Философы учат, что может существовать только один Бог, творец всех зримых и незримых сущностей». А в пассажах, обличающих ересь, он особенно охотно прибегает к одному аргументу, который считает неопровержимым. Еретики утверждают (и это одна из главных причин их успеха), что католические таинства не имеют никакой ценности, потому что у клириков, которым доверено их совершать, не чисты ни руки, ни сердце. Но Папа рассуждает совсем наоборот, опираясь на сравнение, часто выходящее из-под его пера. Разве, когда врач плохо себя чувствует, прописываемые им лекарства не оказывают эффекта? То же относится и к таинству: оно сохраняет свою очистительную силу, даже если его проводит недостойный священник.

Вместе со всеми пронизательными умами Иннокентий признаёт, что дурное поведение духовенства на разных ступенях иерархии — корень всего зла и лучший подарок еретикам. Поэтому он будет упорно всю жизнь работать над реформированием Церкви. Заявив, что недостатки священника не препятствуют действию таинства, он спешит добавить: «Весьма желательно, чтобы священник привел свой образ жизни в соответствие со своими поучениями, дабы не сворачивать наставляемого грешника собственным примером». Предостерегая против ереси население и власти Тревизо, он заканчивает свое письмо от 1207 г. такими знаменательными словами: «Я повелел вашему епископу строго карать злоупотребления клириков в его епархии, чтобы вас не смущали дурные пастыри и чтобы мы по-прежнему доверяли почтенным людям, исповедующим истинную веру. Не смущайтесь, видя, что иные священники мало сообразуются в жизни со своим учением. Если болезнь врача не препятствует действию лекарства, то и грехи священника также не могут исказить таинства».

До многих людей, подвергшихся агитации ересиархов, эти рассуждения не доходили. С каждым днем опасность становилась все

более явной, так что с самого начала понтификата Иннокентию пришлось, в дополнение к мерам, которые уже принимали его предшественники, вводить суровые наказания и обязывать всех суверенов их применять. Положения этого специального кодекса, содержащиеся прежде всего в письмах от 25 марта 1199 г. и от 22 сентября 1207 г., можно изложить в нескольких строках. Еретики и их пособники подлежат изгнанию или заключению в тюрьму; их имущество должно быть конфисковано и продано, дома снесены, а они сами — лишены гражданских прав. Они не могут избирать и быть избранными на муниципальные должности. Если они выполняют официальные функции, их акты объявляются недействительными. Они не вправе выступать свидетелями на суде, завещать и наследовать имущество. На суверенов, а также на городские магистраты накладывается строгая обязанность преследовать и изгонять еретиков. Если власти не выполняют этого закона, пусть их принудит к этому отлучение.

Еретик не только лишается прав при жизни — ему нет упокоения и после смерти. Если выявится, что при жизни кто-то отступил от правоверия, его труп должен быть вырыт и выброшен наружу. В 1206 г. Иннокентий III отлучил одного аббата Фаэнцы, который отказался выкопать останки еретика, погребенного на кладбище аббатства, и сурово присовокупил: «Мы не только ненавидим врагов истинной веры и, сколь можем, мешаем им при жизни губить вертоград Господень, но мы осуждаем и память о них. Пусть католики умело выводят на чистую воду тех, кто делал вид, будто живет христианской жизнью, обманывая общественное мнение».

Этот логик пытался оправдать суровость своих декретов при помощи следующего доказательства, которое он привел в 1199 г. в письме горожанам Витербо: «Согласно гражданскому закону преступления, оскорбляющие величество, караются смертной казнью и конфискацией имущества. Детям такого преступника оставляют жизнь только из милосердия. Сколь же виновными, и с намного большим основанием, следует считать тех, кто, не имея веры, оскорбляет божественное величество, величие Иисуса Христа, Сына Божьего? Разве это не бесконечно более тяжкое оскорбление? И как же удивляться, что Церковь отсекает их от христианской общины и лишает мирских благ? Пусть не говорят, напрасно ссылаясь на гуманность, что

несправедливо лишать наследства детей нечестивцев, если они сами остались правоверными! Это соображение не должно связывать руки судьям. Часто бывало, что Божественное правосудие карало и детей за преступления отцов, и наши канонические законы иногда санкционируют подобные меры».

Здесь Иннокентий III теоретизирует, но его действия войдут в противоречие с этой теорией. Когда после резни альбигойцев репрессии дойдут до крайнего предела и будет решено лишить сына графа Тулузского — пособника еретиков — всего наследия отца, чтобы передать его Симону де Монфору, Папа будет первым и почти единственным, кто откажется одобрить эту чудовищную затею. Большинство участников Латеранского Собора не поймет слабости этого судьи, желающего сохранить невинному часть доменов, конфискованных у виновного.

Изучая проблему, следует доходить до ее сути. Повсюду, кроме юга Франции и некоторых областей Италии, где нравы смягчала терпимость, католическое население, его вожди и большинство епископов карали за ересь смертной казнью, в основном на костре. Верные этому обычаю, крестоносцы Монфора найдут в сжигании альбигойцев истинное наслаждение, простодушно описанное хронистом Петром из Во-де-Сернея. Но ни в законодательстве Иннокентия III, ни в его письмах нет ни одного упоминания о смерти для еретиков. Он всегда требовал только их изгнания и конфискации имущества. Говоря об обращении светской власти к мечу, он понимал под этим лишь то применение силы, какое необходимо для осуществления высылки и экспроприации, предписанных его уголовным кодексом. Так что этот кодекс, который кажется нам столь беспощадным, по сравнению с привычками современников был шагом вперед в смысле гуманности. Он упорядочивал и тем самым смягчал традиционные репрессии против ереси. Он не допускал тех поспешных расправ, жертвами которых повсюду становились не только явные еретики, но и просто подозрительные.

Иннокентий III запрещал торопиться с наказанием. Он хотел, чтобы заблудших сначала попытались возвратить на путь истинный и чтобы в лоно Церкви с радостью принимали тех грешников, кто пожелает туда вернуться. «Простим тех, кто кается, — писал он, — и даже будем упорно побуждать виновных к покаянию». Урок

нетерпеливым, которые, казня еретиков, даже не дожидались, чтобы преступление тех было доказано! Эти свои мысли Папа выражал в циркуляре, адресованном в 1210 г. всем архиепископам и епископам христианского мира. Здесь он рассказывает, как рассматривал в Риме дело одной группы людей, обвиненных в ереси, и как, «применив отеческую мягкость», он возвратил их в христианское единство. Утверждения, которые он обязал их принять и текст которых он приводит, чрезвычайно интересны, потому что в них постатейно противопоставляются кредо католиков и кредо катаров, что позволяет в точности представить учение последних.

После того как сделано все возможное, чтобы избежать наказания, надо действовать рассудительно и не карать как еретиков тех, кто не принадлежит к таковым. Иннокентий сообщает, что в 1199 г. один протоиерей из Вероны, бездумно применяя этот закон, распространил его, отлучая катаров, вальденсов и арнольдистов^[23], на категорию христиан, которых народ называл гумилиатами, или «смирненными» (*umiliati*). Эти люди образовали братство, примявшее обет добровольной бедности: они уже додумались до того образа жизни, какой будет вести Франциск Ассизский. Папа напомнил епископу Веронскому, что благоразумный земледелец не должен вместе с плевелами выдергивать пшеницу. Похоже, эти гумилиаты — истинно верующие, просто желающие служить Богу, смиряя дух и тело. «Мы желаем, — пишет он, — чтобы невинных не смешивали с виновными. Вызовите этих людей, опросите их, и если в их ответах не будет ничего, что бы отдавало ересью, то объявите их добрыми католиками, которых анафема не коснется. Но даже если вам покажется, что они немного отклонились от пути правоверия, — если они готовы признать свое заблуждение и подчиниться, окажите им милость и отпустите грехи».

Епископ Мецский, несомненно, был излишне склонен рассматривать тех городских и сельских лотарингцев, читавших Новый Завет по-французски, как преступников, поэтому Иннокентий, чтобы предотвратить зло, поспешил взять дело в свои руки и дать указания: «Конечно, ересь допускать нельзя, но не следует и подавлять религиозный дух в простых людях. Если излишнее терпение поощряет дерзость еретиков, то остережемся также и отталкивать из нетерпимости бедняков, которые согрешили, не ведая, что творят. Это всего лишь простые души, *simplices*; не дойдем же в гонениях до того,

чтобы самим впасть в ересь. Когда виновность сомнительна, не должно торопиться выносить осуждающий приговор. Ваше письмо, мой дражайший брат, не сообщает нам, в чем эти люди отошли от веры и благого пути. Нам неизвестны ни мнения, ни жизнь как тех, кто перевел Евангелия на разговорный язык, так и тех, кто этот перевод распространяет. Конечно, они повинны в том, что сходились на тайные собрания и присвоили себе право проповедовать. Но предупредите их, просветите, постарайтесь доводами и увещаниями побудить их избавиться от своих заблуждений, если они впали в таковые. Короче, вы должны провести тщательное расследование, чтобы узнать, кто автор этого перевода, в каком намерении он его выполнял, какова вера тех, кто к нему обращался, и испытывают ли они должное почтение к Апостолическому Престолу и Католической Церкви. По завершении расследования сообщите нам результаты, чтобы мы могли, зная дело в совершенстве, вынести решение».

Запомним любопытные слова этого Папы: он не желает, чтобы ослабляли религиозность в простых людях^[24]. Иннокентий III боится рвения епископата и нетерпеливых людей из толпы. Он требует, чтобы ему постоянно сообщали о процессах над еретиками, чтобы этим процессам посвящали достаточно времени и заботы, чтобы судьи старались не спешить. Он приказывает проводить расследования; он хочет лично видеть все протокольные записи и сам выносить приговор.

Северная Франция, классическая страна фанатизма и уличных расправ, доставляла Папе немало хлопот. Жил в то время один клирик — епископ Оксерский Гуго де Нуайе, — который проявлял особое ожесточение против ереси: это был инквизитор до инквизиции. Этот воинственный прелат, жадный до наживы, привыкший биться со знатью и достаточно смелый, чтобы оказывать сопротивление даже королю Франции, построил себе укрепленные замки и окружил себя солдатами. Подданные епископа ненавидели его, потому что он отягощал их налогами. Против ретивости этого вдохновителя костров Папе пришлось принять меры в первую очередь.

В конце XII в. в графстве Невер и в городе Ла-Шарите-на-Луаре существовал очаг ереси. В Невере сожгли одного катара, и в катаризме был заподозрен сам декан^[25] кафедральной церкви. В 1199 г. Гуго де Нуайе донес на него архиепископу Санскому и побудил последнего приехать в Ла-Шарите и провести расследование. Против декана не

выступил ни один обвинитель, но архиепископ за дурную репутацию отстранил его от должности, хоть и не рискнул осудить как еретика (у него не было доказательств). Обвиняемого отослали в Рим. Папа, выслушав его, позволил ему совершить *purgatio*^[26], то есть торжественно оправдаться: для этого в его пользу должны были свидетельствовать четырнадцать его собратьев. «Когда он оправдается, — писал Иннокентий III архиепископу, — вы вернете ему его должность, дабы клирики не испытывали стыда при виде того, что один из них доведен до нищенства. Но от него следует потребовать, чтобы он заявил о приверженности к католической вере и отвращении к ереси». Надо полагать, римская курия не нашла за ним большой вины.

Расследование в Ла-Шарите поставило в неловкое положение также аббата монастыря Сен-Мартен в Невере, Рено, которого местные епископы хотели не только осудить, но и сместить. Его адвокат обратился в Рим. Архиепископ Санский, опять-таки не имея бесспорных доказательств, не осудил его как еретика: он передал его досье Папе. Тот отметил, что среди свидетельств против него два действительно серьезных: Рено утверждал, что Христос не воскрес во плоти и что все люди будут спасены, — два признака катаризма. Однако Иннокентий III не спешил выносить приговор: ему казалось, что дело не прояснено до конца и само досье неполное. Не хватало одного существенного документа — оправданий самого обвиняемого: архиепископ Санский забыл отослать его вместе с другими. Папа, тщетно прождав его некоторое время, заявил своему легату во Франции Петру Капуанскому, что пока что он недостаточно осведомлен и у него есть серьезные сомнения. В столь деликатном деле надо действовать крайне осторожно. Поэтому он поручил легату повторить расследование и начать весь процесс заново. Если обвиняемый будет уличен, его следует лишить сана и заточить в монастырь — единственное для него средство избежать приступа отчаяния, который бы окончательно вверг его в ересь.

Одновременно с этими двумя духовными лицами епископ Оксерский заодно отлучил как подозреваемых в ереси и несколько бюргеров Ла-Шарите. Те в 1202 г. выразили протест, апеллировали к легату, объявили себя готовыми подчиниться предписаниям Церкви, и легат их оправдал. Этого бюргерам показалось недостаточно: они отправились в Рим жаловаться на методы своего преследователя.

Иннокентий дал указание объявить их добрыми и верными католиками; он запретил их беспокоить, пока они ничего не скажут или не сделают против правоверия. Тем не менее епископ Оксерский продолжал их преследовать. Несмотря на запрет Папы, он снова отлучил их, вызвал в Оксер и пригласил туда архиепископа Санского. Поскольку они не явились по вызову, архиепископ заочно осудил их как еретиков. Бюргеры вновь пожаловались в Рим; епископ, со своей стороны, вновь выдвинул свои обвинения, и Папа поручил архиепископу Буржскому еще раз провести расследование и передать результаты ему.

Через четыре года, в 1206 г., произошел новый инцидент. Один из этих горожан, по словам Гуго де Нуайе, признался в своем преступлении, и дело было ясным. Но Иннокентий III и здесь обнаружил в процедуре противоречия и нарушения. Он потребовал, чтобы обвиняемого отправили к нему, опросил его и велел епископу Неверскому и архидьякону Буржскому судить его заново. На мотивировки, которыми он обосновывает свое решение, стоит обратить внимание. «На данного горожанина, — пишет он, — падает сильное подозрение в ереси; тем не менее мы не желаем осуждать его за столь тяжкий проступок. Потребуйте от него поручительства и предпишите ему умеренное покаяние; тем самым вы увидите, идет ли он во тьму или к свету, искренне ли он раскаивается или его обращение лживо. Если вы получите доказательства, что он добрый католик, не позволяйте, чтобы его несправедливо мучили; в противном случае накажите его». Любопытно отметить, что после смерти Гуго де Нуайе в 1207 г. Иннокентий III был вынужден разрешить его преемнику преследовать бюргеров Ла-Шарите. Вместо того чтобы держать обещание, данное легату, они снова стали помогать еретикам и пригласили к себе совершенных, чтобы те даровали им «*consolamentum*».

В момент, когда альбигойская война донельзя возбудила повсюду фанатизм, в 1211 г., епископ Лангрский вызвал в Бар-сюр-Об как подозреваемого в ереси одного каноника своей церкви, кюре деревни Мюсси. Обвиняемый отказался прибыть, не дав этому никаких объяснений, и апеллировал к Папе. Епископский суд осудил его как не явившегося. Осужденный отправился в Рим; он пожаловался Иннокентию, что судьи не приняли во внимание его апелляцию. Иннокентий отменил приговор, забрал дело у епископа Лангрского и

поручил его разбор трем специальным комиссарам. «Вызовите его к себе, — писал он им. — Если он покажется вам виновным, осудите его по всей строгости законов Церкви; но если он невинен, не позволяйте его притеснять». Через два года, в 1213 г., процесс все еще не закончился. Каноник отказался явиться и по вызову папских судей. Но он снова приехал в Рим, на сей раз — чтобы объясниться. Если он не предстал перед епископом и даже перед уполномоченными Папы, — сказал он, — так это из страха смерти, потому что он знал: в этой области набожность правоверных столь неистова, что они всегда готовы предать огню не только отъявленных еретиков, но и просто подозрительных. Вот почему он умоляет Папу принять его оправдания и не допустить, чтобы его продолжали злобно преследовать, как это делалось до сих пор. Иннокентий III снова приказал, чтобы обвиняемый предстал перед судьями в присутствии епископа Лангрского и чтобы были приняты все меры, гарантирующие ему безопасность по дороге туда и обратно. О дальнейшем сведений у нас нет: чем завершился этот процесс, неизвестно.

Никто бы не мог в этом обмануться: Иннокентий III боролся с чрезмерным рвением местного духовенства, он защищал от него подозрительных, а иногда даже виновных. Надо полагать, такие епископы, как Гуго де Нуайе, приговоры которых он регулярно дезавуировал, не могли понять его поведения. Из последнего можно сделать вывод, что в отношении к процессам еретиков этот Папа не только исходил из предписаний веры и соображений справедливости, но также проявлял терпение и мягкость, контрастирующие со свирепым пылом многих его современников. Правда, эта терпимость проявлялась прежде всего в таких регионах, как Северная Франция и Лотарингия, где еретики были малочисленны и не представляли серьезной угрозы установленному порядку. Когда ересь могла взять верх над официальными властями и поглотить их, как в Италии или в Лангедоке, он считал необходимым в большей мере демонстрировать силу. Ведь итальянские коммуны привечали еретиков, рассчитывая избавиться от светской власти пап^[27], а Южная Франция, если бы ей позволили, вскоре бы явила миру неслыханный прецедент перемены веры и раскола — еще в Средневековье — религиозного единства латинского мира.

ГЛАВА III

КАК НАЗРЕВАЛ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Мирная программа Иннокентия III. — Миссии легатов в Лангедоке. — Раймунд VI и Петр де Кастельно. — Ортодоксальные бароны Юга: Гильем VIII де Монпелье и Педро II Арагонский. — Конфликты легатов с горожанами и епископами. — Апостолы из Испании: Диего и Доминик. — Диспуты и проповедническая кампания. — Чудеса Доминика. — «Бедные католики»: начало ордена доминиканцев.

Через три месяца после своего избрания, 1 апреля 1198 г., Иннокентий III написал письмо архиепископу Ошскому, предостерегая его от катарской опасности и призывая обратиться к «светской длани». Этот призыв был характерным. Он свидетельствует, что Папа в то время не намеревался начинать с конца, то есть с массового наказания сектантов и их покровителей. Судя по тем его склонностям, которые нам известны, крестовый поход против альбигойцев должен был представляться ему одной из тех крайних мер, к которым прибегают за неимением лучшего, когда все остальные средства исчерпаны.

Воздействовать на баронов Лангедока, чтобы они оказали поддержку Церкви и припугнули нечестивцев. Исправить нравы епископов, пробудить их религиозное рвение и заставить их применять законы против ереси. Поддерживать в недрах Церкви тот дух пропаганды веры через бедность и смирение, который позже породит нищенствующие ордены. Наконец, начать и неутомимо продолжать кампанию проповедей, чтобы возвращать заблудших на путь истинный одной только силой красноречия. Эту наполовину мирную программу Иннокентий III пытался осуществлять в течение десяти лет, с 1198 по 1208 г., прежде чем прибегнуть к самым суровым мерам. Историкам не следовало бы забывать об этой стороне его деятельности, которая в его глазах имела величайшую важность. Именно потому, что она потерпела неудачу, рок и людские страсти в дальнейшем увлекли его на путь, который он не выбирал, и завели дальше, чем он хотел.

Эта задача была такой трудоемкой, что несколько групп папских легатов выбилось из сил, безуспешно стараясь воплотить ее в жизнь. Один за другим на Юге появлялись: в 1198 г. — монахи Райнерий и Гвидо; в 1200 г. — Иоанн, кардинал церкви св. Павла^[28]; в 1203 г. — двое монахов из аббатства Фонфруад: Петр де Кастельно и Рауль; в 1204 г., в помощь последним, — Арнольд-Амальрик, аббат Сито, влиятельный церковный сановник.

Эти посланцы Рима прибывали с самыми широкими полномочиями. Они имели право привлекать для борьбы с ересью все церковные и светские власти и отлучать их, если они откажутся действовать. Архиепископы и епископы получали указание помогать им и проводить в жизнь их решения. Вскоре Иннокентий III счел, что у его уполномоченных недостаточно средств воздействия. В 1204 г. он отобрал у епископов обычную юрисдикцию по делам ереси, передав ее легатам, — это стало началом процесса, приведшего к созданию инквизиции. Он дал своим представителям даже право лишать церковных должностей тех, кто покажется им недостойным, и немедленно заменять их без права обжалования. Практически римские легаты получали самодержавную власть. Они могли по своей воле сменять церковнослужителей, круто менять создавшуюся ситуацию и будоражить страну.

Но что толку от неограниченной власти, если на практике ее осуществить невозможно? Легаты повсюду встречали такое сопротивление, что даже неустрашимый Петр де Кастельно в 1204 г. написал Папе отчаянное письмо, где признавал свою неудачу и выражал желание вернуться к спокойной жизни в обители. «Действие ценней созерцания, — немедленно ответил Иннокентий, — добродетель блещет и закаляется в трудностях. Ты не должен уклоняться от дела, которое мы тебе доверили, пусть даже народ, в возвращении коего к Богу состоит твоя миссия, будет самым упорным и неисправимым из всех. Тебе не удалось сделать то, чего ты желал; но Небо вознаграждает не успех, а труд. Мы твердо уповаем на Господа, что твои усилия в конечном счете будут вознаграждены. Проповедуй Евангелие с упорством и настойчивостью; настаивай, приводи доводы, умоляй и, проявляя красноречие и терпение, старайся вернуть на путь истинный тех, кто сбился с него».

Читая это «*Sursum corda*»^[29], можно подумать, что посланники Рима были только тем и заняты, что старались затронуть сердца и души еретиков. Но их задача была сложнее. Им приходилось проводить профилактику, путем убеждения или принуждения, во всем католическом обществе, среди баронов, горожан и прелатов, виновных в слабости, равнодушии или бездеятельности.

Где в том политическом хаосе, который представляла собой Южная Франция, взбудораженная к тому же и религиозной революцией, можно было найти сильную и авторитетную власть, посредством которой папство могло бы подчинить все остальное? Бессилие верховного суверена и слабость феодальных уз не давали никакой возможности для централизации, для усилий по объединению. Бароны были независимы от графа Тулузского, а муниципалитеты вместе с их консульствами^[30], уже могущественными, не повиновались никому. Анархию усугублял и тот факт, что номинальный сюзеренитет Тулузца периодически оспаривал иностранный государь — король Арагона, граф Руссильонский и Каталонский, стремившийся подчинить себе земли по оба склона Пиренеев. Но он и сам не был господином для неуловимых горных князьков — графов Фуа, Комменжа и виконта Беарнского. Они фактически не признавали иного авторитета, кроме силы. Папа не имел на них никакого влияния. В 1200 г. Иннокентий III грозил своим гневом Бернару V де Комменжу, который развелся с законной женой по единственной причине, что она перестала ему нравиться. Но Папа так и не смог настоять на своем.

С правителем Лангедока, графом Тулузским Раймундом VI, Рим мог чаще вступать в сношения, и с ним как будто было проще иметь дело. Поскольку решение альбигойской проблемы отчасти зависело и от этого лица, Иннокентий прежде всего попытался привлечь его мягкостью. Целестин III в свое время отлучил его — не за пособничество ереси, а за преследование монахов. Новый Папа дал своему легату указание отпустить графу этот грех, если тот объявит, что подчинится справедливым требованиям Церкви. Раймунд VI пообещал то, чего от него потребовали; отлучение было снято, и Иннокентий 4 ноября 1198 г. написал ему письмо, побуждая совершить покаяние. Пусть он, как столько раз делали его предки, пойдет сражаться с неверными в Святую землю!

Отправка покровителя катаризма на другой конец Средиземноморья была ловким политическим ходом; но на принятие папского предложения шансов было немного. В самом деле, письмо заканчивалось таким неожиданным компромиссным вариантом: «Если ты не можешь лично отправиться в крестовый поход, пошли туда вместо себя хотя бы сколько-то рыцарей и с помощью других выполни долг, который не можешь оплатить сам». Получив прощение столь дешевой ценой, Раймунд воспользовался им, чтобы снова начать грешить. В 1199 г. аббат Сен-Жиля еще раз донес на него в Рим: граф не держит обещаний; он оставил на месте замок, построенный во вред монахам; он снова не дает им покоя. Иннокентий 13 июля дал своему легату указание заставить графа Тулузского снести крепость и выполнять свои обязательства.

Церковные власти прежде всего хотели от него добиться роспуска его рутьеров и изгнания из его доменов еретиков — как раз того, на что он не мог пойти. Вербовка басков и наваррцев была единственным способом приобрести воинов, потому что непокорные вассалы их не присылали. Выслать еретиков и их пособников? Но город Тулуза и все его графство были полны ими. Ни один из легатов, приезжавших друг за другом в Лангедок, не смог убедить Раймунда VI разоружиться и самому изгнать своих подданных. Когда уполномоченные Папы предлагали архиепископу Нарбоннскому или епископу Безье присоединиться к ним, чтобы предпринять в этом духе настойчивый демарш в адрес графа, прелаты уклонялись. Они, несомненно, полагали, что утруждать себя здесь совершенно бессмысленно.

Однако в 1205 г. новые предупреждения и более откровенные угрозы как будто подействовали сильнее. Петру де Кастельно удалось встретиться с Раймундом и запугать его. Граф принял формальное обязательство избавиться от своих рутьеров и самому преследовать катаров. Но он не сделал ни того, ни другого: это была лишь имитация смирения, способ выиграть время. Почти в тот же период он позволил консулам Тулузы издать положение, запрещавшее обвинять кого-либо в ереси после смерти, «если только нет точных доказательств, что он обвинялся при жизни или что по смерти его соборовали еретики», — мера, которая должна была особо не понравиться непримиримым ортодоксам.

В 1207 г. легат предпринял последнее и решительное усилие. Видя, что от Раймунда ни в Тулузе, ни в Лангедоке ничего не добиться, Кагельно отправился в провансальские домены графа, чтобы обязать тамошнюю знать прекратить сражения между собой и подписать всеобщий мир. Потом он объединил всех подписавших его в лигу, нацеленную на преследование лангедокских еретиков. Когда присоединиться к этому миру и вступить в эту лигу потребовали от графа Тулузского, он отказался: она была направлена против значительной части его подданных и по существу против него. «Тогда божий человек, — пишет Петр из Во-де-Сернея, — побудил сеньоров Прованса восстать против своего сюзерена». Убежденный, что Раймунд может уступить лишь принуждению, Кагельно отлучил его и наложил интердикт на все его графство. Потом он приехал к графу, чтобы без обиняков высказать ему все, что думал о его поведении. Сцена была бурной. Сернейский монах восхищается смелостью, с которой легат дерзнул воспротивиться «тирану» и публично бросить ему в лицо обвинение в клятвопреступлениях и изменах.

Предписывал ли Иннокентий доводить таким образом дело до крайности? Во всяком случае, он поддержал своего представителя и одобрил его действия. 29 мая 1207 г. архиепископы Вьенна, Амбрена, Арля и Нарбонна получили приказ огласить в своих провинциях анафему графу Раймунду и заставить прихожан соблюдать ее. «Он отлучен, — писал им Папа, — за то, что содержал рутьеров, используя их для разорения страны; за то, что нарушал мир по великим постам, в праздники и в постные дни в начале сезона, что отказывался воздавать противникам по справедливости, доверял официальные должности евреям, разорял аббатства, превращал церкви в крепости, повышал дорожные пошлины сверх допустимой меры, лишил епископа Карпантрасского его владений, отказался подписать Прованский мир; наконец, потому что он покровительствует еретикам, принимает их у себя и, вопреки своим неоднократным клятвам, сделался еретиком сам». Последнее утверждение Иннокентий III сделал со слов своих легатов: позже ему придется признать, что принадлежность графа Тулузского к еретикам так и не доказана.

Папский циркуляр устанавливал и условия интердикта. «Пока граф не покорится, его подданные и его вассалы будут освобождены от долга верности и оммажа по отношению к нему. Все князья, шателены,

чиновники и рыцари, которые после оглашения приговора встанут на защиту графа, также будут отлучены. Та же кара постигнет всех судей, адвокатов или врачей, которые посмеют ему служить — вплоть до кузнеца, который сознательно подкует коней ему, его людям или его армии».

Все меры были приняты; Кастельно даже хотел скрепить своей печатью копии этого циркуляра. Но суверен Лангедока настолько вывел Папу из терпения, что последний не удовлетворился этой карой. В тот же день, когда было объявлено об отлучении, он направил графу испепеляющее письмо. Он называл его зачумленным и безумным человеком, безбожным и жестоким тираном. Он упрекал его в «мерзостях и преступлениях». Он грозил ему Божьим возмездием, адскими муками и даже всеми болезнями, какие только на этом свете могут обрушиться на того.

«Ты сделан не из железа; у тебя такое же тело, как и у других; тебя может охватить лихорадка, настичь проказа, разбить паралич, ты можешь стать одержимым или слечь от неисцелимых недугов. Божественное могущество способно даже обратить тебя в животное, как царя Вавилонского. Каково — прославленный король Арагона и почти все прочие вельможи, твои соседи, поклялись соблюдать мир, повинувшись легатам Апостолического Престола, и лишь ты один отвергаешь его и ищешь поживы в войне, точно ворон, что кормится падалью! Не стыдно тебе нарушать данную тобой клятву — изгнать еретиков из своего фьефа? А когда наш легат упрекнул тебя за то, что ты их защищаешь, не ты ли посмел ему ответить, что запросто найдешь такого ересиарха, такого катарского епископа, который сумеет показать превосходство своей религии над религией католиков? Уже одним этим ты поддерживаешь ересь, и есть сильные подозрения, что ты примкнул к ней (здесь Иннокентий уже не утверждает виновность графа, а предполагает ее). Что за безумие тебя охватило? Ты что же, считаешь себя мудрее всех тех, кто верен церковному единству? Как ты можешь думать, будто те, кто сохранил католическую веру, — прокляты, а приверженцы этих безрассудных и лживых учений спасены?»

И в обмен на отпущение грехов Папа хочет полного и быстрого удовлетворения своих требований. В противном случае он отберет у графа землю, которую тот держит непосредственно от римской Церкви (графство Мельгей). А если и этого будет недостаточно, он прикажет

всем соседним князьям подняться на Раймунда, врага Христа, гонителя духовенства, и позволит каждому из них оставить себе то, что тот сможет отнять у графства Тулузского.

Казалось, слышатся раскаты чудовищной грозы, которая вот-вот разразится; но Иннокентий резонно полагал, что для человека с характером Раймунда VI довольно будет и угроз — и не ошибся. Под этим градом упреков и проклятий граф смирился, дал новые обещания и в обмен на них получил отпущение грехов. Вот только люди из его окружения не забыли бурных сцен и оскорбительных писем; они уступили, затаив в сердце ярость и дожидаясь удобного момента для мести, который не замедлил представиться.

Как бы то ни было, Папа больше не мог рассчитывать на Раймунда VI как на проводника своей политики. Надо было искать таковых в других местах. Но среди государей Юга было всего два, не выражавших враждебности к Риму и его планам: сеньор Монпелье Гильем VIII и король Арагона Педро II.

По семейной традиции первый был убежденным католиком, решительным врагом катаризма, преданным вассалом Святого Престола. Как только Иннокентий стал Папой, он принял сеньорию Гильема VIII под свое покровительство и одарил его привилегиями. В свое время этот сеньор по своей инициативе требовал, чтобы на Юг прислали легата, наделенного специальными полномочиями для преследования еретиков. Назначая легатов, Папа всякий раз не забывал уведомить этого верного слугу, прося его о поддержке. Чувства Гильема VIII были столь общеизвестны, что автор одного из редких трактатов, написанных южанами в защиту старой религии, магистр Алан^[31], презентовал ему свою книгу с торжественной дарственной надписью. «Я избрал вас, — объявляет он, — потому что из всех государей вашего времени именно вы облачены в доспехи веры. Вы — сын и защитник Церкви».

Сеньор Монпелье действительно играл роль заплечных дел мастера для римской власти. Когда в 1201 г. епископ Агдский Раймунд запросил Папу, что делать с восемью еретиками, сидящими у него в темницах, Иннокентий предложил ему передать их Гильему VIII, чтобы тот наказал их сообразно тяжести их проступков. Увы, могущество этого барона было невелико, а в 1202 г. он умер — как раз в тот момент, когда папству стали так нужны его услуги и его поддержка.

Педро II, Араговец^[32], был бы воистину лучшим помощником Папы, если бы захотел возглавить католическое движение и посвятить себя этому благому делу. В течение нескольких лет в Риме могли рассчитывать, что он возьмет на себя эту роль. В Европе не было королевства, более тесно связанного со Святым Престолом, чем Арагон. Педро II, коронованный в Риме в 1204 г., принес Иннокентию III тесный оммаж и на этом публичном торжестве признал, что его государство — всего лишь вассальное княжество и данник Престола святого Петра. Это был человек Папы во всех смыслах этого слова^[33]! Разве он не был буквально создан для борьбы с еретиками в Лангедоке? Эта миссия прекрасно подходила и для достижения его собственных целей в Пиренейской Франции. К тому же этот римский и католический государь дал еще много доказательств своей приверженности к вере. В 1197 г. в очень суровом эдикте он выделил вальденсам и катарам день на то, чтобы покинуть его королевство. Указывалось, что по истечении этого срока всякий еретик, обнаруженный в пределах его государства, будет предан огню, а его имущество конфисковано: две трети достанутся королю, треть — доносчику. В 1205 г. король Арагона даже как будто начал военную акцию против альбигойцев: он отбил у них замок Лескюр близ Альби, чтобы сделать его фьефом римской Церкви. Так что Иннокентий III мог полагать, что обрел в его лице желанное орудие.

Его иллюзия продержалась недолго. Король Арагона сам рассчитывал использовать Папу. С его помощью он надеялся завладеть сеньорией Монпелье, на наследнице которой Марии, единственной дочери Гильема VIII, женился. Вместо того чтобы дальше преследовать катаров, он ввязался в войну с католическим бюргерством — горожанами Монпелье, которые, отличаясь весьма независимым нравом, были мало склонны принять его власть. Папа и его легаты приложили немало труда, чтобы помирить его с могущественной коммуной. Став наконец сеньором Монпелье, он попытался отделаться от очень уродливой жены, которую взял только ради ее наследства; но Иннокентий, к которому он обратился за разводом, отказал — разрешение было бы слишком скандальным. После этого в отношениях между Папой и его вассалом возникло заметное охлаждение. Впрочем, Педро II и не собирался в угоду Церкви вступать в борьбу с Раймундом VI, мужем его сестры Элеоноры; существовали и другие брачные

планы, которые могли еще укрепить связь обоих домов. В Риме поняли, что король Арагона никогда не пойдет войной на Тулузу. Когда Папа воззвал к феодалам Северной Франции, чтобы бросить их на Лангедок, — это значило, что он отказался от надежды использовать рвение Педро II. А тот откажется примкнуть к предприятию, организованному с целью отобрать Юг у южан и отдать его чужаку, и все закончится неожиданно: этот истребитель еретиков, этот вассал римской Церкви, принесший ей оммаж, будет сражаться против правоверных войск и умрет среди отлученных, на службе у ереси.

Мог ли Иннокентий III, лишенный всякой поддержки со стороны феодалов Лангедока, рассчитывать на население его городов? Почти все они были очагами катаризма. Петр де Кастельно свою миссию 1203 г. начал со смелого шага. Он вступил в Тулузу, собрал жителей и потребовал от них клятвы, что они сохранили католическую веру. «Эта клятва, — добавил он, — не нанесет никакого урона вашим свободам. Именем Папы мы подтверждаем ваши обычаи и ваши привилегии; но те, кто откажется ее принести, будут преданы анафеме». Глава христианства подтверждает муниципальные вольности! Если удача сама плывет в руки, грех ее не использовать: тулузцы согласились и поклялись. Но когда легат сверх того захотел их заставить изгнать еретиков, горожане уперлись. Пришлось припугнуть их гневом князей и королей, нависшим над их головами, перспективой разорения их города и уничтожения богатств. «Они уступили, — пишет монах из Сернея, — силе и из страха. Но едва посланцы Папы уехали, они вновь стали собираться по ночам, чтобы слушать проповедь сектантов. Ах, как трудно отказаться от своих повадок!»

Так же думали и прелаты Лангедока. Они совершенно не хотели менять своих привычек и уступать власть агентам Иннокентия III. Даже под давлением изобличений, обвинений, угроз они подчинялись плохо или не подчинялись вообще. Пришлось поставить этих епископов перед выбором: показать благой пример или же уступить место людям, убежденным в необходимости реформы, а главное — в скорой и суровой акции против еретиков. Бездействие или открытое сопротивление Церкви Юга побудило легатов приостановить действие общего права, заменив его своими решениями, — мера революционная, которая могла лишь усугубить кризис. Прежде чем поражать еретиков, пришлось вести борьбу со строптивым духовенством.

Столь важную должность, как должность епископа Тулузы, можно было доверить лишь испытанному католику. В 1205 г. с нее сместили, обвинив в симонии, епископа Раймунда де Рабастана — феодала, проводившего время в войнах с вассалами и закладывавшего поля и замки своего домена ради получения денег. Смещенный воспротивился и еще на несколько месяцев сумел сохранить свой посох, но легаты настояли на своем, и в 1206 г. был избран аббат Тороне. Это было очень известное лицо — Фолькет (или Фульк) Марсельский, в прошлом еретик и трубадур, ныне же ярый ортодокс. Его и выбрали, надо полагать, за пламенные речи. Но усиление катаризма нанесло епископству большой ущерб: Фульк обнаружил, что все его владения заложены, а епархиальная казна почти пуста. Восстановить епископское могущество и доходы, вернуть власть над городом, постараться мало-помалу возратить бюргеров к старой вере — такой была задача, для решения которой новый епископ должен был приложить умение и энергию. Но он метил выше. Когда начнется крестовый поход против альбигойцев, он станет одним из вождей этого предприятия и, вместе с Арнольдом-Амальриком, душой той партии, для которой Симон де Монфор будет светской дланью.

Епископ Безье Гильом де Рокессель уже оказался на подозрении у легатов за то, что пожалел графа Тулузского. Когда ему предложили потребовать от консулов Безье отречения от ереси и изгнания еретиков, он опять не послушался. Он даже призвал консулов следовать его примеру. Легаты поспешили в город, собрали духовенство и снова приказали епископу отлучить консулов, если те не отрекутся от секты. Епископ обещал сделать это, но не сделал; он был временно отстранен от своей должности и получил приказ ехать в Рим, чтобы оправдаться. Как закончился этот процесс — неизвестно, но факт тот, что через некоторое время, в 1205 г., епископ Безье был убит — как сообщает текст того времени, «из-за измены земляков». В том же году Капельно поднялся вверх по долине Роны и начал реформировать Церковь в Виваре, сместив для начала епископа Вивье.

Очищение оставалось неполным и было пустым делом, пока полную власть сохранял верховный религиозный глава Лангедока — архиепископ Нарбоннский Беренгарий II. В 1204 г. он уже поссорился с легатами, не позволив им присвоить свою юрисдикцию. Агенты Иннокентия III временно отстранили его от должности и направили в

Рим свирепое обвинительное заключение против него. Начался процесс, и Папа поручил легатам провести в Нарбонне расследование. Если обвинение подтвердится, а нарбоннские каноники откажутся выбирать другого архиепископа, он-де назначит ему преемника своей властью. Но Беренгарий стал защищаться и в свою очередь обвинил своих противников, изобличив в пристрастности Кастельно и особенно Арнольда-Амальрика. Они превысили свои полномочия и обманули Папу лживыми обвинениями. «Я абсолютно не признаю вас в качестве судей, — заявил он, — поскольку подозреваю во враждебном отношении ко мне. Я еще раз обращаюсь к Папе. Ваш суд незаконен. Требуя от клириков под присягой обещания преследовать других клириков, вы нарушили каноны. Подобные махинации — полная противоположность тем справедливым подходам, какие в этой стране практиковали другие легаты, ваши предшественники».

Фактически Беренгарий сослался на свой преклонный возраст и немощи, чтобы не являться в Рим. Когда он удовлетворил некоторые требования, обещав исправиться, выполнять свои функции как положено и даже бороться с ересью, Папа, всегда более покладистый, чем его легаты, в 1207 г. принял эти изъявления мнимой покорности. Через три года ему вновь пришлось начать процесс против этого неисправимого человека и в конечном счете сместить его.

* * *

Ничто не могло склонить Южную Францию отвергнуть ересь самостоятельно: предводители феодалов, отцы Церкви и руководители городов не могли пойти на то, чтобы опустошить свое государство, устроив религиозные преследования. Напрасно легаты карали епископов и баронов, чтобы подхлестнуть их и пресечь сектантскую пропаганду: она продолжалась совершенно открыто. В 1206 г. и в последующие годы проповедники от альбигойцев и вальденсов публично выступали перед большой аудиторией в Дёне близ Мирпуа, в Монреале, в Фанжо, в Тарасконе, в Лаураке. В Мирпуа еретики даже создали нечто вроде катарского Собора, и на его заседаниях был разработан план обороны. На случай возможных неприятностей они решили создать опорные пункты, которые бы одновременно служили центрами распространения нового учения и убежищами для верующих.

Когда стоишь посреди равнины, разделяющей Тулузу и Нарбонн, среди настоящего океана хлебов, кукурузы и виноградных лоз, на

севере горизонт заслоняет огромная темная гряда — горы Монтань-Нуар. На юге земля вздымается беспорядочными волнами рыжеватого цвета — это Корбьеры. А далее при ясной погоде сверкает белизной острый гребень Пиренеев. Окаймленная всеми этими горами местность была избранной землей и центром сопротивления катаризма. Одна из катарских крепостей, Монсегюр в домене графов Фуа, высилась на вершине горного пика высотой 1200 м, и добраться туда можно было лишь козьими тропами. Ересиархи не только постоянно набирали последователей, но и укрепляли свои позиции.

Папские легаты, упавшие духом сильнее, чем когда-либо, дружно говорили, что хотят отказаться от этой службы. Хоть их обращения к «светской длани» и угрозы анафемы ничего не давали, они все-таки были вынуждены продолжать кампанию проповедей, как их обязал Папа. Иннокентий III, желавший (как он сто раз писал) «обращения грешников, а не истребления их», упорно требовал от легатов проводить в жизнь его мирную программу. 19 ноября 1206 г. он предписал им осуществить особую меру. «Повелеваем вам выбрать людей испытанной добродетели, которых вы сочтете способными выполнить эту апостольскую миссию. Пусть, взяв за образец бедность Христа, в смиренных одеждах, но преисполненные рвения творить свое дело, отправятся они к еретикам и примером своей жизни, равно как и своими поучениями, постараются по милости Божьей вырвать тех из тьмы заблуждений». Эти несколько строк точно и внятно формулировали суть того идейного направления, которое создало св. Доминика и произвело на свет первый нищенствующий орден.

Тут произошло любопытное совпадение. За четыре месяца до того, как Папа разослал это письмо, один испанский прелат, которого король Кастилии активно использовал в качестве дипломата, Диего де Асеведо, епископ Осмы, проезжал через Монпелье вместе с одним из служителей своего капитула, младшим приором Домиником де Гусманом. Оба возвращались из Рима, где, вне всякого сомнения, имели беседу с Иннокентием III. То, что произошло непосредственно после их возвращения из Италии, позволяет предположить, что предписание от 19 ноября стало результатом этой встречи. В Кастельно, близ Монпелье, Диего и Доминик встретили легатов: Арнольда-Амальрика, Петра де Кастельно и Рауля, весьма подавленных и уставших от тщетности своих усилий. «Епископ Осмы, — рассказывает Петр из Во-де-Сернея,

— дал им спасительный совет: оставить все и посвятить себя исключительно пламенной проповеди; действовать так, чтобы затворить уста злоречивым, — учить, по образцу Божественного Учителя, в полном смирении, ходить пешком, без пышной свиты, без денег, на манер апостолов». Легаты не пожелали взять инициативу подобной перемены на себя: этот новый путь их пугал. «Если кто-нибудь из авторитетных лиц, — сказали они, — соизволит показать нам пример, мы очень охотно ему последуем». Тогда епископ Осмы взялся сам предпринять такую попытку и в сопровождении единственного спутника (хронист не называет его, но имелся в виду Доминик), предшествуя Кастельно и Раулю, вошел в Монпелье, чтобы сразу же начать проповедь. Третий легат, Арнольд-Амальрик, отправился обратно в Сито, чтобы провести заседание его генерального капитула и поскорей вернуться, собираясь также принять участие в общем деле.

Можно полагать (хотя монах из Сернея не говорит этого), что епископ Осмы и его спутник просто сообщили троим легатам инструкции главы Церкви. Люди, выполнявшие официальную миссию, какими были аббат Сито и его коллеги, не стали бы внезапно менять свою тактику по совету какого-то испанского прелата, не имеющего полномочий и встреченного случайно. Уверовали ли в глубине души Арнольд-Амальрик и Кастельно, заклятые враги ереси, ярые приверженцы крайних мер, в превосходство нового метода? Как бы то ни было, Папа считал нужным провести эксперимент и его уполномоченным оставалось лишь подчиниться. Получив вскоре подкрепление в виде группы цистерцианцев, среди которых был Гвидо, аббат Во-де-Сернея, дядя автора хроники, они пошли по Лангедоку: одни — вслед за двумя испанцами, другие — разбившись на группы по три-четыре проповедника. И, следуя распоряжениям Папы, эти апостолы шли босиком, добывая себе хлеб подаянием, к великому удивлению народа, привыкшего видеть блестящих епископов и могущественных аббатов Католической Церкви в ином обличье.

Тогда-то и начались во множестве беседы-диспуты между приверженцами обеих вер. Прием был не новым, но миссионеры часто прибегали к нему, чтобы ярче выявить преимущество своей религии, поразить воображение толпы и добиться обращений в истинную веру. Католические хронисты, описывая ход этих встреч, ответы и аргументы катаров воспроизводят, похоже, не слишком точно. Они любят

приписывать тем глупые и смешные речи. Так что сведения их ненадежны; к тому же истину, которую и так трудно выяснить, предание ордена св. Доминика дополнительно окутало атмосферой чудес.

В Сервиане близ Безье, деревне, выстроенной на скале, которая возвышается над бескрайним виноградником, диспут с двумя ересиархами, Бодуэном и Тьерри из Невера, продлился целую неделю. Под конец Тьерри сказал епископу Осмы: «Я знаю, какой дух вас вдохновляет: дух Илии». На это епископ ответил: «Если я явился сюда с духом Илии, то тебя одушевляет дух антихриста». По словам монаха из Сернея, миссионерам удалось вывести жителей Сервиана из заблуждения и почти убедить их изгнать еретиков. Но они не сделали этого, потому что их защищал шателен. Единственным позитивным результатом, которого достигли представители Папы, было то, что при отъезде из Сервиана их почти целое лье триумфально провожало все население, сохранившее верность старой вере.

В Безье дискуссии и проповеди шли две недели с нулевым результатом — большинство местных жителей выказало такую враждебность, что епископ Осмы и легат Рауль посоветовали Петру де Кастельно на время покинуть город и исчезнуть, если он хочет избежать гибели. В Каркассоне диспут и проповеди заняли еще неделю. Хронист не отметил здесь обращений — несомненно, потому, что их не было. Он сообщает лишь о чуде: в Иванов день катары работали на жатве, и все колосья, которые они собрали, оказались окровавленными. Позже народное воображение измыслило, что сам св. Доминик адресовал резкие укоры жнецам-еретикам, и когда один из них в раздражении замахнулся на святого, сноп, который он держал, обогрился кровью.

В Верфее, месте, прославившемся тем, что шестьдесят лет тому назад его жители плохо приняли проповеди св. Бернара, миссия столкнулась с двумя виднейшими еретиками — Понсом Жорданом и Арнольдом Аррюфатом. Спор пошел о толковании одного места из св. Иоанна. «“Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын человека, каковой пребывает на небесах”^[34]. Как вы понимаете эту фразу?» — спросил их епископ Осмы. Один из еретиков ответил: «Иоанн хочет сказать, что Иисус называет себя сыном человека, который пребывает на небесах». — «Как! — воскликнул епископ. —

Так вы считаете, что отец того, кто взошел на небо, то есть Бог-Отец, — человек?» — «Да», — ответил другой. Тогда епископ далее процитировал текст Исайи, где Бог говорит о себе самом: «Небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих»^[35]. «Если Бог, — добавил он, — это человек, который сидит на небе и ноги которого достают до земли, получается, что длина его ног равна расстоянию от земли до неба. Вы так полагаете?» — «Да, мы в это верим», — ответили еретики. Тогда епископ, не сдерживая более негодования, вскричал: «Будьте вы прокляты, тупые еретики, я рассчитывал, что у вас больше здравого смысла». Либо хронист Гильом де Пюилоран неясно выразился, либо миссионеры, слова которых он воспроизвел, не поняли, что им говорили катары. Альбигойская доктрина никогда не представляла Бога в образе человека, потому что не допускала реальности даже человеческой природы Сына.

Монреаль, этот несравненный бельведер, откуда можно окинуть взглядом сразу и горы, и равнину, стал в 1207 г. местом крупнейшей дискуссии. Чтобы присутствовать на ней, вернулся и присоединился к миссии Петр де Кастельно. С противной стороны в ней приняли участие самые известные проповедники: Арнольд Отон, Гилаберт из Кастра, Понс Жордан, Бенедикт из Терма. Религиозный турнир продлился две недели. Под конец положения обеих вер были изложены в форме памятных записок и переданы арбитражному суду, который должен был определить победителей. Все очевидным образом зависело от того, как этот суд избирался. По словам монаха из Сернея, назначенные арбитры были верующими катарами, что маловероятно: во всех диспутах такого рода арбитры выбирались совместно обеими сторонами. То же было сделано и в Монреале, как авторитетно свидетельствует Гильом де Пюилоран. Из четырех избранных арбитров двое были рыцарями, а двое горожанами; ничто не говорит о том, что они принадлежали к секте или хотя бы благоволили к ней. Пюилоран возмущается только тем, что суд был составлен из одних мирян. Но исключение духовенства обеих враждующих религий было единственным способом сформировать независимое жюри.

Аргументация еретиков базировалась, видимо, на двух основных посылах. Арнольд Отон, их глава, прежде всего заявил, что римская Церковь — не супруга Христа, но Церковь дьявола, а ее учение — учение демонов. Она — Вавилон великий, мать блудницам^[36], о

которой говорит Апокалипсис, и основал ее не Иисус. Далее он сказал, что ни Христос, ни апостолы не указали, что в то время представлял собой церемониал мессы. Что ответили католики и что они доказывали, неизвестно.

Но каким было решение суда? Его не было. Арбитры отказались выносить приговор и даже совещаться, диспут закончился безрезультатно. «Они увидели, — пишет монах из Сернея, — что дело ереси проиграно». На самом деле мирянам было слишком сложно судить о таких материях, и притом четыре арбитра могли, разделившись на две равные партии, не прийти к единому мнению. Что касается записок, представленных в арбитраж, то их и след простыл. Петр из Во-де-Сернея объясняет это тем, что арбитры поспешили отдать ортодоксальный текст катарам; такое объяснение не очень приемлемо, потому что редакции еретиков больше никогда не видели. Через несколько лет Гильом де Пюилоран спросил у одного из четырех судей, Бернара де Вильнева, что случилось с записками. «Они были утрачены, — ответил Бернар, — во время вступления крестоносцев в Монреаль и массового бегства жителей». И он добавил, что в результате диспута 1207 г. произошло обращение почти ста пятидесяти еретиков. «Я подозреваю, — пишет хронист, — что все эти тексты уничтожили некоторые из его (Бернара) коллег, городские нотабли, благоволившие к секте».

Монреальский диспут ознаменовался также одним из тех чудес, о которых так любит рассказывать монах из Сернея. «Однажды, когда католические миссионеры долго дискутировали с еретиками, Доминик записал аргументы и цитаты, которые использовал сам, и передал рукопись одному из еретиков, чтобы тот мог ознакомиться с его возражениями и ответить на них. Ночью сектанты собрались в доме, где сидели перед очагом. Тот, кому святой отдал свою записку, показал ее своим товарищам. Они решили, что надо бросить ее в огонь: если пергамент сгорит, истинна вера еретиков, а если не сгорит, значит, лучше всех католическая религия и надо к ней примкнуть. Короче, все пришли к согласию, и записку Доминика бросили в огонь; она вышла из него невредимой; этот опыт повторяли трижды с тем же результатом. Тем не менее катары не смирились с поражением: они поклялись друг другу никому не говорить о чуде, чтобы благодаря ему католическая

миссия не взяла верх. Но один рыцарь, склонявшийся к правой вере, рассказал о том, что он видел».

Предание ордена доминиканцев помещает эту сцену в Фанжо и изображает ее немного иначе. Арбитры не смогли договориться и прибегли к суду божьему — к ордалии^[37]. Они решили бросить записку Доминика и записку катаров в огонь: которая не сгорит, та и станет доказательством истинности соответствующего учения. Текст еретиков, будучи предан огню, вспыхнул вмиг; рукопись святого, которую трижды бросали в печь, трижды вылетала из нее с такой силой, что даже подожгла балку, расположенную на некотором отдалении от печи. Чудеса чудесами, но критичный исследователь должен свидетельству доминиканских агиографов XIII в. предпочесть свидетельство монаха из Сернея, современника событий, определенно заявлявшего, что он слышал об этом факте из уст самого св. Доминика.

Последний диспут происходил в Памье, владении графа Фуа — Раймунда-Рожера. Тут к епископу Осмы, который собирался уехать, чтобы посетить свою епархию, присоединились Фульк, епископ Тулузский, и Наварр, епископ Кузеранский. Католическая миссия предложила публичную дискуссию вальденсам, очень многочисленным в этом городе. Граф Фуа, верный своим привычкам к эклектизму, давал поочередно приют представителям обеих вер; он предоставил для встречи большой зал своего дворца. Дебаты судил единственный арбитр, избранный обеими партиями, — Арнольд де Кампраньян, из белого духовенства. Из происшедшего известна лишь одна деталь. В дискуссию, чтобы поддержать ересь, вмешалась сестра графа. «Сударыня, — крикнул ей один из миссионеров, брат Стефан, — ступайте-ка прясть свою пряжу: не вам брать слово на таком собрании, как это». Арбитр присудил победу католикам. Небольшая группа вальденсов, в числе которых был персонаж, с которым мы еще встретимся, Дуранд из Уэски, объявил, что присоединяется к римской Церкви. Но в целом диспут в Памье, как и остальные, дал лишь посредственный результат. Епископ Осмы вернулся в Испанию и там умер. Почти сразу же скончался и один из легатов, монах Рауль. Арнольд-Амальрик, которого дела призывали в Северную Францию, оставил руководство обезглавленной и бессильной миссией на аббата Гвидо из Во-де-Сернея.

На сцене остался один Доминик. Он без усталости общался с сектантами, добиваясь единичных обращений, в основном от женщин и детей. Пока он ходил с проповедью по Лангедоку, о божественности его миссии неизменно свидетельствовали чудеса. Святой забыл про сон, жил на одном хлебе и воде и тем не менее выглядел все «свежее и здоровее». Как-то, когда на дороге из Монреаля в Каркассон он начал свою проповедь, разразилась гроза. «Не уходите», — крикнул он слушателям и крестным знаменем заставил бурю улечься. Позже в этом месте воздвигли часовенку, и отмечалось, что здесь никогда не идет ни дождь, ни град. Еще и поныне местные жители, когда гремит гром, бегут в эту часовню и падают на колени.

От этого цикла проповедей остался один подлинный документ того времени — свидетельство об обращении, выданное Домиником в 1207 или 1208 г. Понсу Роже из Тревиля, что в Лораге. Оно содержало условия покаяния, отнюдь не мягкие. Три воскресенья подряд кающийся должен будет пройти с обнаженной спиной от входа в деревню до церкви, а за ним будет идти священник и хлестать его розгами. Кающийся должен носить монашеское одеяние с особыми знаками: двумя крестиками, нашитыми по двум сторонам груди. Всю жизнь, кроме как на Пасху, Троицу и Рождество, он не будет есть ни мяса, ни яиц, ни сыра (три праздничных дня исключаются для того, чтобы показать, что с катарским воздержанием покончено). Три дня в неделю он будет воздерживаться от рыбы, постного масла и вина, кроме как при болезни. В год — три поста. Строгое требование слушать мессу ежедневно. Обязанность впредь соблюдать целомудрие. Раз в месяц ему придется показывать свою покаянную грамоту кюре Тревиля, под надзором которого он будет находиться. В случае неповиновения он *ipso facto*^[38] будет отлучен как клятвопреступник и еретик. Если примирение с Церковью в то время влекло за собой такие же последствия для всех обращенных, то неуспеху проповедников не приходится слишком удивляться.

Больше ловкости испанский миссионер проявил, основав близ Фанжо благодаря щедротам некоторых дарителей поселение, которое позже станет знаменитым монастырем Пруй. Туда следовало принимать на воспитание новообращенных девушек, а также девушек из католических семей, лишенных средств. Идея лидеров секты брать на себя заботу о бедных детях и отдавать их на воспитание преданным и

верующим женщинам оказалась очень плодотворной для катаров. Теперь надо было перехватить эту молодежь, используя ради вящего блага правоверия тот же прием. В дарственной от 25 августа 1207 г. недвусмысленно указывается, что она произведена в пользу «дела святой проповеди и сеньора Доминика из Осмы». Во всяком случае, здесь усилия миссионеров дали практический эффект. Не зря доминиканское предание окутывает возникновение великого монастыря Пруй пеленой чудес. Светящийся шар, трижды являвшийся Доминику, подобно звезде, что вела волхвов в Вифлеем, указал ему место, где организовать будущую общину, колыбель ордена доминиканцев.

Тем не менее кампания по обращению, затеянная Иннокентием III и проводившаяся его посланцами больше двух лет, закончилась провалом. С этим согласны все хронисты.

«Поборники Бога, — пишет Пюилоран, — признали, что этими средствами пожара не погасить». Он утешается мыслью, что сопротивление еретиков имело следствием основание доминиканского ордена. «Нужно было, чтобы в нашей стране имелись ереси, дабы этот край и весь мир узрели славу и пользу братьев-проповедников». «Наши святые проповедники, — пишет, в свою очередь, монах из Сернея, — поспешали повсюду, и повсюду в дискуссиях торжествовали над еретиками, но поскольку те закоснели во зле, обратить их не удалось. Посему после долгих усилий, добившись проповедями и диспутами очень немногого или не добившись ничего, они не замедлили вернуться во Францию». «Я могу сказать лишь одно, — горестно восклицает автор “Песни о крестовом походе” Гильом де Тюдель. — Благослови меня Бог! Этих людей проповедь интересовала как прошлогодний снег! Так они себя вели пять лет или не знаю уж сколько. Он не желает обращаться в истинную веру, этот заблудший народ!»

В доминиканской легенде XIII в. ощущается отголосок если не обескураженности, то по крайней мере негодования св. Доминика, констатировавшего слабый успех своей проповеди. Доминиканец времен Людовика Святого^[39], Стефан из Сала-пьяка, рассказывает, что основатель его ордена однажды сказал толпе, собравшейся в Пруе: «Несколько лет вы слышали от меня слова мира. Я проповедовал, умолял, плакал. Но, как говорит народ в Испании, “где не действует благословение, подействует палка”. Вот возбудим мы против вас гнев государей и прелатов, и призовут они нации и народы, и многие тогда,

увы, погибнут от меча. Башни будут снесены, стены повержены, а вас обратят в рабство. Так восторжествует сила там, где не помогла кротость».

* * *

Однако мирные средства не были исчерпаны. Оставалось еще выяснить, не могут ли те люди, которых возмущают церковные злоупотребления, найти такую форму нравственной и религиозной жизни, при которой они бы могли успокоиться и обрести свой идеал, не выходя за пределы ортодоксии. Дух реформы или, скорее, возврата к христианской бедности, самым полным выражением которого станут нищенствующие ордены, проявлялся тогда почти повсюду в создании благочестивых братств, открытых как для мирян, так и для клириков. Папству следовало, и Иннокентий III это великолепно понимал, поощрять такие ассоциации. Они утоляли потребность в переменах, будоражившую умы. Можно было даже с пользой противопоставить их выродившимся институтам католицизма, тем конгрегациям официальной Церкви, которые не пользовались уважением в обществе, потому что избыток богатства и упадок нравов поселил в них смертельную бациллу. Эти ортодоксальные братства должны были включить в себя не только католиков, которым не терпелось полностью порвать с дискредитированным духовенством, но и обращенных еретиков, которых вывели из заблуждения и которых теперь можно было успешно использовать для борьбы с ним — именно потому, что они некогда сами его исповедовали.

В 1201 г. Иннокентий III дал гумилиатам Италии или, по крайней мере, ассоциации мирян при их общине устав, уже содержавший принцип и некоторые практические методы современных обществ взаимопомощи. В нем можно заметить влияние идей и практики вальденсов. Он ограничивал использование присяги, одобрял добровольную бедность и брак, разрешал «испытанным в вере и твердым в благочестии» братьям проповедовать по воскресеньям и даже запрещал епископам противиться этим мирским проповедям, «ибо надо, по словам апостола, чтобы Дух дышал, где хочет». Конечно, Папа рекомендовал здесь же платить десятину приходским священникам и подчиняться епископату, и все было тщательно втиснуто в рамки ортодоксии, но трудно не увидеть в этом покровительстве гумилиатам идею борьбы с вальденсами их же оружием и попытки остановить их

прогресс. В 1216 г. один бывший немецкий катар, Бернхард Прим, изложив Папе свои самые ортодоксальные религиозные убеждения, также получил для себя и еще нескольких обращенных довольно суровый устав. Этот устав позволял ему и его товарищам ради вящего блага старой веры заниматься апостольской деятельностью.

То, что было испробовано в Италии и Германии, Иннокентий III, естественно, попытался сделать и в Южной Франции.

В начале XIII в. группа испанцев и лангедокцев принялась внедрять с помощью проповеди и примера некое подобие реформы, промежуточное между католической традицией и отъявленной ересью. Дуранд из Нажака, Гильом из Сент-Антонена, Иоанн из Нарбонна, Эрменгальд и Бернар из Безье, Раймунд из Сен-Поля и Эбрэн почти все были клириками. Дуранд из Уэски, их глава, имел сан церковного служки. Пропаганда этих новаторов имела успех прежде всего на обоих склонах восточных Пиренеев, в Приморском Лангедоке, на побережье Прованса и даже в Ломбардии. До 1208 г. они основали в Милане свою школу.

Попытка разделить религию и духовенство, сохранить веру, отвергнув священника, остаться в лоне Церкви, отклонив большинство ее институтов, которые исказили ее характер, было делом трудным и непонятным для широких масс католиков! В момент обострения конфликта между традиционной религией и ее противниками учения промежуточные и отличающиеся в оттенках не могли иметь длительного успеха. В глазах большинства верующих все, что не было ортодоксальным, согласно старой формуле было ересью: приходилось выбирать. Робкие вальденсы и вальденсы-радикалы, примкнувшие к катарам, все без разбора причислялись к врагам духовенства и Папы. Поэтому Дуранда из Уэски и его группу отлучили от Церкви, и архиепископ Миланский приказал разрушить руководимую ими школу в его городе.

После диспута в Памье они решили вернуться в лоно католицизма. Иннокентий III, приняв их в Риме в качестве кающихся, позволил им организовать в монашескую общину под названием «бедных католиков» и посвятить себя борьбе с ересью. Несколько лет, даже после выхода на сцену Симона де Монфора и его солдат, Папа неизменно покровительствовал этому братству, орудием своей религиозной политики, и защищал его. С их помощью он вновь

предпринял кампанию проповедей и обращения еретиков, в которой ранее не добились успеха легаты. 18 декабря 1208 г. Дуранд из Уэски клятвенно обязался следовать уставу, разработанному им самим и одобренному главой всех христиан:

«Ради чести Господа и Его Церкви и ради спасения наших душ мы сердцем и устами признали, что исповедуем католическую веру во всей ее целостности и нерушимости. Мы отрекаемся от мира. Все, чем мы владеем, Бог внушил нам отдать бедным. Мы решаем сами жить в бедности, не заботясь о хлебе насущном, не принимая ни от кого ни золота, ни серебра и никаких ценностей. Довольно будет, чтобы нам каждый день подавали пропитание и мы ходили одетыми. Согласно предписаниям Евангелия мы будем молиться семь раз в день в установленные часы. Поскольку мы почти все клирики и, следовательно, грамотные, мы решили всецело посвятить себя чтению, проповеди, наставлению и спору с целью борьбы со всеми видами ереси. Мы скрупулезно будем блюсти обязательство постоянно хранить целомудрие, соблюдать оба Великих поста и все малые. Мы по-прежнему будем носить монашеское облачение; но чтобы было ясно видно, что мы душой и телом отделены от сообщества Лионских бедняков, мы станем носить обувь, открытую сверху и особого покроя. Впрочем, мы будем причащаться из рук епископов и приходских священников; с нашей стороны им будет обеспечено повиновение и почитание. Возможно, к нам захотят присоединиться миряне. В этом случае мы постановим, что, за исключением тех из наших братьев, кто способен проповедовать еретикам и приводить доводы против их учений, все остальные должны будут жить по-монашески в своих домах, занимаясь физическим трудом, и платить Церкви десятину, приносить *primitia*^[40] и все положенные дары».

Нищенствующая конгрегация, посвятившая себя наставлению и проповеди, ставящая себе задачу борьбы с ересью; при этом институте может существовать ассоциация мирян — разве это не точное описание творения св. Доминика? Младший приор Осмы не создал ничего оригинального. Доминиканцы до Доминика — «бедные католики» открыли и расчистили путь могущественному ордену братьев-проповедников. Правда, вождями этой ассоциации были обращенные вальденсы; но какое это имело значение для Иннокентия III? Эти бывшие еретики имели все шансы заставить себя слушать и добиться

успеха: вальденсы и катары скорее послушают их, чем католических священников или монахов, всегда вызывавших подозрение. Произнеся символ веры и торжественную клятву, они дали Риму все гарантии; поэтому Папа одобрил их устав, их дух, их цели. В письме к архиепископу Таррагонскому он не только приказывал относиться к «бедным католикам» как к истинным и добрым ортодоксам, но также запретил подозревать их и выразил пожелание, чтобы во всех начинаниях им оказывалась помощь. В то же время он щедро даровал им привилегии — в частности, освобождал мирян, входящих в ассоциацию при этом ордене, от обязанности вести войну с христианами.

Убедить региональное духовенство проводить в жизнь идеи, вдохновлявшие римскую политику, было не всегда просто. Ревностные католики, привыкшие ненавидеть и преследовать ересь, не понимали, с чего это раскаявшимся еретикам оказывают такую милость. На Дуранда из Уэски они смотрели косо и считали «бедных католиков» людьми неизгладимо запятнанными. И потом, отряжать на борьбу с ересью таких новоиспеченных ортодоксов казалось им делом сомнительным и опасным. С 1209 по 1212 г. Иннокентий III вынужден был напоминать архиепископам Таррагоны, Милана, Нарбонна и Генуи, епископам Эльна, Безье, Каркассона, Нима, Изеса, Марсея, Барселоны, Уэски, что он гарантирует правоверие Дуранда и его собратьев и что их деятельность идет на пользу Церкви.

Епископы не складывали оружия. Их донесения, отправляемые в Рим, были полны негативных эмоций. Если верить им, получалось, что Дуранд обманул Папу и разыграл комедию, чтобы избежать последствий отлучения и убедить того в своем мнимом обращении. «Бедные католики», уверенные в папской поддержке, по отношению к епархиальным властям держат себя вызывающе. Они пускают к себе на службы вальденсов — отъявленных еретиков. Они принимают в своих монастырях и в своем ордене беглых монахов, изменивших своим обетам. Люди, примкнувшие к ним и слушающие их проповеди, редко появляются в своих приходских церквях; они более не желают бывать там на мессе и внимать проповеднику. Наконец, и это очень весомый факт, они не сдержали своего обещания и не отказались от прежних привычек: эти мнимые обращенные продолжают ходить в той же

одежде, в какой ходили до обращения, к великому негодованию католиков.

Пересказав Дуранду и другим вождям конгрегации претензии и возражения епископата, Иннокентий III мягко посоветовал им быть осторожнее. Им следует избегать контактов с явными и нераскаившимися еретиками; пусть члены их ордена ходят в церковь; пусть их клирики проводят там службы в установленные часы; пусть их проповедники не держатся особняком, а присоединяются для борьбы с ересью к проповедникам официальной Церкви. Наконец, они должны свидетельствовать архиепископам и епископам должные повиновение и уважение. Но, делая внушения своим протеже, Папа одновременно старался бороться с предубеждениями их обвинителей.

«Вы утверждаете, — пишет он в 1209 г. прелатам Нарбоннской области, — что Дуранд из Уэски и его приспешники стремятся лишь обмануть римскую Церковь и избежать обязанностей, каких требует каноническая дисциплина. Если это так, их неизбежно настигнет то, о чем говорит Писание: злодеи всегда в конце концов попадают в собственные сети. Но если они действуют с полной искренностью? Если они намеренно сохраняют кое-что из своих привычек и внешнего облика, чтобы тем верней покорить дух еретиков? В таком случае предусмотрительность требует, чтобы их поведение терпели до тех пор, пока нельзя будет судить о дереве по плодам его. Главное — чтобы их правоверие по сути своей не вызывало сомнений. Напомню, что св. Павел сказал коринфянам: “Будучи хитр, лукавством брал с вас”^[41]... Но даже если, в конце концов, они не отказались полностью от своего прежнего костюма? Различие привычек, особенно в вещах чисто внешних, не противно Церкви. Последуем примеру того, кто сделался немощным ради немощных и кто возжелал и все еще желает, чтобы все люди были спасены и познали истину. Бывают случаи, дражайшие мои братья, когда не должно порицать врача за то, что он уступает просьбам больного, позволяя ему есть кое-какие не совсем полезные кушанья. Важно ли это, если он тем самым приобретает на этого человека необходимое влияние и в конечном счете излечивает его от недуга?»

Столь прагматичные заявления, несомненно, шокировали тех, кто не хотел никаких компромиссов, никаких контактов с врагом. В 1212 г. Иннокентий III еще считал необходимым рекомендовать епископу Эльнскому «своего дражайшего сына Дуранда и его аколитов, ибо они

творяют только добро. Они убеждают людей каяться и отказываться от дурно нажитого богатства. Они живут целомудренно, воздерживаются от лжи и брани, строго соблюдают посты. Будь они облачены в белое или в серое, они посвятили себя службе несчастным». И в том же году латеранская канцелярия разослала епископам Франции и Италии еще целый ряд писем в защиту «бедных католиков». Тех поместили под покровительство св. Петра — их лично, их имущество и «их благочестивое начинание».

После этого года их окутало молчание: они исчезли из истории, почти не оставив следов. Ведь сцену занял св. Доминик, и в блеске его личности и его деяний Дуранд из Уэски и его творение затерялись. Орден братьев-проповедников позаимствовал у них основные правила своей дисциплины; развившись, он сделал ненужными похожие институты, и те были забыты. Когда статуя завершена, зачем сохранять эскиз? Но в 1212 г., когда Папа еще упорно покровительствовал делу обращенных, которые стали сами обращать других, теологам еще не скоро дадут слово. С этих пор в течение многих лет подавлять ересь будут копьё и костер.

ГЛАВА IV

АЛЬБИГОЙСКАЯ ВОЙНА

Обращение к силе и призыв к Филиппу II Августу. — Убийство Петра де Кастельно. — Проповедь крестового похода. — Покаяние Раймунда VI. — Резня в Безье и взятие Каркассона. — Иннокентий III и Симон де Монфор. — Граф Тулузский в Риме. — Дезавуирование Папой действий легатов. — Арнольд-Амальрик и тулузские бюргеры. — Инцидент в Минерве. — Соборы в Сен-Жиле, Нарбонне и Монпелье. — Папские налоги в Лангедоке. — Побойща и чудеса. — Завоевание Лангедока. — Симон де Монфор и Алиса де Монморанси. — Захват епископских должностей. — Статуты Памье.

В конце 1207 г. Иннокентий III, по-прежнему призывая к мирной акции, решил прибегнуть к силе и подготовил этот переход. Поскольку князь Юга отказали ему в поддержке, он обратился прежде всего к суверену всей Франции, старшему сыну Церкви — Филиппу II Августу, грубому вояке, только что победившему Плантагенетов^[42].

Он уже трижды писал королю — 28 мая 1204 г., 16 января и 7 февраля 1205 г., проявляя все больше настойчивости. Почему бы тому не появиться в Лангедоке, чтобы заставить баронов и горожан покарать катаров? Если же они будут упорно бездействовать, Филипп, как суверен, вправе захватить их фьефы, их города и тем самым увеличить свой домен. Призыв был внятным, но Иннокентий не имел в виду истребление южан. Он полагал, что одного появления на берегах Гаронны королевского войска будет достаточно, чтобы вернуть сеньоров к исполнению долга, а еретиков — в лоно Церкви. Репрессии, если их возглавит Филипп, примут характер законного акта, исполнения судебного приговора совместными силами папства и верховной светской власти страны.

В Риме питали иллюзии относительно могущества парижского короля. Но он мог влиять напрямую только на часть земель Северной Франции; Юг входил в сферу его сюзеренитета лишь номинально. А если даже Филипп и мог бы кое-что сделать, то момент для того, чтобы

выманить его за пределы привычной среды, был выбран неудачно. Он не собирался в угоду главе Церкви прекращать борьбу с Иоанном Безземельным^[43] и прерывать уже почти завершенное завоевание Нормандии, Анжу и Пуату, словом, бросать добычу недобитой. Возможно, три первых письма Папы остались без ответа, и уж точно не имели последствий.

17 ноября 1207 г. Иннокентий вновь обратился с мольбой не только к королю Франции, но и к основным его вассалам — герцогу Бургундскому, графам Бара, Дре, Невера, Шампани, Блуа и вообще ко всей знати, всем рыцарям, всем «верным» Французского королевства. На сей раз призыв был особо торжественным и настойчивым. Папа, заклеив еретиков и их пособников, заявил, что поведение еретиков, не внимающих проповедям, нечувствительных к мирным доводам и недоступных даже для ласк, вынуждает его воззвать к «светской длани». «Надобно, — пишет он королю, — чтобы твое могущество сокрушило сектантов и чтобы бедствия войны возвратили их на путь истинный». А чтобы сделать эту задачу привлекательней, он гарантировал всем, кто возьмется за оружие, такое же отпущение грехов, какое получают воители в Святой земле. В их отсутствие св. Петр примет их семьи и их добро под свое покровительство.

Если слова «крестовый поход» еще и не были произнесены, дело уже казалось решенным. Начиналась стадия насилия.

Филипп II Август наконец решил ответить. В краткой записке, направленной Папе от его имени епископом Парижским, он сообщал, что ведет войну с англичанами и средства не позволяют ему содержать одновременно две армии: одну — чтобы направить на альбигойцев, а другую — для отражения происков короля Иоанна. Он может пойти навстречу пожеланиям Папы, но только на двух условиях. Во-первых, Рим добьется заключения прочного перемирия между Францией и Англией на два года, во-вторых, соберет с французского духовенства и знати субсидию. Эти деньги будут потрачены на поход против ереси. В случае если король Иоанн нарушит перемирие, французский король имеет право отозвать войска с Юга, и Папа не должен ни в чем его упрекать.

Таким образом, Капетинг соглашался вести войну, только если Церковь оплатит расходы на нее и помешает английскому королю добиваться реванша! Последнее требование — и он это очень хорошо

знал — было нереальным. Иоанн Безземельный, ведущий борьбу с архиепископом Кентерберийским Стефаном Лэнгтоном, порвал с Папой и со дня на день ожидал отлучения. Король Франции, как и все остальные, лишь с другой мотивацией, уклонялся от предложения. Выкажет ли знать Северной Франции больше покорности, чем король? Это было по меньшей мере сомнительно, но тут внезапно произошло одно из тех событий, которые поражают воображение людей, возбуждают их и вызывают внезапный порыв к действию. 15 января 1208 г. один служащий графа Тулузского убил Петра де Кастельно.

История сообщает мало сведений об обстоятельствах этого преступления. Есть лишь один действительно внятный рассказ, и он принадлежит перу самого Папы и изложен в том самом письме, где объявляется крестовый поход. Проверить его невозможно: хронисты, словно сговорившись, молчат об этом. У Гильома де Пюилорана — две строчки: «Немного позже Петр де Кастельно отдал душу Богу, сраженный мечом нечестивца, и подозрение неминуемо пало на графа Тулузского». Петр из Во-де-Сернея удовлетворяется тем, что воспроизводит письмо Иннокентия III «по той причине, что не может иметь ни более надежных, ни более подлинных сведений». Несколько живописных деталей есть в поэме Гильома де Тюделя: «В то время как Петр де Кастельно переправлялся в Прованс через Рону на своем муле-иноходце, некий конюший, исполненный злобы, дабы угодить графу, предательски убил легата ударом в спину, поразив его в хребет своей острой рогатиной, после чего ускакал верхом на лошади в Бокер, где жила его родня». Поэт описывает, как мученик молит Бога «простить этого коварного сержанта», а потом — погребение в Сен-Жиле, где «горело множество свечей и многие клирики распевали “*Kyrie eleison*”»^[44]. Он не обвиняет графа Тулузского в том, что тот якобы приказал убить легата, приписывая это событие излишнему рвению одного из слуг графа.

Напротив, Папа как будто не сомневается в виновности Раймунда VI. По его словам, граф, желая или делая вид, что желает снять с себя отлучение, пригласил Петра де Кастельно и его коллегу епископа Кузеранского к себе в Сен-Жиль. Он еще раз обещал дать удовлетворение Церкви. Легаты встретились с ним; он опять повторил свои клятвы и уверения в покорности; но когда дело дошло до исполнения наказания, он замялся, стал медлить и в конце концов

ничего не сделал. Тогда легаты объявили, что уезжают. Граф в ярости при всех пригрозил им смертью: «Где бы вы ни ехали, по суше или по воде, берегитесь — от меня вы не скроетесь». Он тотчас послал своих приспешников устроить засаду. Аббат Сен-Жиля, консулы и городские бюргеры тщетно пытались его урезонить; вопреки его противодействию они выделили легатам эскорт, чтобы охранять их до правого берега Роны. Прибыв туда, они разместились на постоялом дворе, чтобы провести ночь перед переправой; но к тому времени там уже поселилось несколько людей графа. Когда на следующий день рано утром, отслужив мессу, посланцы Иннокентия III вышли из дома, чтобы пересечь реку, «один из этих прислужников дьявола потряс копьем и неожиданно поразил Кастельно под ребра. Легат несколько раз сказал убийце: “Да простит тебя Бог, как я тебя прощаю”. Потом он со своими спутниками совершил последние приготовления, уладил все дела миссии и наконец после долгой молитвы почил в Бозе».

Этот рассказ во всем рассчитан на то, чтобы доказать причастность графа к преступлению. Иннокентий III усиленно на этом настаивает: «Предположить, что Раймунд виновен в убийстве этого святого человека, позволяют бесспорные признаки: публичные угрозы смертью, подготовка засад и, *если верить тому, что рассказывают*, тот факт, что он принял убийцу в ближайшее окружение и осыпал его дарами. Я не говорю о других очень весомых косвенных доказательствах, каковые известны многим людям». Монах из Сернея — надо ли говорить? — идет даже дальше этой версии, неблагоприятной для Раймунда. Якобы граф не просто принял убийцу, но водил его по домену, всем показывал и приговаривал: «Видите этого человека? Он один меня по-настоящему любит и сумел сделать то, чего я желал. Он избавил меня от врага, отомстил моему оскорбителю; это ему я обязан победой». «Но, — добавляет хронист, — как бы граф ни возносил до небес это убийство, даже животные выражали ему свое осуждение. Несколько тулузских каноников, люди весьма почтенные, заверили меня, что с того дня, когда человек Божий был убит, собаки отказывались от корма, который раздавал им его убийца».

Можно ли поверить, чтобы граф Тулузский предлагал своим подданным восхищаться этим особого рода героем? Он всегда отрицал свою причастность к данному политическому убийству. Зачем ему было, уничтожая папского легата, настраивать против себя широкие

круги христиан? Будь он действительно замешан, он не был бы так неосмотрителен, чтобы этим хвалиться. Наконец, Иннокентий III вел речь только о «косвенных доказательствах», а о вознаграждении убийце упомянул, лишь добавив «рассказывают». В одном письме за 1212 г. он признает, что изобличить графа так и не удалось, что он остался только «под сильным подозрением».

Раймунд VI оказался точно в таком же положении, что и король Англии Генрих II, которого обвинили в убийстве Томаса Бекета^[45]. Подчиненный по своему почину идет на убийство, чтобы угодить повелителю, не подумав, что такое преступление неминуемо станет роковым для той стороны, представитель которой его совершает. Граф Тулузский, по нашему мнению, не замышлял и не организовывал убийства Петра де Кастельно; но эта кровавая драма повлечет за собой его собственную гибель, падение его династии и истребление целого народа.

«Песнь о крестовом походе» описывает поведение Иннокентия III после убийства его легата одним лаконичным штрихом: «От скорби, в какую его это повергло, он подпер рукой подбородок и воззвал к св. Иакову Компостельскому и св. Петру Римскому». В пламенном циркуляре от 10 марта 1208 г., где говорится о преступлении, он не только обрек убийцу на ненависть всех верующих, но и обрушил на графа Тулузского, считая его также виновным, все проклятия и церковные кары. Раймунд VI был отлучен от Церкви, его подданные и союзники освобождались от своих клятв; всем разрешалось преследовать его лично и захватывать его земли, считаясь лишь с правами его сюзерена. Папа с трудом допускал предположение, что граф может обезоружить Церковь своим покаянием. Оно будет принято лишь при одном условии: чтобы он изгнал еретиков. «Никакой жалости к этим преступникам, которые, не довольствуясь тем, что развращают души, покровительствуя ереси, еще убивают и тела».

Партия, стоявшая за крайние меры, взяла верх. Аббат Сито велел повсюду провозглашать анафему и поднимать массы в крестовый поход. «Песнь» изображает, как он в Риме, в собрании кардиналов, во всеуслышание призывает обратиться к силе, собирать мстителей за Церковь. «Велите оповещать по всей земле до самого Константинополя об отпущении грехов. Кто не примет креста, пусть никогда более не пьет вина, не ест на скатерти ни вечером, ни утром, не одевается ни в

пеньку, ни в лен, а после смерти пусть его выкопают как собаку». В реальности Арнольд-Амальрик, находившийся в то время во Франции, не мог произнести эту речь. Тем не менее он действительно был организатором и главой планируемой экспедиции. Это ему будет принадлежать верховное руководство всеми делами и даже военными действиями; Симон де Монфор будет лишь его подчиненным.

Вместе с письмом, объявлявшим графа Тулузского вне закона, Рим разослал многочисленные послания, адресованные архиепископам и епископам Франции. Тем надлежало оказать поддержку легатам, восстановить мир между французами и англичанами, необходимый для успеха этого великого начинания, разжечь рвение клириков и мирян. В пятый раз Иннокентий воззвал к усердию и энергии Филиппа Августа. Очень ловко выразив восхищение тем, сколь высокой степени могущества достиг король, он апеллировал к хорошо известной любви адресата к Святому Престолу. Ему ведомо, что Филипп всегда ненавидел ересь и много раз это доказал. Королевский сан обязывает его носителя покарать убийц Петра де Кастельно и еще раз послужить Церкви, которой со стороны еретиков грозит такая опасность, какой не бывало никогда. «Они хуже сарацин», — написал Папа, и это были очень знаменательные слова, рассчитанные на то, чтобы оправдать готовящийся крестовый поход. «Тебе следует изгнать графа Тулузского с земли, которую он занимает, — добавлял он, — и отнять ее у сектантов, чтобы отдать добрым католикам, которые под твоим счастливым владычеством смогут верно служить Господу». По мысли Иннокентия, эти репрессии будут на пользу королю Франции.

Но Филипп не клюнул на эту приманку. Он ответил новым отказом, сопроводив его, правда, благовидными отговорками. Прежде всего, он пришел бы в отчаяние, если бы его сочли благосклонным к Раймунду. «Вы сообщили мне, — пишет он Папе, — о смерти Петра де Кастельно. Эта весть причинила мне немало горя, ибо легат, сей достойный человек, выполнял весьма благое дело. Если у вас есть причина сетовать на графа, то и мы имеем к нему очень серьезные претензии. Во время нашей войны с Ричардом он принял сторону этого короля, женившись на его сестре, хотя наш отец и мы сами потратили немало денег на защиту Тулузы от англичан^[46]. А когда мы вступили в борьбу с королем Иоанном, в гарнизоне Фалеза мы обнаружили тулузских солдат. Нам же ни граф, ни его вассалы никогда не

присылали своих отрядов, хотя он держит от нас одно из крупнейших баронств в королевстве».

В принципе Филипп не отказывался играть роль, которую ему предлагали, но упорно настаивал на двух условиях, уже выдвинутых ранее. Нужно, чтобы ему дали необходимые деньги, а главное — чтобы Иоанна, его врага, обязали хранить мир. Впрочем, он дал знать Папе, что, лишая графа Тулузского его земель, Рим превышает свою власть. «Вы объявляете: те, кто пойдет на еретиков, имеют полное право присваивать их домены и домены графа. Но, по мнению сведущих лиц, с которыми я советовался по этому вопросу, по закону вы вправе лишать графа его владений лишь после того, как осудите его в качестве еретика. Только изблотив его в этом преступлении, вы должны сообщить ему о вынесенном приговоре и уведомить нас о конфискации земли, которую он от нас держит. Но от вас не было известия, чтобы факт такового преступления был доказан». «Мы пишем вам это, — добавляет французский король, — не с тем, чтобы оправдать виновного. Мы сами скорее склонны его обвинять, что и покажем, если пожелает Бог и представится случай».

Нетрудно догадаться, что получение этого письма не обрадовало Папу. Ему отказывали в просьбе да еще позволяли себе учить его законам, о чем он не просил. Однако в своем циркуляре он учел претензии суверена Франции. Но Филипп Август знал цену таким дипломатическим формулам, ничего не стоящим перед лицом свершившегося факта. Затея с крестовым походом против альбигойцев ему не нравилась. Этот поход отвлекал на Юг военные ресурсы, нужные ему самому для других операций, к тому же ему не очень улыбалось, чтобы кто-то из его вассалов, став хозяином Лангедока, основал там сильное княжество. Поэтому он пытался если не остановить, то, по крайней мере, умерить то массовое брожение, которое на призыв проповедников уже поднималось по всей Северной и Центральной Франции. В мае 1208 г. он дал Эду, герцогу Бургундскому, и Эрве, графу де Неверу, разрешение принять крест, оговорив, что этим разрешением могут воспользоваться лишь рыцари Бургундии и Ниверне в количестве пятисот человек^[47].

Если король отказывался идти в поход, то феодалы, привлеченные перспективой отпущения грехов, начали собирать силы, чтобы массой ринуться на Юг. Однако Иннокентий III этого боялся. Он вовсе не

желал за счет Лангедока ублажать аппетиты баронов Севера, чтобы дело изгнания еретиков, бывшее в его глазах законным и необходимым, вылилось в резню и грабежи. Нужно было, чтобы крестоносцы оставались управляемыми и движение происходило в должных границах, контролируемое совместно высшей светской и высшей религиозной властями. Поэтому Папа упорно уговаривал Филиппа Августа оказать походу хотя бы косвенную поддержку. 9 октября 1208 г. он направил королю просьбу способствовать деятельности легатов и обязать своих подданных принять крест. 9 февраля 1209 г. было предпринято еще одно усилие: «Именно на тебя мы совершенно особо рассчитываем в защите дела Церкви Божией. Воинство верных, которое пойдет на борьбу с ересью, должно иметь вождя, которому бы оно подчинялось все целиком. Мы умоляем твое королевское величество собственной властью избрать мужа деятельного, разумного и преданного, который бы повел на славный бой, под твоим знаменем, поборников святого дела. Прежде всего тебе важно позаботиться, чтобы среди командования царили единство и гармония, чтобы не возникло никакого разлада, никакого соперничества между вождями».

Такую ответственность король Франции не хотел брать на себя ни лично, ни через своего представителя. Иннокентий III опять столкнулся с неколебимым упорством Филиппа. Поэтому среди знатных баронов, поднявшихся по призыву легатов, так и не оказалось королевского уполномоченного, наделенного реальным правом командовать всеми остальными. Крестовый поход против альбигойцев остался церковным предприятием, руководимым посланцами Рима. Папе пришлось смириться с фактом, что эту тягостную ответственность он будет нести один при помощи французской знати и некоторого количества рыцарей из соседних стран, прежде всего из Германии.

А что делали южане для защиты от нашествия, пока бароны и епископы получали благословение, набирали войска и готовились к выступлению? Ведь опасность была огромной. Если послушать автора «Песни о крестовом походе», подобный массовый подъем был редким зрелищем. «Я не стану затруднять себя рассказом о том, как они были вооружены, сколько стоили златотканые и шелковые кресты, нашитые на правой стороне груди, как они пыли одеты и экипированы, какие латы и гербы пыли на их конях. Не создал еще Бог столь искусного счетовода, чтобы тот мог подсчитать хоть половину этой суммы, ни

даже треть»... Войско было великолепным, — добавляет поэт. — Двадцать тысяч рыцарей в полном вооружении, да в придачу двести тысяч вилланов и крестьян, не считая клириков и бюргеров». Не будем придавать значения этим цифрам: всякая попытка точной численной оценки здесь бессмысленна, — но у современников создавалось впечатление грандиозного, неудержимого порыва. И этот энтузиазм легко объяснить. Ведь теперь можно было, не покидая Франции, заработать такое же отпущение грехов, как за опасное путешествие в Иерусалим, откуда столько паломников не вернулось. При бесконечно меньшем риске и расходах можно было воспользоваться многочисленными привилегиями, которые давали крестоносцам: неприкосновенность личности, защита имущества, приостановка долговых обязательств. Светские и церковные сеньоры, более или менее погрязшие в долгах, с удовольствием пользовались декретами Папы, запрещающими ростовщикам и евреям преследовать воинов Христовых.

Князя Лангедока не могли строить иллюзий. Чтобы предотвратить близкую катастрофу, им оставалось единственное средство: тесный союз всех сил, организация национальной обороны Юга против Севера. Но как было добиться согласия при анархии, царившей в этой среде? В 1208 г. Раймунд VI предложил своему племяннику Раймунду-Рожеру, виконту Безье и Каркассона, объединиться с ним, чтобы отразить нападение чужеземцев. «Рожер, — говорится в “Песне”, — не ответил ни “да”, ни “нет”. Они дурно расстались, и граф, раздосадованный, уехал в Прованс». Видя, что он не сможет вовлечь вассалов в общую акцию, к тому же опасаясь открыто выступить защитником ереси, граф Тулузский принял свое решение: склониться перед бурей.

Чтобы при подобном кризисе отстоять силой оружия дело религиозной свободы и независимости страны, нужен был человек с другим характером. Графа нельзя обвинить в пассивности: он, во всяком случае, действовал дипломатическими средствами. Сначала он поехал за советом к Филиппу Августу, который не оказал ему дурного приема, но воздержался от каких-либо обещаний. Потом он обратился к императору Оттону IV^[48]. Он рассчитывал даже умаслить аббата Сито и в феврале 1209 г. следовал за ним по пятам до самого Обенаса. «Там он преклонил колени, — говорится в “Песне”, — покаялся перед монсеньором аббатом и попросил его простить. Аббат ответил, что не

сделает этого, разве что его уполномочат Папа Римский и его кардиналы». Но Раймунд VI, чтобы вступить в переговоры с Папой, не дожидаясь этого бесполезного унижения. С конца 1208 г. его посланцы ходатайствовали за него перед римской курией.

В тот самый момент, когда Иннокентий III проклинал графа Тулузского именем Бога и людей, он принимал его послов! Об этом свидетельствует монах из Сернея, приводя точные подробности. Раймунд горько сетовал на аббата Сито, черствого и безжалостного человека, с которым он не может найти общего языка. «Пришлите ко мне другого легата, — велел он передать Папе, — выбранного из вашего окружения, и я обещаю изъявить ему полную покорность». И Папа не только выслушал послание этого отлученного, но даже снизошел до его просьбы. В марте 1209 г. Иннокентий прикомандировал к Арнольду-Амальрику латеранского нотариуса Милона, со специальной миссией — принять покаяние графа; его помощником был назначен магистр Федизий, генуэзский каноник. И Раймунд разразился восклицаниями: «Все прекрасно — теперь легат мне по сердцу, лучшим был бы только я сам!» После этого понятны слова из «Песни»: «Гонцы графа сказали столько слов и принесли столько даров, что пришли к согласию с богатым Папой, и я скажу вам, относительно чего». Но торжествовали Тулузец и его приверженцы слишком рано. По словам того же монаха из Сернея, Иннокентий III якобы сказал Милону: «Все будет делать по-прежнему аббат Сито, ты станешь лишь его орудием. К нему граф относится с подозрением, а к тебе нет».

Инструкции новому легату предписывали прежде всего сделать последнюю попытку повлиять на Филиппа Августа: это у Папы была идея-фикс, он так от нее и не откажется. Арнольд-Амальрик и Милон отправились в Вильнев-ле-Руа близ Санса, где Капетинг собрал свой двор (*cour pleniere*). Они передали ему письмо Иннокентия, еще раз просившего короля принять личное участие в походе или отправить туда своего сына, принца Людовика. «У меня по бокам два огромных льва, — ответил Филипп, — самозванный император Оттон и Иоанн, король Англии. Оба изо всех сил стараются взбаламутить королевство Францию. Я не могу ни сам покинуть его, ни обходиться здесь без сына. Вполне довольно уже и того, что я позволил своим баронам идти в Нарбоннскую область на борьбу с врагами веры».

С этим французским королем было решительно ничего невозможно поделаться! Папе оставалось только закончить оба уже начатых дела. Пока аббат Сито летом 1209 г. завершал набор бойцов и отправку их в Лион, назначенный местом общего сбора, другой легат, Милон, выехал на Юг, в Прованс, чтобы решить важный вопрос покаяния графа Тулузского и его примирения с Церковью.

Зачем вступать в переговоры с этим опозоренным бароном, уже несколько раз преступавшим клятвы, от которого нельзя добиться искреннего подчинения? На этот вопрос непримиримых ортодоксов Иннокентий ответил любопытным письмом, где изложил для трех своих уполномоченных — аббата Сито, епископов Рье и Кузерана — свой план наступления на ересь. Это — политическая и военная программа крестового похода.

«Нас настойчиво спрашивают, как крестоносцам себя вести в отношении графа Тулузского. Последуем совету апостола, который сказал: “Будучи хитр, лукавством брал с вас”. Тех, кто разрушил единство Церкви, надо будет после совещания с самыми разумными из вождей атаковать одного за другим, по отдельности, чтобы разделить их силы. Не начинайте сами задирать графа, если увидите, что он не рвется очертя голову защищать прочих. Прибегните к мудрой скрытности: обойдите его стороной, чтобы начать действия против мятежников. Если позволить этим приспешникам Антихриста объединиться для совместного сопротивления, сокрушить их будет труднее. Зато если граф не придет им на помощь, одолеть их будет легче легкого, и, возможно, зрелище их разгрома заставит и его пойти на попятную. Если же он будет упорствовать в злых замыслах, можно будет, когда он останется в одиночестве и сможет рассчитывать лишь на собственные силы, под конец напасть на него и без особого труда сломить его сопротивление». То есть надо было верить — или притворяться, что веришь, — в раскаяние Раймунда VI.

Церемония публичного покаяния имела место в июне 1209 г. в Монтелимаре, в Балансе и прежде всего в Сен-Жиле, колыбели тулузской династии. Раймунд предстал перед легатом и епископами. Он поклялся покорно исполнять все их распоряжения, в залог чего передавал посланцам Рима семь из основных своих замков. Предполагалось, что, если он не выполнит обещаний, консулы Авиньона, Нима и Сен-Жиля больше не будут признавать его своим

сеньором, а графство Мельгей, на верховную власть над которым он претендовал, будет конфисковано в пользу Церкви. Ему прочли список претензий, которые в свое время выдвинула церковная власть, предав его анафеме; он обязался дать ей удовлетворение по всем пунктам. После этого для него начался ряд неприятных испытаний, необходимых для примирения с Церковью.

В одеянии кающегося, обнаженным до пояса, его провели перед имеющим три двери фасадом церкви Сен-Жиля, этого шедевра романской архитектуры, воздвигнутой благодаря щедротам его предка Альфонса-Иордана. На верху внушительной лестницы в двенадцать ступеней, ведущей в церковь, на статуе апостола и по сей день можно увидеть слова, словно бы внушенные политикой Иннокентия III до убийства его легата: «Не убивать никого, но обращать»^[49]. Там, между двух огромных львов, стерегущих главный вход, хранились реликвии Христа и святых. Раймунд, возложив руку на ковчеги, поклялся повиноваться Папе и его легатам. Тогда Милон перекинул ему через шею свою епитрахиль, дал ему отпущение, а потом, таща его за епитрахиль и стегая по спине пучком розог, ввел в церковь. Ее заполняла столь плотная толпа, что графу было невозможно выйти там же, где он вошел. Пришлось провести его через склеп, перед гробницей Петра де Кастельно. «Справедливая кара за его преступление!» — не преминул воскликнуть монах из Сернея.

Церкви мало было унижить своего врага. Нам известны в подробностях требования торжествующего Папы и условия, навязанные кающемуся как до, так и после отпущения. Раймунд VI обещал избегать всяких излишеств, столь привычных для баронов. Он обязывался принести публичное покаяние всем епископам и аббатам, с которыми вступал в конфликт, и лишался прав на все епископства и религиозные учреждения своего фьефа. Из него вытянули и немало других обещаний. Он прогонит своих рутьеров и не будет более прибегать к их услугам. Он больше не доверит административных должностей евреям. Он прекратит защищать еретиков и выдаст их вместе с имуществом и пособниками крестоносцам, которые вторгнутся в его домен. Еретиками он будет считать всех, кого в качестве таковых изобличит духовенство. Разбор всех жалоб, которые поступят на него, он предоставит на усмотрение легатов. Он будет

соблюдать сам и заставит соблюдать своих вассалов все условия мира или перемирия, продиктованные легатами.

Никогда еще феодальный суверен не поступался своими правами до такой степени. Раймунд VI позволял посланцам Рима заменить его власть своей властью; фактически они становились абсолютными властителями Лангедока и Прованса, почти в той же мере светскими, как и духовными. Все вассалы графа должны были принять те же условия, передать замки легатам и предать себя в руки Церкви. Раймунд согласился на все, принял все, вплоть до последнего унижения. 22 июня 1209 г. он вызвался принять крест, получил его из рук Милона и произнес следующую присягу: «Клянусь на Святых Евангелиях, что, когда крестоносные князья придут на мою землю, я буду им повиноваться так, чтобы полностью обеспечить их безопасность и выполнять все, что они прикажут мне делать в их собственных интересах и на благо армии». То есть он обязывался помогать предприятию, направленному по сути против него, способствовать тому, чтобы грабили и резали его собственных подданных.

«Комедия, — пишет монах из Сернея, — новое вероломство! Этот человек принял крест лишь затем, чтобы обеспечить неприкосновенность себе и своему добру и скрыть свои зловещие планы». Истина состоит в том, что, соглашаясь последовать за армией и присоединиться к походу извне, Раймунд нашел единственную практическую возможность контролировать своих врагов и, может быть, чинить им препятствия. Верил Иннокентий III в искренность графа или нет, но 26 июля он отправил ему из Витербо поздравительное письмо: «Ты полностью подчинился нашей воле; ты сделал все, что потребовал магистр Милон, наш легат, и тем самым ты, прежде возмущавший многих, ныне стал образцом. В отношении тебя рука Господня чудесно потрудилась. Ради своего духовного исцеления и даже ради своих мирских интересов продолжай угождать нам. Мы желаем тебе лишь блага и чести, и можешь быть уверен: мы не допустим, чтобы с тобой поступали дурно, когда ты этого не заслуживаешь». Действительно, придет время, когда Иннокентий сыграет неожиданную роль — покровителя графа Тулузского, которого будет защищать один против всех.

Когда Раймунд VI получил от Папы эту похвальную грамоту, гроза, которая так долго собиралась над Югом, разразилась: крестоносцы вторглись в Лангедок, и полилась кровь.

* * *

В конце июня 1209 г. легат Милон присоединился в Лионе к своему коллеге Арнольду-Амальрику и огромной армии, тронувшейся в путь. Развернув знамена, архиепископы Реймский, Санский и Руанский, епископы Отенский, Клермонский, Неверский, Байе, Лизье и Шартрский, герцог Бургундский, графы Неверский и де Сен-Поль двинулись к югу долиной Роны. В Балансе в число вождей встал и сам граф Тулузский. Вскоре все через Монпелье вступили в Приморский Лангедок.

«Граф Раймунд их вел, — говорится в “Песне”, — и весьма усердно им служил. Он всегда шел впереди и вынудил жителей земли своего племянника [Раймунда-Рожера], с которым находился в состоянии войны, дать им приют». Действительно, расправу предполагалось начать с городов виконтства Безье и Каркассона — этих пристанищ нечестивцев.

В поведении виконта Раймунда-Рожера с самого начала никакого героизма не было. Он поспешил в Монпелье, выразил легатам уверения в своем личном правоверии и свалил всю ответственность за свои дружественные акты по отношению к ереси на подчиненных. Но его отказались слушать. По замыслу вождей похода, здесь надо было дать острастку, чтобы весь Юг ужаснулся. В подкрепление крестоносцам, вставшим лагерем на берегу Орба, подошли еще два отряда захватчиков из Ажене и Оверни. Жители города Безье, стоящего на высоком мысу, под охраной стен и укрепленной церковью чувствовали себя в безопасности. Но он был взят пехотой с первого приступа. Семь тысяч человек — женщин, детей, стариков — было перерезано в одной только церкви Магдалины, большинство здоровых мужчин убито, в город с целью грабежа хлынули следовавшие за армией бродяги, которых рыцари, боясь, что им не достанется добычи, «отшвыривали ударами палок»; бродяги в отместку подожгли город, «запылавший вдоль и поперек»; собор Сен-Назер превратился в такой костер, что его свод треснул, — вот таким был первый подвиг воинов Христовых, имевший место 21 июля 1209 г.

Еретики действительно пришли в сильнейший ужас. Они спешно покинули около сотни замков и укрылись в горах. Нарбонн, чтобы избежать бедствия, казнил нескольких катаров. Городу Монпелье бояться было нечего — ему покровительствовал сам Иннокентий III; еще в марте он запретил трогать жителей этого города, «людей набожных и издавна преданных Апостолическому Престолу». Но Каркассон, куда бросился Раймунд-Рожер, решил сопротивляться. Крестоносцы осадили его, быстро захватили предместья и блокировали сам город. Король Арагона Педро II, опасаясь новой беды, попытался вступить перед легатами за виконта, своего вассала. Легаты остались непреклонны. Раймунд-Рожеру разрешили, если он того захочет, выйти из осажденного города с двенадцатью рыцарями, но все жители должны будут сдать на милость победителя. «Король сказал сквозь зубы: “Это произойдет, когда осел взлетит в небо”», а виконт воскликнул, «что скорее позволит заживо содрать с себя кожу». Но жители, зажатые в тесных городских стенах, отрезанные от источников воды, задыхаясь под жарким солнцем от зловония, вызванного скоплением больных и мертвого скота, в конце концов решили капитулировать. Они покинули город полунагими, «не унеся с собой добра и на цену пуговицы».

В рапорте о первых событиях войны, отправленном легатами Папе, те объясняли, почему Каркассон избежал участи Безье. Была опасность, что солдаты или сами еретики сожгут город и всю страну. Как тогда продвигаться в этой пустыне и чем жить? Вожди не имели полной власти над своими отрядами^[50]. «В армии, — писали легаты, — слишком много людей, которые вместе с нами телом, но не душой». Тем не менее в августе 1209 г. весь фьеф Безье и Каркассона попал в руки защитников Церкви. Раймунд-Рожер, вопреки условиям капитуляции брошенный в тюрьму, живым оттуда уже не выйдет.

Захватить землю — это было еще не все, надо было ее удержать. Бароны Севера, выполнившие сорокадневную обязанность^[51] и получившие отпущение грехов, думали лишь о том, чтобы вернуться назад. Ни герцог Бургундский, ни граф Неверский, ни граф де Сен-Поль не желали брать этот фьеф, приобретенный резней. «Им не было дела до шкуры, содранной с другого, — говорится в “Песне”. — Не находилось никого, кто не счел бы бесчестием принять эту землю». Но один мелкий сеньор из Иль-де-Франса, имевший домены в

Англии, — Симон де Монфор, граф Лестер, — немного помолившись, пошел на такое бесчестие.

Это был пылкий католик, известный ненавистью к ереси и тем, что во всем усердно следовал воле Церкви. Во время четвертого крестового похода он покинул христианскую армию и отказался идти на Константинополь, чтобы не нарушать повелений Папы^[52]. Петр из Водде-Сернея описывает его так: «Высокого роста, с красивыми волосами, изящными чертами лица, сильными плечами, крепким и удивительно гибким телом». В нравственном отношении он обладал всеми достоинствами: «Очень красноречивый, приветливый со всеми, превосходный друг, человек строгого целомудрия и редкой скромности». Безупречные мудрость и осмотрительность, твердость в решениях, справедливость в суждениях, смелость в атаке, упорство в достижении избранной цели — у этого человека, «всецело преданного Божьему делу», не было ни одного недостатка. Но монах забывает сказать, что этот благочестивый рыцарь был черствым и жестоким, как многие ему подобные, и проявлял поразительную активность в погоне за своими выгодами, поначалу совпадавшими с интересами Церкви. Щадя себя не более, чем последнего солдата, он сумеет стать первоклассным военачальником, изобретательным дипломатом, умелым организатором жизни в завоеванных землях. Печать, которой он заверял грамоты, изображает его в виде охотника, скачущего галопом рядом с борзыми и трубящего в рог. Теперь он посвятит себя иной охоте, сулящей больше приобретений для души и тела.

«Сеньор, — сказал ему аббат Сито, — именем Бога Всемогущего примите землю, которую вам даровали: ибо порукой за нее Бог и Папа, и мы вслед за ними, и все прочие крестоносцы. И мы будем помогать вам всю вашу жизнь. — Я это сделаю, — молвил Симон, — при условии, что князья дадут мне клятву, что в случае надобности, ради моей, защиты, все явятся на мой зов. — Мы даем вам ее, — преданно сказали все. И тогда он принял землю и страну». Первый акт, который он подписал в этом качестве в августе 1209 г., начинается со слов: «Симон, синьор де Монфор, граф Лестер, виконт Безье и Каркассона. Поскольку Господь через посредство крестоносцев, Своих слуг, передал в мои руки земли еретиков, нечестивого народа, я смиренно и благочестиво принял это бремя и эту власть, полагаясь на Его помощь и

вняв настояниям баронов армии, а равно сеньора легата и сопровождающих его прелатов».

Через месяц новый владелец Безье и Каркассона сам доложил Иннокентию III о своем возвышении. Его единодушно избрали, хоть он этого и недостойн, чтобы управлять альбигойской землей; пожаловал ее ему аббат Сито; он сам официально признавал, что обязан ею «только Богу и Папе». Он просил, чтобы Рим утвердил его, а равно его наследников, во владении полученными им доменами, как и его соратников — во владении долей, которая им выделена. Он вынес на одобрение Папы первые меры, которые предпринял: введение постоянного налога в пользу Святого Престола в размере три денье с очага; возвращение всем церквам и клирикам десятины, удерживаемой еретиками. По этим двум пунктам согласие Иннокентия не вызывало сомнений. Но Симон, человек практичный, продолжая рассыпаться в благодарностях, потребовал денег на продолжение предприятия.

«Я решил из любви к Богу и католической вере остаться в этой стране в надежде с Божьей и вашей помощью окончательно искоренить здесь ересь. Это будет труд тяжелый, для которого понадобится много денег. Крестоносные князья ушли, оставив меня почти одного с очень маленькой горсткой солдат среди врагов Христа, рыщущих по горам и по скалам. Земля бедна: все, что она давала доброго, погублено. Если я не получу субсидий от вас, а также от верных, я не смогу здесь долго продержаться. Позиции еретиков еще очень сильны, а рыцари, что остались со мной, требуют двойного жалованья».

Иннокентий III почти сразу же официально одобрил свершившийся факт. В двух письмах, от 11 и 12 ноября 1209 г., он выразил удовлетворение тем, что Монфор — «твердая скала», преграждающая путь врагам Церкви. Он утвердил все, что сделали для Монфора, и все, что тот сделал сам. Он пообещал лично помогать ему и ходатайствовать за него перед императором Оттоном IV, королями Кастилии и Арагона и другими феодальными суверенами. Он призовет их не давать приюта на своей территории еретикам, изгнанным из Лангедока, и выделить из своей казны денежную помощь защитникам веры. «Я сделал бы для вас намного больше, — добавлял он, — если бы не был вынужден поддерживать также христиан Святой Земли, сетующих, что их интересы принесли в жертву ради успеха альбигойского дела».

Действительно, организовав два крестовых похода одновременно, Иннокентий III мог обещать личное содействие лишь с большими оговорками. Поскольку лангедокское предприятие поглощало массу денег, латеранская канцелярия немедленно и принялась рассылать по всей Европе просьбы о поддержке и субсидиях. Иннокентий рекомендовал Симона и его дело архиепископам Южной Франции, прелатам Лиона и Безансона, графам Савойи, Женевы и Макона, консулам Авиньона, Сен-Жиля, Нима, Монпелье, Тараскона, Нарбонна. В письме императору Оттону он превозносил успех великой армии, выставленной против ереси: «Великолепная победа — у врагов веры отнято пятьсот городов и замков!» Он преувеличивал — у него имелось письмо Симона де Монфора с точными данными, но легатам было выгоднее раздуть успех. Папа хотел, чтобы в каждой епархии все население приняло участие в выделении денег на крестовый поход. Все клирики должны будут пожертвовать часть своих доходов. Все сеньоры, под властью которых живут евреи, заставят их прекратить преследование крестоносных должников. Наконец, рыцарям, которых Монфор сумел удержать при себе, Иннокентий советовал набраться терпения и продолжать сражаться под началом своего командира: к Пасхе отправка новой субсидии позволит выплатить им жалованье вместе со всей задолженностью.

В том, что после взятия Каркассона великая армия развалилась, не было вины Симона и легатов. В идеальном варианте они рассчитывали покончить с ересью и ее пособниками с первого удара. Петр из Во-де-Сернея говорит без обиняков: «Если бы крестоносцы пожелали остаться в Лангедоке и двинуться дальше, то с теми силами, какими они располагали, им бы ничто не могло противостоять; они быстро бы заняли всю эту землю. Но этому помешали козни Сатаны, врага нашего предприятия. Впрочем, сам Бог не пожелал, чтобы война была закончена сразу же. Он предпочел, чтобы одни воины Христа прибывали вслед за другими и чтобы тем самым в акции приняло участие как можно больше людей, получив отпущение грехов и обретя вечное спасение».

Эта религиозная концепция крестового похода плохо согласовалась с военными и политическими нуждами, с которыми были вынуждены считаться его руководители. Когда группы рыцарей приезжают одна за другой, маленькими порциями, чтобы только выполнить свой

сорокадневный обет и спешно вернуться на родину, уступая место новым отрядам, то такие перебои и постоянная смена личного состава могут лишь навредить предприятию и затянуть борьбу до бесконечности.

Столь же неприятной помехой для Симона де Монфора и его товарищей была необходимость щадить графа Тулузского. Папа не хотел, чтобы на Раймунда VI напали, потому что тот попросил Церковь о примирении и не принял открыто сторону ереси. А легаты видели в нем главную опору сектантов, врага, которого, если хочешь искоренить катаризм в Лангедоке, надо обезвредить и вынудить просить пощады. Раскаяние Раймунда — блеф чистой воды! Чтобы не допустить его прощения и примирения с Церковью, они чрезвычайно искусно уклонялись от выполнения категорических приказаний Рима. Ведя себя высокомерно и выдвигая неприемлемые требования, они рассчитывали вынудить графа сбросить маску и перейти в другой лагерь. Но Раймунд видел эту опасность и не желал этого делать. Встать во главе противников религии и крестового похода — разве это не значит дать повод к действию врагам, чью неумолимость и готовность обобратить его он ощущал постоянно? Поэтому он сохранял приверженность католицизму и непрестанно демонстрировал свою ортодоксальность.

В то время как Симон де Монфор зажигал костры и занимал — замок за замком, город за городом — обширный домен, на который он положил глаз, дипломаты на конференциях и Соборах состязались в лукавстве. Вся эта проблема имела еще несколько аспектов: частные притязания Педро Арагонского, поначалу хранившего нейтралитет, в потом занявшего враждебную позицию по отношению к крестоносцам, и прежде всего — нерешительность и резкие перемены настроения Папы. Его плохо слушались и плохо информировали, его собственные склонности резко не совпадали с тем, на чем настаивали апологеты насилия, и потому Иннокентий III то дезавуировал своих легатов, то давал им карт-бланш. Перед нами — сложное и во многих местах запутанное плетение ткани исторического события, где, как и во всех человеческих делах, соседствуют драма и комедия.

* * *

После взятия Каркассона и смерти виконта Безье — умершего от болезни, как утверждают одни, убитого, как говорят другие, —

положение графа Тулузского в армии вторжения стало невыносимым. Внешне казалось, что он далек от разрыва с вождями похода: он по-прежнему держался дружелюбно по отношению к ним и даже планировал брак собственного сына с дочерью Монфора! Но эта видимость согласия исчезла, когда аббат Сито потребовал от графа и консулов Тулузы выдать ему еретиков и подозрительных лиц своего города. Их список он составил сам. Однако обвиненные бюргеры выразили энергичный протест, заявив, что они не еретики и не пособники ереси. Консулы отказались выдавать своих земляков. «Тулуза, — говорили они, — католический город: разве он не жег катаров при графе Раймунде V?» Они апеллировали к Папе и отправили к нему депутацию. Со своей стороны, Раймунд VI жаловался, что все это направлено непосредственно против него; он напоминал, что легат Милон дал ему отпущение, и с негодованием обличал методы Арнольда Амальрика. Он сам поедет к Папе, чтобы изложить свои претензии и осведомить его о несправедливостях, которые творят легаты. «Зачем ехать в Рим? — якобы ответил ему аббат Сито. — Вам незачем так беспокоиться и тратить деньги на дорогу. Того же результата вы добьетесь при переговорах с нами».

Легаты боялись его встречи с Иннокентием III. Тем не менее Раймунд составил завещание и стал готовиться к отъезду в Италию. Но его противники не привыкли отступать. Аббат Сито отлучил консулов Тулузы и наложил на город интердикт, а потом поехал в Прованс и вынес такой же приговор марсельцам, взбунтовавшимся против его власти. 6 сентября 1209 г. легаты созвали Собор в Авиньоне. Здесь было издано несколько очень суровых декретов против еретиков и их сообщников. Еще серьезней был тот факт, что Собор снова отлучил графа Тулузского и наложил интердикт на весь его домен. «Поскольку он не выполнил обязательств, которыми обуславливалось его примирение с Церковью, — писали легаты Иннокентию III, — он лишен всех прав. Так что графство Мельгей по закону принадлежит Церкви, как и семь крепостей, переданных в наши руки. По той же причине жители Авиньона, Нима и Сен-Жиля должны принести оммаж непосредственно Святому Престолу за все, чем они владеют».

Они поторопились: Иннокентий III не давал ни приказа, ни дозволения на подобную расправу, совершенную от имени его представителей. Милон и епископ Рье попытались оправдать свой

поступок. «Граф Тулузский — клятвопреступник, враг всякого мира и всякой справедливости. Он определенно замешан в убийстве Петра де Кастельно, потому что всегда принимал у себя убийцу. Если мы наложили интердикт на Тулузу и отлучили консулов, так это потому, что они не пожелали выдать крестоносцам многочисленных сектантов, которые живут в их городе». Легаты, правда, добавляли, что отлучение графа не абсолютно и предполагает отсрочку: они дали ему время на выполнение требований Церкви до праздника Всех Святых. После этого приговор вступит в силу. Однако показательны их настойчивые просьбы Папе не верить словам Раймунда и ни в чем с ним не соглашаться. «Опасайтесь, — писал Милон, — этого ловкого языка, источающего ложь и оскорбления. Если, избави Бог, граф добьется от вас возвращения своих замков, не дав нам необходимого удовлетворения, — все, что было сделано в Лангедоке против ереси и во имя мира, будет сведено на нет. И тогда лучше было бы не начинать предприятия, чем прекращать его подобным образом». Епископ Рье, в свою очередь, советовал преемнику св. Петра, когда тот будет принимать графа Тулузского, противопоставить ему твердость того *камня*, на котором Христос воздвиг свою церковь. «По милости Бога и вашей ныне граф так крепко скован, что не может более ни совершить малейшего мятежного движения, ни нарушить ваших священных приказаний, если только, — добавлял епископ с горечью, — влияние некоторых людей не сделает напрасными все меры, принятые против него». Таким образом, посланники Папы боялись, что их действия будут дезавуированы; именно это и собирался сделать Иннокентий III.

В январе 1210 г., вскоре после неожиданной смерти легата Милона, Раймунд VI прибыл в Рим в сопровождении тулузских делегатов. При описании дальнейших событий историк попадает в очень затруднительное положение. Монах из Сернея утверждает, что Папа осыпал графа насмешками и оскорблениями, называл его «нечестивцем, гонителем Христа, врагом веры», так что Раймунд в отчаянии даже «уже не знал, что и делать». По словам автора «Песни», он был принят с распростертыми объятиями: «Папа подарил ему дорогой плащ, ценное золотое кольцо, один камень в котором стоил пятьдесят марок серебром, и коня. Они стали сердечными друзьями». Возможно, поэт преувеличивает знаки благоволения, оказанные Иннокентием князю, по меньшей мере находящемуся у него на

подозрении, но можно ли принимать на веру свидетельство монаха из Сернея, столь ожесточенного против Раймунда? Зачем Иннокентию было выводить из себя графа Тулузского, который еще мог, если его довести до крайности, погубить все крестоносное дело? Все действия и послания Папы показывают, что он должен был вести себя осторожно в отношении графа. Петр из Во-де-Сернея противоречит сам себе, добавляя, что граф в надежде снискать милость Папы сделался кротким и покорным и подписал все его требования. Того, кто сдается на милость победителя, так резко не бранят. Лучше поверим самому Иннокентию III: «Поскольку граф Тулузский приехал в Рим и обещал дать нам полное удовлетворение, мы озаботились его почтить».

Три письма, которые после этой встречи Папа направил архиепископу Нарбоннскому, аббату Сито и епископу Рье, были всего лишь официальным сообщением об отмене мер, принятых его легатами. Всего через несколько месяцев после резни в Безье инициатор крестового похода уже находил, что дело зашло слишком далеко!

«Вы покарали графа, сославшись на то, что он не выполнил всех своих обязательств. Граф же утверждает, что воплотил в жизнь большую часть статей договора, заключенного с Милоном. Он доказывает это, приводя свидетельства церковей, которым возместил ущерб, и изъявляет готовность сдержать и остальные обещания. Кроме того, он уверяет, что его всегда необоснованно подозревали в отсутствии правопочтения, и умолял нас позволить ему оправдаться по этому пункту перед нами, чтобы мы могли вернуть ему замки. Он их передал только в качестве гарантии, и если их собираются удерживать до бесконечности, это, как утверждает он, нанесет ему большой вред. Вы говорите, что он лишен прав на эти крепости за нарушение слова; однако неприлично, чтобы Церковь обогащалась путем грабежа чужих владений. Движимые апостолической благосклонностью и в согласии с мнением нашего совета мы решили: тот факт, что он «еще не выполнил всех статей договора, не лишает его прав на собственность; кроме того, мы не желаем, воспользовавшись его обязательством, лишать его определенных городов в случае, если он не выполнит всех наших приказаний. Исходя из того же принципа, мы повелели христианской армии, действующей по нашим предписаниям против еретиков, *не трогать его домена*».

Что в конечном счете приказал Иннокентий III? Пусть через три месяца после получения его письма легаты созовут Собор с целью разбирательства, действительно ли граф виновен в ереси и причастен ли он к убийству Кастельно. Если найдется кто-нибудь, кто обвинит его по закону в этих двух преступлениях, пусть легаты начнут судебный процесс, но *без* вынесения окончательного приговора. Материалы следствия они передадут в Рим, и приговор вынесет уже папская юстиция. Если такого обвинителя не окажется, они разрешат графу оправдаться самому, и если граф примет такой способ оправдания и действительно докажет свою невиновность, они должны будут публично объявить его христианнейшим и возвратить ему замки, как только он выполнит принятые на себя обязательства. Если же граф не явится или выразит недовольство формой оправдания, сочтя ее недостаточно справедливой, дело опять-таки следует передать в Рим и ждать приговора, который будет вынесен здесь. Что касается консулов Тулузы, то Папа объявлял, что получил от них полное удовлетворение и что от интердикта их следует освободить.

У легатов не могло остаться иллюзий — их считают алчными до добычи; Иннокентий не позволял им самим ни судить графа Тулузского, ни обирать его; он хотел, чтобы последнее слово в этом деле осталось за его судом. По отношению к епископу Рье и прелатам Нарбонна и Экса он не потрудился даже сгладить неприятное воздействие этого выговора и этих решений. В более деликатной форме он их изложил аббату Сито. Для этого в бесконечной преамбуле Папа использовал множество риторических приемов. Он расточал похвалы тому, как аббат руководит великим делом крестового похода, и называл его «столпом, на коем держится это священное здание». Но при всех дифирамбах Папа дает понять, что не может доверить ему дело примирения графа с Церковью. «Это поручается магистру Федизию не как легату, — спешит добавить Иннокентий, — а просто как представителю Рима. «Впрочем, он будет только выполнять твои предписания; он станет твоим инструментом, твоим органом, наживкой, скрывающей рыболовный крючок твоей проницательности. Раймунд поведет себя как больной, для которого милосердный врач смягчает горечь лекарства; он спокойнее примет твое средство из рук другого». Ехидный способ показать аббату Сито, что граф видит в нем

личного врага и что в интересах Церкви лучше, чтобы отпущение ему давал другой уполномоченный Папы, не столь подозрительный.

Этот удар был для Арнольда-Амальрика и Симона де Монфора тем болезненней, что в конце 1209 и начале 1210 г. продвижение крестоносцев, похоже, замедлилось. Устрашенные первыми побоищами и взятием основных центров ереси: Безье, Каркассона, Памье, Альби, — катары поначалу не оказали серьезного сопротивления. Пока они укрывались в горах, отъявленный покровитель нечестивцев — Раймунд-Рожер, граф де Фуа — не рискнул выказать неповиновение. Но когда великая армия оставила дело незаконченным и повернула на север, они пришли в себя. Кастр и Ломбер, важные крепости, вновь стали катарскими, и граф Фуа опять занял враждебную позицию. Нужно было предпринимать новое усилие.

Тревогу, вызываемую этим откатом в завоевании, дополнительно усиливала позиция внешней власти и соседей. Было известно, что Филипп Август к крестовому походу относится неодобрительно. Раймунд VI, после возвращения из Рима еще раз ездивший к нему просить помощи, не получил ничего, но был хорошо принят. Его новое обращение к императору Оттону также не принесло результатов. Но Педро II, его шурина, был явно не расположен позволить Монфору и его легатам захватить весь Юг под предлогом спасения веры. Его репутация христианнейшего государя не позволяла ему открыто объявить себя врагом крестоносцев, но он постоянно вмешивался, затрудняя их продвижение. Исподтишка он подстрекал шателенов завоеванных земель восставать против захватчиков. В то же время он упорно отказывался принять от Симона де Монфора оммаж за виконтство Каркассон, как бы не признавая свершившегося факта. Весной 1210 г., решив выступить в защиту графа Фуа и его земель, он пригласил Раймунда-Рожера и Монфора на конференцию в Памье. Естественно, соглашение между ними, которого он добивался, не состоялось; Араговец был для крестоносцев грозным препятствием. К нему было нельзя относиться как к врагу, и многие шателены приносили ему оммаж за свои крепости, чтобы избежать подчинения Симону де Монфору! Что станет с великим начинанием, если так начнут делать все?

Аббату Сито и его партии приходилось бороться не только с еретиками, но и с умеренными католиками, щепетильными людьми,

врагами крайних мер, а также с Папой, слишком приверженным юридическим формальностям и, похоже, не желающим репрессий. Легаты не могли делать вид, будто не получали четких приказаний Иннокентия III, но собирались выполнять их так, чтобы эти приказы не стесняли их действий. Между Папой и его уполномоченными наметился конфликт.

* * *

Им еще и приказали простить тулузских горожан! А ведь, по их мнению, именно здесь следовало нанести удар. Пока не будет уничтожен этот очаг сопротивления, крестовый поход не мог закончиться. Но Тулуза была одним из тех «святых городов», которые в средние века все особенно почитали. Со своим лесом башен и колоколен, с церквами, теснящимися в ее стенах, с чудесной базиликой Сен-Сернен, розовеющей в лучах закатного солнца, с высокой, квадратной в сечении колокольной собора св. Стефана и святилищем Дорады в блеске золота и мозаик, красный город — колоссальный реликварий — не переставал притягивать и восхищать паломников. Большинство его населения оставалось католическим, но их правоверие было очень свободным, допускающим любые вольности, и именно этого монах из Сернея ему не прощает: «*Tolosa, dolosa!*^[53]». Он обращает по адресу Тулузы весь свой арсенал проклятий и изображает ее отравленной ядом ереси от самых истоков — от ариан до альбигойцев. Этот яд передавался от отца к сыну в крови ее бюргеров, заразивших им соседние города. И теперь это «гадючье племя» восстало против самого Бога!

Когда делегаты Тулузы, довольные приемом Папы, вернулись из Рима, они привезли буллу, даровавшую им прощение. Она была адресована трем легатам: аббату Сито, епископу Рье и магистру Федизию. «По примеру того, кто желает не гибели грешника, но истребления греха, и поскольку опасно долее держать под интердиктом город, готовый подчиниться, мы повелеваем вам направиться, лично и в кратчайший срок, в Тулузу. Вы отпустите грехи жителям и снимете интердикт, получив необходимые гарантии и приняв все полезные меры предосторожности. Если вы не сможете это делать все трое совместно, необходимо участие хотя бы двоих из вас». Папа не желал, чтобы Арнольд-Амальрик действовал в одиночку. Однако аббат Сито прибыл один, без обоих коллег, чтобы продиктовать статьи примирения и

приступить к обычным формальностям. Тулузцы, недовольные слишком обременительными условиями, сослались на буллу и снова апеллировали к Риму. Начались переговоры. В них приняли участие также епископ Изесский и другие лица. Фульк, епископ Тулузский, активно нажимал на своих прихожан, чтобы они уступили без сопротивления.

Преимущество этого заклятого врага еретиков и Раймунда VI состояло в том, что он жил в Тулузе, чем и воспользовался, чтобы приобрести на жителей-католиков влияние, которое он полностью поставит на службу Монфору и приверженцам насилия. Какое-то время он вел двойную игру. Как церковный сеньор Тулузы, обязанный бережно относиться к горожанам и защищать интересы города, он поначалу делал вид, что уважает верность тулузцев Сен-Жильской династии^[54]. Порой он даже изображал из себя независимого посредника между Тулузой и крестоносцами. По сути, он надеялся поссорить Раймунда с его подданными и подорвать светскую власть графа, прежде чем того изгонят. Он был всегда заодно с захватчиками Лангедока, даже до открытого перехода в их лагерь.

Он создал в Тулузе обширное братство, члены которого носили белый крест, — ополчение, всегда готовое защищать правую веру внутри города и вне его сотрудничать с легатами. Эта ассоциация вскоре стала такой агрессивной, что некоторые бюргеры сочли нужным отреагировать на ее появление. В нее входили прежде всего обитатели Старой части города, Сите, симпатизирующей старой вере и крестоносцам. Другая часть города, Бург, населенная умеренными и еретиками, противопоставила «белому братству» епископа «черное братство». «Бург и Сите, — пишет Гильом де Пюилоран, — Белые и Черные под враждебными знаменами часто вели меж собой пешие или даже конные сражения».

Под влиянием своего епископа Тулуза смирилась с условиями, выдвинутыми аббатом Сито, отозвала свою апелляцию и позволила легату действовать одному, лишь бы он в остальном придерживался инструкций Папы. Кроме того, она пообещала ему субсидию в тысячу ливров из муниципальной кассы, чтобы облегчить борьбу с ересью «и упрочить дело святой Церкви». Арнольд принял дар, признал весь город, старую часть и предместья, истинно католическим, и епископ Изесский, его советник, благословил горожан. Легат даже обязался

подтверждать их ортодоксальность повсюду, где будут дурно отзываться о них. Но когда настал момент выплаты тысячи ливров, тулузцы, не сумев прийти к согласию, смогли выдать только половину этой суммы. Арнольд-Амальрик тотчас отлучил консулов и наложил на город интердикт. Возмущенные тулузцы сделали эту «циничную несправедливость» достоянием широкой общественности. Вновь начались переговоры между городом и представителями Святого Престола при посредничестве епископа Фулька. Жители согласились дать клятву, что в решении всех церковных дел они положатся «на правосудие и указания сеньора Папы». Взамен они получили от легатов «дозволение сохранить верность графу Тулузскому и остаться в его домене». Но Фульк обязал их выдать заложников — нескольких нотаблей, которых под сильной охраной препроводили к Симону де Монфору. По выполнении этого условия отлученные были прощены.

Казалось, мир установился окончательно в Тулузе, провозглашенной благомыслящим городом, бояться больше нечего. В 1211 г. она послала контингент ополченцев для участия в осаде Лавора совместно с солдатами Монфора. Но вскоре горожане убедились, что вожди крестового похода намерены под предлогом истребления ереси лишить Раймунда VI его владений. В письме, отправленном их магистратами Педро Арагонскому, говорится, что как-то раз, когда граф направлялся на переговоры с представителями Папы, находясь под их защитой, на него неожиданно напали солдаты Монфора и чуть не убили. Не было ли это покушением на его землю и его жизнь? Наконец сами горожане настолько почувствовали недоверие и угрозу, что отправили консулов потребовать объяснений.

Допущенные в общество баронов и легатов, где присутствовал епископ Фульк, тулузцы выразили удивление: мол, они узнали, что на них собираются напасть — на них, кто выполнил и намерен выполнять все свои обещания! «Мы дали легатам клятву; они с нами примирились; они приняли наших заложников. Что мы после этого сделали, что могло бы вас оскорбить или задеть интересы Церкви?» Ответ Фулька и Арнольда был вполне ясным. «Лично вас мы не можем упрекнуть ни в каком проступке, ни в каком преступлении, но вы признаёте графа Тулузского своим сеньором и допускаете его в свой город. Согласитесь его изгнать — его и всех его сторонников, перестаньте хранить ему верность и выйдите из его домена, признайте

сеньором того, кого вам назначит Церковь, и тогда воинство крестоносцев ничего вам не сделает. В случае отказа мы двинем против вас все наши силы; вы будете объявлены еретиками и пособниками ереси». «Мы, — ответили консулы, — связаны клятвой верности, которую дали графу. Сами легаты вместе с нашим епископом позволили нам признавать его сеньором. Если мы отложимся от него, мы будем виновны в измене».

Этот отказ был равносителен объявлению войны. Легаты приказали всем клирикам покинуть город, взяв с собой в знак разрыва освященные гостии. Тулуза вновь оказалась в опале у Церкви. Странно представители Иннокентия III выполняли его инструкции! Но они были здесь хозяевами, и армия подчинялась им.

* * *

Минерв, его замок и деревня в сорока километрах от моря, на горном склоне выше Нарбонна, занимали исключительно сильную, в некотором отношении даже господствующую позицию. Замок (от которого теперь остались только высокая башня и развалины внешней стены) возвышался на отвесной скале, которая доминировала над сильно суженными руслами двух рек, представляя собой гигантскую перегородку, испещренную гротами, поверхность которой под действием воды приобрела причудливый рельеф.

Именно здесь 24 июня 1210 г. встала лагерем армия крестоносцев. Симон был особо заинтересован в захвате этой крепости — одного из ключей к району Восточных Пиренеев. Но его подталкивали к этому и бюргеры Нарбонна, для которых ша-телен Минерва по традиции был врагом. Нарбоннский виконт Эмери вместе с городским ополчением примет участие в разрушении ненавистной крепости — еще один пример разобщенности южан перед лицом чужеземцев. Крестоносцы поставили и пустили в ход осадные машины, установили строгую блокаду; осажденные, оставшись без съестных припасов, пали духом, и 22 июля их сеньор Гильом де Минерв попросил о переговорах.

Во время этой встречи внезапно появились Арнольд-Амальрик и Федизий. «Тут же, — пишет монах из Сернея, — Симон де Монфор, человек осторожный и сообразительный, объявил, что прекращает переговоры. Поскольку аббат Сито — высший руководитель дела Христа, ему и надлежит определить условия капитуляции замка. Арнольду было это очень не по сердцу: он предпочел бы узреть гибель

врагов веры, но как монах и священник не осмелился приговорить их к смерти. Поэтому он принял такое решение: шателену, всем, кто находится в замке вместе с ним, и даже ката-рам-верующим будет сохранена жизнь, если они пожелают примириться с Церковью и подчиниться ее предписаниям. Что касается совершенных, которых там собралось много, то и они будут помилованы, если согласятся отречься от ереси».

Обходясь с еретиками подобным образом, легат лишь исполнял (без энтузиазма, уверяет хронист) приказ Рима. Но армию столь мирный исход не устраивал. Один из рыцарей-крестоносцев, «христианнейший» Робер Мовуазен, правая рука Симона де Монфора, вознегодовал, что катарам намерены дать ускользнуть. Разве крест был принят не для того, чтобы убивать еретиков? «Раз они боятся, — сказал он, — и раз они в нашей власти, пусть, чтобы мы их помиловали, обещают выполнить все, что мы потребуем!» Так что Мовуазен категорично заявил легату, что армия не примет условий, предложенных защитникам Минерва. «Успокойтесь, — ответил Арнольд-Амальрик, — тех, кто захочет обратиться, наверняка будет очень немного».

Статьи капитуляции были подписаны, и армия с пением «*Te Deum*», с крестом впереди колонны вступила в крепость. Вслед за распятием несли знамя Симона де Монфора. Все вошли в церковь, предварительно подвергшуюся процедурам очищения и примирения. На вершине донжона водрузили крест, знамя предводителя оказалось ниже. «Это Христос взял город. Было справедливо, чтобы его эмблема доминировала надо всем и привлекала все взоры как разительное свидетельство победы Церкви и истинной веры».

Однако Гвидо, аббат Во-де-Сернея, «человек, очень ревностный к делу Христову», сразу же вошел в один дом, где, как ему сообщили, находилось очень много катаров. Он начал им проповедовать, но с первых же слов еретики его прервали. «Не нужно нам проповеди, — воскликнули они в один голос, — мы не желаем вашей религии, мы не признаем римскую Церковь. Не трудитесь напрасно — ни жизнь, ни смерть не отторгнут нас от нашей веры». Не принятый здесь, аббат Сернея вступил в другой дом, где были одни женщины; он намеревался их обратить, но натолкнулся на еще более сильные упорство и твердость, нежели у мужчин.

Вскоре в Минерв прибыл и Симон де Монфор, когда большая часть его армии уже находилась здесь. В конце концов еретики собрались в одном здании; он пошел к ним. «Будучи человеком весьма благочестивым и желая, чтобы все были спасены и могли познать истину, он также склонял их принять веру Христову; но, ничего не добившись, выгнал их из замка. Совершенных было человек сто сорок или немногим более. Разожгли огромный костер, и бросили их в огонь. Не было даже нужды толкать их туда: закоснев во зле, все они поспешили войти в костер сами». Лишь трое совершенных отреклись и тем самым избежали казни. По завершении аутодафе верующие отступились от ереси.

Между тем комедия, которую разыгрывали дипломаты, продолжалась. Спровоцировав войну с Тулузой, в то время как Папа желал мира, теперь легаты должны были выполнить другую часть его инструкций — принять примирение Раймунда VI. Позволить графу оправдаться и, если он докажет свою невиновность, отпустить ему грехи предполагалось на Соборе в Сен-Жиле в сентябре 1210 г. Но получилось так, что обвиняемому не позволили изложить доказательства, и вместо прощения приготовились еще раз отлучить его.

Если верить официальному отчету легатов, вся ответственность за случившееся падала на графа. «Мы буквально следовали, — заверяют они, — инструкциям Папы. Через три месяца после их получения мы собрали ассамблею баронов и прелатов в Сен-Жиле. Но прежде всего мы передали графу, чтобы он изгнал из своей земли еретиков и рутьеров и выполнил каждое из обязательств, которые принял, — все статьи соглашения, некогда заключенного с легатом Милоном. Призванный после этого на Собор, граф на него явился; но собранию было совершенно очевидно, что он не выполнил ни одного из своих обещаний и не собирается их выполнять. Поэтому Собор единодушно решил, что пока его нельзя допускать к оправданию. Ибо можно ли поверить, что он скажет правду по двум самым тяжким пунктам обвинения, если он отказался дать удовлетворение Церкви и преступил клятву в отношении менее важных пунктов? Так что Собор официально предписал ему сначала изгнать еретиков и рутьеров и выполнить все прочие обязательства. Как только он подчинится, по первому его требованию будет дан ход предписаниям Папы, позволившего ему

оправдаться». «Но граф, — добавляют авторы отчета, — тут же покинул Собор и с тех пор не сделал ничего из того, что обещал».

Таким образом, легаты по своей инициативе обусловили оправдание графа выполнением всех частных мер, осуществить которые он когда-то давал клятву! А ведь Иннокентий III не ставил им такого условия в строгой форме. В инструкции, адресованной своим уполномоченным несколько месяцев тому назад, он только заявлял, «что велел графу, в ожидании Собора, окончательно дать Церкви требуемое удовлетворение». Именно эта случайная фраза, которой папа явно не придавал большого значения, стала для легатов сущностью папского послания. Они сделали вид, что истолковали ее как строгий запрет и приняли его за неукоснительное правило для дальнейших действий. Однако выдвигать какие-то аргументы на основе такого предположения: «Если Раймунд не сказал правды, когда клялся Церкви, что возместит ущерб согласно второстепенным жалобам, тем более он ее не скажет, оправдываясь по более тяжким обвинениям», — значило пользоваться извращенной логикой.

Если прием, к которому легаты прибегли, чтобы не исполнять папских приказов, можно понять из сравнения их отчета с текстом инструкций, то зачем они это изобрели, удивительно точно объясняет Петр из Во-де-Сернея, «*enfant terrible*» их партии. «Магистр Федизий, явившись в Тулузу, имел тайную встречу с аббатом Сито. Сей Федизий был человеком сообразительным, осторожным и весьма ревностным к делу Божьему. Он рьяно желал найти законный способ, чтобы не допустить графа доказывать свою невиновность. Ибо он ясно видел, что, ежели тому позволят оправдаться и он, прибегнув к хитрости или приведя лживые доводы, добьется своего, все дело Церкви в Лангедоке погибнет, католической религии в этой стране придет конец. Пока он мучительно размышлял об этом, Бог внезапно указал ему путь, каковым следует идти, чтобы помешать графу оправдаться».

Когда Раймунд VI увидел, что Собор отказывается выслушать его оправдания, он, имея типичный для средневековых людей чувствительный и импульсивный характер, испытал такой приступ отчаяния, что при всех разрыдался. «Следствие его природной злобности!» — восклицает монах из Серией. Федизий, убежденный, что эти слезы вызваны не благочестием и раскаянием, а зловредным мятежным духом и досадой, обратил к нему слова Писания: «Как бы

воды ни выходили из берегов, они не поднимутся до Бога». «Легаты выдвинули столько требований, — утверждает автор “Песни”, — что граф Раймунд наконец заявил: чтобы все их удовлетворить, не достанет всего его графства. Он вставил ногу в стремя, исполнен гнева и печали, и поскорее вернулся в свою страну».

Риму эти факты были изложены в такой форме, чтобы убедить Папу, будто граф сам не пожелал оправдываться. «Он не доказал своей невиновности», — писал позже Иннокентий Филиппу Августу, правда, добавив: «Мы не знаем, по своей вине или нет», — то есть Папа не был абсолютно убежден в правомерности действий легатов. Во всяком случае, почти сразу после сцены в Сен-Жиле он в декабре 1210 г. упрекнул Раймунда, что тот не сдержал обещания: ведь он продолжает терпеть у себя в государстве ересь. Тактика аббата Сито оказалась удачной. Продолжая грозить обвиняемому нависшей над тем анафемой, он поспешил выжать из этого успеха все возможное.

На новой конференции, открывшейся в Нарбонне в январе 1211 г., собрались все действующие лица: легаты, Монфор, граф Тулузский, граф Фуа и даже король Арагона. «Торопясь настоять на своем, здесь не оценили и красоты дикой розы», — сказано в «Песни». По словам же монаха из Сернея, по счастью, более обстоятельного, Арнольд-Амальрик вновь поставил Раймунду VI условие *sine qua non*^[55]. «Изгоните еретиков с земли, которая принадлежит вам лично, и тогда не только не тронут вашего домена, но оставят за вами все права на недвижимость еретиков, живущих в вашем графстве. Более того, вам передадут четверть или даже треть замков, которые будут конфискованы». «Граф, — пишет хронист, — упрямо отверг все милости, которые ему оказывали, и тем самым стал недостойн никакого прощения».

После этого по настоятельному требованию Педро II обратились к Раймунду-Рожеру, графу Фуа. «Пусть он поклянется повиниться Церкви и не сражаться с крестоносцами, особенно с Симоном де Монфором; последний вернет ему все, что он взял в графстве Фуа, кроме Памье». Граф де Фуа, в свою очередь, не пожелал подобного мира. Тогда вмешался лично король Арагона. Как сюзерен и покровитель Раймунда-Рожера он ясно видел, что тому не по силам такая война и он может потерять весь свой фьеф. Поэтому через голову вассала, которого хотел спасти, он заключил с легатами соглашение,

которым гарантировал католической армии нейтралитет графства Фуа. Замок Фуа займут арагонские войска, и если граф обратит оружие против вождей крестового похода, эта крепость будет передана им.

Изменение позиции Педро II стало успехом партии Монфора. Спеша этим воспользоваться, тот потребовал от Арагонца наконец принять у него оммаж за виконтство Каркассон. Если власть завоевателя там уже столь упрочилась, можно ли было по-прежнему не признавать ее? Педро несомненно полагал, что сдерживать Монфора, когда тот станет его вассалом, будет проще и для того, чтобы пожар не охватил весь Юг, чем-то придется пожертвовать. Расчет был ошибочным — но пойти таким путем его вынудил Иннокентий III. Итак, он принял оммаж от нового виконта и обещал, что его сын, принц Хайме, совсем еще мальчик, женится на дочери Симона де Монфора. В своих уступках он зашел так далеко, что отдал этого ребенка под охрану, то есть в заложники, военному вождю крестоносцев. Средневековые обычаи допускали такое следствие брачных контрактов между двумя сеньорами. Но в данном случае оставлять наследника арагонской короны в руках этого чужеземца было опасно. Чтобы доказать, что он не покинул Раймунда VI, Педро II, к великому возмущению крестоносцев, через некоторое время выдал свою дочь Санчу за одного из сыновей Тулузца.

Между тем с Раймундом VI надо было кончать, и наносить последний удар. На Соборе в Монпелье, куда его одновременно с арагонским королем пригласили 22 января 1211 г., легаты предъявили ему в ультимативной форме длинный ряд требований: «Он распустит свои банды рутьеров. Он даст Церкви удовлетворение во всем, в чем обещал. Он изгонит еретиков и их пособников из всех своих доменов и в течение года выдаст тех, кого ему будут указывать легаты и Монфор, в полное распоряжение последних. Он снесет все замки на своей земле, а рыцари его фьефа более не будут иметь права жить в городах. Когда крестоносцы будут проходить землями его тулузских подданных, они там будут пользоваться неограниченным правом постоя. Выполнив все эти статьи договора, сам граф отправится в Иерусалим служить в рядах тамплиеров или госпитальеров на тот срок, на каковой легаты сочтут нужным продлить его покаяние, после чего ему вернут его замки. Если он не примет этих условий, его изгонят из всего его домена, так что у него ничего не останется».

Тем самым Церковь требовала от графа Тулузского даже не повиноваться, а связать себя по рукам и ногам. Мог ли он подчиниться этому ультиматуму? В соответствующей сцене, описанной в «Песни», аббат Сито передает в руки Раймунда акт об отрешении того от власти. «Граф дал знак своему клирику прочесть его и, услышав его, обратился, негодуя и насмехаясь, к королю Арагонскому: “Подойдите, сеньор король, — сказал он ему, — послушайте эту грамоту и странный приказ, что выдали мне легаты“. Король Арагонский велел прочесть это ему во второй раз; по завершении чтения он спокойно сказал: “Вот кто нуждается в исправлении, клянусь Отцом Небесным!” Тогда граф, даже не попрощавшись с легатами, с грамотой в руке, не ответив на нее ни слова, уехал в Тулузу, скача во весь опор, потом в Монтобан, в Муассак, и Ажен. Повсюду он велел читать ее рыцарям, горожанам и клирикам, служившим мессу. Люди тулузской земли, услышав грамоту, заявляли, что пусть лучше их всех убьют или возьмут в плен, чем терпеть такой позор и согласиться, чтобы их сделали сервами и вилланами. И граф, выслушав их, выразил им большую благодарность, велел запечатать письма с призывами о помощи и разослал их всем своим друзьям».

После внезапного отъезда Раймунда VI легаты отлучили его. Они вынудили его отказаться от его двусмысленной позиции и открыто порвать с католиками. Крест торжествовал.

Сцена в Монпелье имела решающее значение. Иннокентий III, обманутый сторонниками беспощадных действий и подпавший под их влияние, как будто согласился на все крайние последствия политики легатов. В апреле 1211 г. он утвердил отлучение. Архиепископам Юга было приказано провести его в жизнь, а легатам — строго карать города и знать Прованса, которые не будут в точности исполнять предписания Церкви. Римская курия сама начала заботиться, чтобы крестовый поход приносил ей материальные выгоды. Корреспонденция Папы с декабря 1210 по сентябрь 1212 г. показывает, как в завоеванных землях была организована их налоговая эксплуатация на благо его казны.

Симон де Монфор обязался выплачивать ему за счет жителей своего нового домена налог в три денье с очага. Иннокентий просил его обязательно собирать эту сумму и заботливо складывать выручку, чтобы передавать его уполномоченным. В 1212 г. он направил в Лангедок иподиакона курии, своего секретаря Пьетро Марка, поручив

ему проведение финансовых операций. Банкиры Симона де Монфора, кагорские купцы Раймон и Эли из Сованьяка, должны были выдать деньги представителю Папы, чтобы тот через посредничество тамплиеров Юга переправил их брату Эмару, казначею парижского Тампля^[56]. Орден тамплиеров в то время был международным банком, клиентами которого были князья и короли; Иннокентий III, как и Филипп Август, имел там текущий счет. Туда надлежало положить и сумму в тысячу марок, которую Симон ранее пообещал Святому Престолу и о которой Папа отнюдь не забыл.

Вслед за деньгами — земля. Граф Тулузский, будучи свергнут, более не имел никаких прав претендовать на графство Мельгей; Иннокентий аннексировал эту сеньорию в пользу домена св. Петра, и легаты завладели ею. Жители графства, довольные, что избавились от Раймунда, находившегося слишком близко, и попали под власть Папы, пребывавшего далеко, единодушно одобрили эту смену суверена. Они даже умоляли Папу держать их непосредственно под своей рукой и не передавать ни под чью другую юрисдикцию. Иннокентий поблагодарил их за изъявление преданности Апостолическому Престолу и пообещал лично печься об их интересах, что не помешало ему почти сразу же передать графство Мельгей в аренду епископу Магелоннскому. Вот тебе и заявление, сделанное им некогда: «Неприлично, чтобы Церковь обогащалась путем грабежа чужих владений». Какое-то время посопротивлявшись, Иннокентий III докатился до того, что стал получать свою часть барышей от Священной войны. Часть, правда, минимальную, но это стало явным признаком того, что Лангедок включили в огромный светский домен папства. Здесь, как и во многих других местах Европы, глава всех христиан намерен был править не только душами, но и телами и совмещать обе власти.

Его уже беспокоили личные амбиции Симона де Монфора. Одна фраза из его письма Филиппу Августу от августа 1212 г. выявляет такой любопытный факт: он предписал своим легатам немедленно принять во владение всю землю, отнятую у графа Тулузского, и хранить ее, чтобы позже передать *кому следует*. Таким образом, он не собирался жаловать ею вождя крестоносцев. Тем не менее тот двигался дальше. Отказ Папы от покровительства Раймунду VI, наложенная на того анафема, наконец, обретение всей ортодоксальной партией единства дали крестоносцам мощный импульс. В 1211 г. проповедники снова подняли

всю Францию: под знамя Монфора стали стекаться многочисленные рыцарские отряды. Вскоре стало известно, что в лагерь противника перешел родной брат графа Тулузского, Балдуин. Используя эту новую полосу удачи, Монфор быстро занимал города и крепости: в его руки попали Терм и Кабаре — две неприступные твердыни, а потом и Лавор — один из старейших очагов ереси.

Несмотря ни на что, Раймунд VI, которого отлучили и вынудили начать войну, не спешил проявлять враждебность по отношению к крестоносцам. Еще дважды он пытался завязать переговоры, обещал легатам подчинение, рискуя нарваться на унижительный отказ. Наконец поняв, что ему ничего не остается, кроме как сражаться, он решил проявить некоторую активность. Другие бароны Лангедока так долго не выжидали. Так, Раймунд-Рожер, граф Фуа, уже успел под Монгеем, в местности Бари, внезапно напасть на шеститысячный отряд немецких крестоносцев и уничтожить его. Граф Комменжа и виконт Беарнский, убежденные, что их судьба тесно связана с судьбой их тулузского сюзерена и что его падение повлечет за собой и их гибель, послали ему своих воинов. Если бы к ним мог примкнуть король Арагона, то этот союз князей Юга, хоть и запоздалый, возможно, и сумел бы преградить дорогу захватчику. Но именно в этот критический момент Педро II покинул Лангедок, отправившись в глубь Испании для сражений с сарацинами.

Тем не менее Раймунд VI начал враждебные действия. В конечном счете большим преимуществом для него стало то обстоятельство, что он оказался единственным хозяином Тулузы: как раз в то время, когда крестоносцы осаждали Лавор, Фульку пришлось покинуть город. Началось с того, что епископ, не желая, чтобы граф его стеснял, предложил тому удалиться — дескать, присутствие отлученного мешает ему проводить службы и исполнять обязанности, связанные с его саном. Разъяренный граф направил ему приказ самому как можно скорей убраться из города. «Епископом сделал меня не ваш государь, — ответил Фульк гонцу Раймунда, — я занимаю свое место не по его милости и не ради него. Я был избран согласно канону, а не благодаря вмешательству князя. Так что я не уйду, подчинившись его прихоти. Пусть он приходит, этот тиран, со своими солдатами — он найдет меня одиноким и безоружным». Епископ ждал этого более месяца. «Граф, — пишет монах из Сернея, не осмелился его убить, потому что боялся за

свою шкуру». В конце концов Фульк уехал к крестоносцам, с которыми больше не расставался.

Ситуация стала более определенной: Раймунд смог энергично защитить город против первого натиска Монфора и его рыцарей. Чтобы усугубить блокаду, паломники вырубали деревья, виноградники, уничтожали посевные культуры вокруг города, убивали мужчин и женщин, работающих на полях, грабили и жгли виллы и фермы. Горожане стойко выдерживали тяготы блокады; однажды они даже сделали вылазку в лагерь крестоносцев, захватив богатую добычу. Через три недели бесплодных усилий 29 июня 1211 г. осада была снята. Французы удовлетворились тем, что захватили Кагор. Но граф Тулузский, осмелев, в свою очередь перешел в наступление и пошел на Кастельнодари. В сентябре под стенами этого города разыгрался решительный бой между графом Фуа и отрядом рыцарей, прибывших из Франции. Раймунд-Рожер, бывший как герой, поначалу брал верх, но после был отброшен и едва не попал в окружение; вылазка Монфора в момент бегства противника закрепила успех крестоносцев.

После этого начался форменный разгром. Благодаря подходу новых подкреплений крестоносцы захватили замок Пенн и вторглись в Ажене. Рутьеры и тулузские бюргеры, составлявшие гарнизон, который защищал Муассак, перекинули крестоносцам через стену голову захваченного в плен племянника архиепископа Реймского. Но в сентябре 1212 г. жители города, не отличавшиеся такой храбростью, как тулузцы, объявили о капитуляции и напали на своих защитников. Свои ворота врагам открыли Кастельсарразен, Мюре, Верден, Сен-Годан. Граф Комменжа и виконт Беарнский подверглись отлучению; их, равно как и графа Фуа, угрожали изгнать из их гор. Вскоре у Раймунда VI из всего фьефа осталось всего два города — Тулуза и Монтобан.

Каждый шаг вперед армии вторжения был отмечен побоищем. После взятия Лавора в мае 1211 г. сеньор Монреалья Амальрик и двадцать четыре рыцаря были повешены, но плохо вкопанные виселицы повалились. Симон, торопясь покончить с этим делом, приказал: пусть тем, кого не удалось повесить, просто перережут горло. В мгновение ока паломники произвели эту бойню. Жироду, владелицу Лавора, милосердную старую женщину, бросили в колодец и потом его засыпали. Рассказ об этих зверствах монах из Сернея завершает словами: «С величайшей радостью наши паломники также сожгли

большое количество еретиков». Когда удавалось захватить совершенных, веселья было вдвое больше. Большую их группу нашли в Ле-Кассе, близ Кастьельнодари. Епископы, вошедшие в замок, пожелали прочесть им проповедь и вырвать из когтей заблуждения; но им не удалось обратить ни одного, и они отступились. После их ухода крестоносцы «с превеликой радостью» расправились с шестьюдесятью из этих неверных.

В массе своей паломники были людьми убежденными и бескорыстными. Многие простые рыцари, исполнив обет, возвращались домой такими же бедными, какими приехали; они искали прежде всего духовных приобретений и верили, что, убивая, совершают богоугодное дело. Они рушили замки и разводили костры с пением «*Veni, Creator spiritus*»^[57]. Да и как захватчикам было не верить, что Бог на их стороне? Ведь повсюду творились чудеса.

Когда собрались переносить тело мученика Петра де Кастьельно, оно было найдено столь целым и невредимым, словно погребли его в тот же день, и далеко распространяло нежный аромат. Ради блага крестоносцев множились съестные припасы: в стране, где не осталось ни одной мельницы, пятьдесят тысяч человек имели вдоволь хлеба. Как-то раз по приказу Монфора к столбу, чтобы сжечь, привязали двоих еретиков: альбигойского совершенного и одного из его учеников, бедняка, который в ужасе объявил, что отрекается от ереси и желает вернуться в лоно Церкви. Монфор распорядился, чтобы его все равно сожгли. «Если он обратился искренне, — сказал он, — он искупит свои грехи в пламени, которое очищает все. Если он неискренен, казнь будет ему достойным возмездием за коварство». Зажгли огонь. Совершенный сгорел вмиг, а у того, кто отрекся, лопнули путы, и он вышел из костра со следами ожогов лишь на кончиках пальцев.

Стрелы, попадая крестоносцам прямо в грудь, не наносили ран. Когда один из их отрядов осадил вражеский замок, родники, прежде скудные, обильно наполнились водой, а после их ухода она опустилась на прежний уровень. Позже на свежепобеленных стенах одной тулузской церкви католики видели множество светящихся крестов. На трупы крестоносцев, убитых в засаде, засияв, опустился огненный столп; потом все тела обнаружили лежащими на спине, с руками, раскинутыми крестом. Монах из Сернея полностью принимает на веру

все эти чудеса потому, что за их достоверность ему поручились как очевидцы папский легат и епископ Тулузский.

Вызывают восхищение проявленные в ходе этой войны выдержка и энергия Симона де Монфора: никогда еще победитель не был более достоин своего успеха. Чтобы тревожить врага, не давая ему ни минуты покоя, находиться повсюду одновременно, носиться зимой и летом из одного конца Лангедока в другой, из города в город, из замка в замок, выдерживать штурмы и осады, постоянно переходя после них в наступление, этот мелкий барон должен был обладать просто сверхчеловеческой энергией. А сколько раз он проявлял личную храбрость! Подступив к замку Фуа, он напал на солдат, охранявших ворота, всего с одним рыцарем — так он рвался в бой. А как он вел себя позже, при взятии Мюре! Переправившись через Гаронну вплавь со множеством рыцарей, он занял замок. Но тут обнаружилось, что пехотинцы и менее крепкие солдаты остались на том берегу, опасаясь пересекать реку, вздувшуюся от паводка. Он вызвал своего маршала и заявил ему: «Я отправляюсь за остальной армией». — «О чем вы, сеньор? — спросил тот. — Наши лучшие войска в крепости. За рекой осталась только пехота. Вода стоит так высоко и течение столь сильное, что переправиться невозможно; к тому же внезапно могут появиться тулузцы и убить вас — вас и ваших людей». — «Дурной совет! — ответил Симон. — Неужели я буду жить в безопасности в этом укреплении, когда бедняки Христовы беззащитны перед ножом врага! Я иду и вернусь с ними». Он снова пересек реку с четырьмя или пятью рыцарями и несколько дней оставался на том берегу, прикрывая пехоту, пока не навели мост, создав возможность для перехода. Во время осады Каркассона один крестоносец лежал на дне рва с перебитой ногой под градом камней, которые метали защитники города.

Симон, взяв с собой всего одного оруженосца и раз двадцать рискнув жизнью, спустился в ров, вынес несчастного и тем спас от верной смерти.

А в каких плачевных условиях он вел кампанию! Не раз крестоносцы, отвоевавшие свои сорок дней, покидали его во время осады или начавшейся экспедиции. Почти всегда он бился с превосходящими силами врага. Бесплезно было умолять баронов и даже бросаться в ноги к ним, чтобы уговорить остаться еще на некоторое время: у этих паломников была лишь одна забота — получив

отпущение грехов, вернуться домой. Даже не все были столь добросовестны, чтобы дождаться окончания своих сорока дней, и легаты были вынуждены им напоминать, что грехи отпускаются лишь отслужившим полный срок. Почти так же, как и людей, Монфору недоставало денег. «Нередко он так нуждался, — пишет монах из Сернея, — что не имел никакой еды, даже куска хлеба. Во время трапезы он не решался возвращаться к себе в палатку и спешно уходил на прогулку, чтобы не краснеть за свою нищету».

Он вызвал из Франции свою жену — Алису де Монморанси, которая стала делить с ним опасности и тяготы похода. Эта героиня во время переездов сажала на круп лошади, у себя за спиной, увечных паломников, водила отряды к своему мужу, командовала крепостями от его имени, руководила осадами и стойко выдерживала атаки. Ее доблестный дух не могли сломить и самые критические ситуации. Однажды она оказалась в одиночестве отрезанной в Лаворе: Симон воевал далеко, ее старший сын Амори лежал больной в Фанжо, дочь с грудным младенцем находилась в Монреале — не было никакой возможности связаться со своими!

Эта необыкновенная семья черпала силы в своей истовой вере. Когда однажды в воскресенье Монфор, выслушав мессу и причастившись, отправлялся на бой в Кастельнодари, один монах-цистерцианец счел нужным сказать ему несколько ободряющих слов. «Вы думаете, я боюсь? — спросил Монфор. — Это же дело Христа; за меня молится вся Церковь — я знаю, что мы не можем проиграть». Подобная уверенность придает непобедимость и способна повлечь за собой даже чудеса. Во время осады Терма вождь крестоносцев беседовал с одним из своих рыцарей, положив руку ему на плечо. На них упал огромный камень и разбил рыцарю голову, Монфор же, обнимавший его, ничуть не пострадал. Другой раз, когда он присутствовал на службе, прилетевшая стрела наповал сразила сержанта^[58], стоявшего у него прямо за спиной.

Пока он, хранимый Богом и неуязвимый, одерживал победы на полях сражений, его сторонники в ходе второго цикла завоеваний продолжали захватывать епископства.

Архиепископ Ошский был смещен, епископ Родезский заменен. Епископ Каркассонский вопреки своему желанию снял с себя сан, уступив место Гвидо, аббату Во-де-Сернея. Магистр Федизий

тоже добился воздаяния в этой жизни, получив епископство Агдское. Наконец, верховный руководитель всего предприятия, аббат Сито Арнольд-Амальрик, 12 марта 1212 г. водворился в архиепископстве Нарбоннском. К полномочиям, которые ему давал пост легата, он добавил власть первого епископа Южной Франции: этот враг еретиков трудился не только на благо веры. Будучи монахом, он оставил свою обитель, чтобы стать крупным феодальным собственником и высшим руководителем церкви Лангедока. Но он не удовольствовался и саном архиепископа. С первых дней вступления в эту должность он велел приносить себе оммаж как герцогу Нарбоннскому. Этот сеньориальный титул принадлежал только Тулузскому дому, но был также отнят у Раймунда VI, и Арнольд его присвоил, не посоветовавшись с Монфором, тоже претендовавшим на него.

Местные прелаты, которых не лишили владений в пользу чужеземцев, легко смирились со свершившимися фактами — ведь захватчики постарались щедро наделить их правами и доходами, отнятыми у графа Тулузского. 20 июня 1211 г. Гильом, епископ Кагорский, которому Монфор пожаловал в качестве фьефа бывшие владения Раймунда VI и его епархии, принес ему клятву верности. 14 сентября 1212 г. Раймунд, аббат Муассака, разделив с вождем крестоносцев то, чем граф владел в Муассаке, заявил в официальной грамоте, «что Бог по справедливости наделил Симона де Монфора доменами его противника». Это была богатая добыча как для клириков, прибывших из Франции, так и для тех церковнослужителей Юга, которые выиграли от смены суверена.

Суверен! Сеньор Монфора был таковым еще не в полной мере: он не отобрал у графа Тулузского его титул, но это было единственное, чего ему недоставало, и легаты уже требовали этот титул для него. В середине 1212 г. они ходатайствовали перед Римом, чтобы огромная сеньория Лангедок была официально передана тому, кто ей фактически владеет. Впрочем, Симон вел себя как человек, которому принадлежит будущее. Еще не завершив завоеваний, он уже издавал законы для новых подданных и определял, какими правилами будет руководствоваться при управлении.

На большой ассамблее в Памье в декабре 1212 г., куда он созвал знать, клириков и бюргеров своей страны, как король Франции веком позже созовет Генеральные штаты, этот выскочка с безупречным

мастерством совершил акт высокой политики. Он сформировал комиссию для составления статуты, включив в нее и южан, что позволило ему выглядеть либералом в глазах побежденных. Он обязал их руководствоваться парижскими кутюмами^[59], обычаями Севера, навязал полное подчинение мирян Церкви, тем не менее все пункты этих статуты выглядели результатом свободного волеизъявления. Горожанам он представил себя спасителем, который явился водворить порядок, централизацию и мир на место феодальной анархии, от которой бывшие графы Тулузские никогда не могли их предохранить полностью. Церкви набожный крестоносец отвалил столь крупный кусок — домены, деньги, освобождение от податей, верховенство во всем, — что возникла власть священников. Наконец, он щедро наделил гарантиями и льготами тех северных французов и иностранных рыцарей, которые участвовали в походе вместе с ним. Он не только захватил землю — он сразу же устроился здесь так, чтобы приобрести расположение местных жителей и стать непобедимым.

Инициаторы альбигойского похода рассчитывали не на такие его результаты. Его целью оказались не проповедь, не обращение неверных, не наказание еретиков, а нечто совсем другое! Лангедок стал жирным куском для удовлетворения необузданных appetитов. Здесь хотели насадить, вместе с новой династией и иноземным господством, нетерпимый католицизм и нравы северных французов. Для того ли Иннокентий III призывал к священной войне, разжигал религиозный энтузиазм и будоражил христианский мир, чтобы заменить Раймунда VI Симоном де Монфором?

Крестовый поход ушел не в ту сторону.

ГЛАВА V

ПОПЫТКИ РЕАКЦИИ

Вмешательство короля Педро II. — Соглашение между Папой и Арагонцем о прекращении крестового похода. — Легаты снова дезавуированы. — Решение Папы и лангедокский референдум. — Лаворский Собор. — Защитительная речь Педро II и ответ легата. — Нажим со стороны партии непримиримых; Иннокентий III делает резкий поворот в своей политике. — Битва при Мюре и ее непосредственные последствия. — Папа вновь резко меняет курс: миссия легата Петра Беневентского. — Паломничество принца Людовика Французского. — Соперничество в Нарбонне между Симоном де Монфором и Арнольдом-Амальриком. — Дебаты на Латеранском Соборе. — Развязка альбигойской драмы.

Как только тот факт, что дело Божье приняло мирской оборот, начал вызывать сожаление, возникли и проявления реакции на него. Так, умеренные считали, что пролито уже достаточно крови и захвачено достаточно земли. Филипп Август выражал недовольство тем, что французской провинцией — его фьефом — распорядились без его ведома. Он напомнил Папе, что решать судьбу столь обширного баронства в случае его конфискации вправе только суверен всей Франции. Иннокентию пришлось его успокаивать, уверяя, что легаты получили «специальные наставления блюсти честь и интересы королевской власти». Но даже католики Юга находили бремя оккупации слишком тяжелым

Первым тревожным симптомом для вождей крестового похода стал нарбоннский мятеж, «преступление нарбоннцев», как назвал его монах из Сернея, дав волю своему негодованию. Враждебно относясь к этому космополитическому городу, где, словно бросая вызов церквам, возвышались синагоги и мечети, он считал жителей Нарбонна «негодными людишками», *homines pessimi*. «По сути, — пишет он, — они никогда не любили Христового дела». Что же произошло?

Однажды в Нарбонн прибыли брат Симона, Ги де Монфор, и сын завоевателя, Амори. Последний, еще совсем мальчик, из любопытства захотел побывать во дворце виконта Эмери, постройке очень старой и почти необитаемой. Когда он попытался открыть окно, трухлявые ставни подались под его рукой и выпали. Испуганный Амори быстро вернулся в резиденцию тамплиеров, где он остановился. В это время его дядя Ги находился в резиденции архиепископа — внушительном здании, огромный квадратный донжон которого с башенками по углам и по сей день возвышается над городом. Внезапно началась суматоха, собрались люди, пошел слух, будто сын Симона де Монфора попытался вломиться в жилище виконта и посягнуть на коммунальные вольности. Вооруженные горожане уже готовились вторгнуться в Тампль; Амори спрятался в одной из башен, и ее осадили. Другие нарбоннцы стали убивать французов, которые попадались им на улице; так погибли два оруженосца Монфора. Ги не решался покинуть архиепископский дворец. Но один из горожан пристыдил сограждан, что они лютуют против ребенка, волнения стихли, и сын Симона смог целым и невредимым вернуться к отцу. Однако этот инцидент показывает, что крупные коммуны Юга с трудом терпели захватчиков и что существовала национальная ненависть.

Можно догадаться, какие чувства в то время испытывали жители городов, которые, как Тулуза, пока что избежали власти оккупантов. Именно тогда, в 1212 г., тулузцы направили королю Педро II длинное описание своих горестей и призвали его на помощь. Они умоляли его поверить их свидетельству и не прислушиваться к клевете их противников. Они готовы удовлетворить Церковь во всех ее законных требованиях. То, что уже сделано против графа Раймунда и его столицы, и то, что еще собираются сделать, представляет прямую угрозу другим государям и городам Лангедока: их всех ждет та же или гораздо худшая судьба. Призыв тулузцев, этих сыновей Рима цезарей, заканчивался реминисценцией из классики: «*Nam tua res agitur, parles cum proximus ardet*»^[60]. Единственным шансом на спасение для партии сторонников независимости было ходатайство Арагонца перед Папой, перед легатами, а при неудачном его исходе — объявление войны крестоносцам. Поэтому сам Раймунд VI отправился в Арагон.

До сих пор суверен Барселоны и Сарагосы оказывал легатам и Монфору сопротивление опосредованное, робкое, вялое. Как для него

самого, так и для исхода всего крестоносного дела ничто не было червато более тяжкими последствиями, чем его решительный выход на сцену, где разыгрывалась альбигойская драма. Могло показаться странным, что государь *par excellence* римский и католический, заклятый противник испанских сарацин, человек, только что спасший христианский мир (по крайней мере, так считал весь Запад) при Лас-Навас-де Толоса, вдруг стал пособником еретиков и защитником отлученных. И ведь как настойчиво «Хроника графов Барселонских» пытается оправдать Педро II по этому деликатному пункту обвинения! Она дважды утверждает, что он решился зайти так далеко, только повинувшись Папе и чтобы его сестру и дочь (жену и невестку графа Тулузского^[61]) крестоносцы не лишили наследства. «Это была его единственная побудительная причина, других не было; меньше всего на свете он хотел бы идти на помощь неверным или врагам религии, ибо это был католик ревностный и безупречный перед Богом». Хронист забывает о политических целях короля Арагонского в Лангедоке и в Провансе^[62]. По родственным, дружеским и культурным связям Педро был естественным защитником национальной независимости Юга. Мог ли он без конца терпеть, чтобы чужеземец (а в средние века «чужеземец» значило «враг») лишал его надежд и прав?

Итак, Педро II направился в Тулузу, отданную Раймундом VI под его защиту. Он сам назначил ей наместника, несомненно полагая, что подчинение великого города власти католического короля заставит крестоносцев считаться с его ставленником. Потом, поскольку в первую очередь следовало снестись с Папой и суметь использовать его в борьбе с легатами, он направил в Рим большое посольство с точными инструкциями. В курии между его делегатами и агентами Симона де Монфора завязалась ожесточенная борьба. Но Араговец выбрал удачный момент. Иннокентий III был в долгу перед победителем Альморавидов^[63], к тому же и убеждения, и политический расчет побуждали его теперь оказать покровительство реакции.

В конце лета 1212 г. Арнольд-Амальрик и епископ Юзесский получили из Рима письмо, рекомендующее приостановить всякую борьбу с альбигойцами. В тот самый момент, когда враги Раймунда VI уже думали, что достигли цели и ухватили добычу, их вынуждали отступить.

«Граф Тулузский, — писал Папа, — погрешил против Бога и Церкви. Он ослушался наших легатов. Он был отлучен и лишен прав, дабы строгость наказания побудила его одуматься. Тем самым он уже утратил большую часть своей земли. Однако он пока не был уличен ни в ереси, ни в соучастии в убийстве Петра де Кастельно: против него существуют лишь тяжкие подозрения. Вот почему мы ранее повелели: если его обвинят по закону, пусть ему будет позволено оправдаться в форме, предписанной нашими инструкциями, и право вынести окончательный приговор мы оставляли за собой. Однако наши уполномоченные до сих пор не допустили этого оправдания. Таким образом, мы не видим, на каком основании мы бы могли передать его фьеф другому лицу. Если выяснится, что судопроизводство по этому делу не соответствовало тому, что предписывали наши повеления, то всякий приговор, вынесенный ему в такой ситуации, следует, без малейшего сомнения, считать недействительным».

Иначе говоря, процедуры, устроенные легатами в Сен-Жиле, в Нарбонне, в Монпелье, не имели законной силы. Впрочем, Иннокентий приводит и другое соображение: «Нам бы очень не хотелось создавать впечатление, будто мы хитростью отторгли у графа Раймунда замки, переданные под нашу руку как гарантия его обещаний. Апостол велит нам избегать зла и даже видимости зла».

Папа осуждал не только легатов: в его аргументации промелькнуло слово, опасное для сторонников Монфора. Не удовлетворившись заявлением, что графа нельзя лишать фьефа, пока не вынесен законный приговор, Иннокентий добавил, что это касается *и его наследников*^[64]. Иными словами, лишение прав имело персональный характер: можно покарать графа, но зачем всю династию лишать её достоинства? Ничто не мешало оставить замки и феодальный титул, которыми владел Раймунд VI, для юного Раймунда VII. Итак, Папа уведомил Арнольда-Амальрика и его советника, «что пока нет оснований для удовлетворения их просьбы о передаче домена графа Тулузского другому лицу». Симон де Монфор мог подождать.

Папское письмо заканчивалось четкими распоряжениями. С оправданием графа надо окончательно разобраться: провести эту процедуру в формах, предписанных папской инструкцией, надлежит епископу Рье и магистру Федизию. Если получится так, что граф по своей вине не оправдается, им следует публично заявить ему, что

Святой Престол в интересах мира и религии примет соответствующие меры. Но Иннокентий выражал пожелание, чтобы отныне легаты писали ему *всю правду и ничего, кроме правды*. В письме, адресованном лично епископу Рье и Федизию, он добавил — чтобы они не думали, что одурачили его, — такой неприятный постскрипtum: «Действуйте так, чтобы далее при исполнении моих приказов не выказывать вялость и медлительность, каковые, как сообщили нам, были вам доселе присущи».

Тем временем послы короля Арагона, прибыв в Рим, нашли курию столь благосклонной, что им не составило труда выполнить свое поручение. Не допустить, чтобы Симон де Монфор стал сувереном и владельцем тулузского фьефа, предотвратить полное разорение баронов Юга, остановить наплыв захватчиков с Севера — такой была тройная основа соглашения, заключенного между Иннокентием III и Педро II.

15 января 1213 г. Папа передал военному вождю крестоносцев первое повеление, ставшее для того предвестием неприятностей. Монфору напоминали о законах и о необходимости точно соблюдать вассальный долг: «Когда по нашим настояниям прославленный король Арагонский уступил тебе в фьеф виконтство Безье и Каркассон, ты сам с готовностью вызвался исполнять все обязанности, которые обычно имеют виконты перед своими сеньорами. Мы в самом деле намеревались обязать королевского вассала, кем бы он ни был, соблюдать феодальный договор. Следовательно, ты не должен уклоняться от обязанностей, которые налагает на тебя эта сеньориальная зависимость. Приняв во владение фьеф, ты изначально согласился выполнять обязательства, которые предполагает владение таковым. Сим апостольским посланием мы настаиваем, чтобы ты служил королю Арагонскому так же, как это делали твои предшественники. Конечно, мы тебя очень любим во Христе, но мы не должны и не желаем покровительствовать тебе в ущерб королю, твоему сюзерену».

В тот же день Иннокентий III отправил другому руководителю священной войны, архиепископу Нарбоннскому, приказ, который должен был чрезвычайно удивить и возмутить всю партию сторонников войны до победного конца. Крестовый поход против альбигойцев объявлялся законченным! Легату следовало прекратить его проповедь и перейти к исполнению других обязанностей! «В Лангедоке вертоград

Господень губили лисы; теперь их изловили. По милости Бога и благодаря военным действиям защита дела веры в этой стране завершена весьма успешно^[65]. Сегодня следует предотвратить более грозную опасность, и именно на это верующие народы отныне должны направить всё свое усердие. Мы узнали, что испанские сарацины вновь готовятся к войне, чтобы отомстить за весьма тяжелое поражение, которое только что нанесли им христиане и сам Христос. С другой стороны, Святая земля — это наследие Господне, которое так нуждается в поддержке, также с нетерпением взывает ко всему христианскому миру о помощи. Даже наши интересы побуждают нас не расплющить свои средства и силы. Мы тем успешнее сможем бороться с коварством сарацинского народа, чем меньше будем поглощены другими заботами. Соответственно мы обязываем тебя, брат наш, договориться с нашим дражайшим сыном во Христе, прославленным королем Арагонским, а также с графами, баронами и прочими разумными людьми, чья помощь тебе представится необходимой, чтобы определить условия перемирия и мира. Приложи усердие, чтобы примирить весь Лангедок; перестань призывать христианский народ к войне против ереси и не трудись более проповедовать отпущение грехов, которое в свое время Апостолический Престол обещал за борьбу с ней».

Если бы можно было иметь какое-то сомнение в намерениях Папы, то двух новых булл, подписанных в Латеране 17 и 18 января, было вполне достаточно, чтобы его развеять. Он приказывал Монфору и легатам как можно скорее завершать альбигойский поход и прекращать завоевания. Сделав сначала вид, что воспроизводит жалобы посланников короля Педро II на Симона де Монфора, Иннокентий III далее излагает их уже от своего имени. Он обвиняет этого честолюбца в том, что под предлогом спасения веры тот старался только для себя: «По словам гонцов прославленного Педро, короля Арагонского, ты обратил оружие, предназначенное исключительно для борьбы с ересью, против католиков. Крестоносное воинство ты использовал с тем, чтобы проливать кровь праведных и обижать невинных. Ты захватил в ущерб королю земли его вассалов, графа Комменжа и виконта Гастона Беарнского. А ведь еретиков в их доменах нет: никогда жители этих фьефов не давали оснований для столь гнусного подозрения. Требуя от людей этих территорий клятвы в верности и принимая таковую от них,

ты неявно сам признал, что они были католиками. Ибо, если бы они таковыми не были, ты, объявив себя их законным владельцем и не изгнав их со своих земель, тут же сам оказался бы пособником ереси. Кроме того, король Арагонский сетует, что в то время, когда он сражался с сарацинами и проливал кровь за дело Божье, ты захватывал домены его вассалов и тем более рьяно угнетал их, что там не было его, чтобы за них вступиться. Сегодня король готовится выступить в новый поход в Испании; но он сможет это сделать лишь в случае, если не подвергнутся нападению его земли. Потому он просит, чтобы Апостолический Престол заставил вернуть ему вассальные домены, несправедливо отнятые у него. Мы не желаем, чтобы его ущемляли в правах и мешали ему осуществлять его замысел. Посему мы призываем тебя, благородный муж, возвратить эти земли королю Арагонскому и его вассалам. Незаконно удерживая то, что принадлежит им, ты создаешь впечатление, что служил своим личным интересам, а не общему делу Церкви и религии».

Симон де Монфор должен вернуть то, что захватил! Его военные действия объявлены незаконными! В лице командующего войском Иннокентий III выносил приговор всем крестоносцам. Но очередь дойдет и до духовных руководителей похода. В первых же словах письма, адресованного троим легатам — Арнольду-Амальрику, епископу Рье и Федизию, содержался явный выговор. «Несомненно необходимо, чтобы рука хирурга отсекала гангренозные члены, дабы воспаление не распространилось на все тело; но действовать надлежит осторожно и так, чтобы не затронуть здоровых членов». И далее, опять-таки под видом пересказа жалоб арагонцев, Папа обрушивает на своих представителей упрёки в превышении полномочий.

Резкие обвинения достаются Арнольду-Амальрику: «Ты, брат наш архиепископ, при содействии благородного мужа Симона де Монфора бросил крестоносцев на земли графа Тулузского. Вы захватили не только домены, где жили еретики, — ваши загребущие руки дотянулись и до земель, где не было ереси. По обвинениям короля Арагонского, вы без всякого права присвоили столько территорий, что оставили графу Раймунду только город Тулузу и замок Монтобан. Пусть он виновен — но справедливость требует, чтобы карали только за совершённые проступки и чтобы наказание по тяжести соответствовало преступлению. Вот почему король Арагонский просит нас, чтобы

графство Тулузское было сохранено за сыном графа, ребенком, который никогда не был и, дай Бог, не будет повинен в ереси; впрочем, король согласен взять под свое покровительство на все время, на какое мы пожелаем, графство Тулузское и сына Раймунда. Его заботами тот будет воспитан в самом строгом правоверии. Что до самого Раймунда, то он готов принять на себя покаяние, какое мы ему предпишем, — будь то паломничество в Сирию или крестовый поход в Испанию».

Смещение и удаление Раймунда VI, передача его фьефа юному Раймунду VII, которого до достижения совершеннолетия помещают под опеку Арагона, — вот какое решение предложил Педро II, и римская Церковь его приняла. Но чтобы эта программа осуществилась, Иннокентий III должен был при поддержке арагонских солдат силой навязать ее Югу, не прибегая к посредничеству легатов. На такой переворот он пойти не осмелился. Оставляя за собой право окончательного приговора по столь деликатному вопросу, он предписал своим уполномоченным принять необходимые меры, чтобы разрешить его «как должно». Пусть они созовут в надежном и подходящем месте генеральную ассамблею архиепископов, аббатов, графов, баронов, консулов, байле (сельских старшин) «и всех разумных людей, чья помощь покажется им полезной». Пусть там непредвзято изучат предложения Педро II, без изначальной благосклонности или ненависти. Потом пусть точно сообщат в Рим единодушное мнение или мнение большинства собрания. Осведомленный об этом мнении, Папа вынесет решение как верховный судья. «Ибо, — добавляет Иннокентий в конце письма, — таким ли образом или иным, но срочно надо сделать так, чтобы в Лангедоке появилась какая-то власть».

Такое предписание главы Церкви было смелым ходом. Хотя Иннокентий продолжал использовать своих легатов, он не доверял ни им, ни тем южным Соборам, что до сих пор лишь оформляли их мнения. Чтобы навязать свое, он хотел опереться на настоящий съезд, где были бы представлены все классы общества. Пусть эти Генеральные штаты Лангедока подобием всенародного референдума и решат судьбу графства Тулузского. Но поскольку созывать его и руководить дебатами предстояло легатам, Папа принял меры предосторожности. Эта генеральная ассамблея будет иметь лишь совещательный голос; право вынести приговор и суверенно

распорядиться землей, завоеванной крестоносцами, останется за Римом.

Могли ли католические массы согласиться, чтобы столько усилий и пролитой крови не принесли победителям никакой выгоды и крестовый поход столь резко сменил направление? Решение Папы и необычная процедура, провести которую он предписывал, были крайне опасны для Монфора и его друзей. Несомненным было то, что большинство верующих требовало продолжения похода: менять его направление оно не желало. Вопреки разуму и справедливости все было против Иннокентия III.

* * *

В средние века политики и правители, направлявшие свои инструкции на расстояние, очень удаленное от места, где они жили, всегда рисковали совершить определенный просчет. Как с собственными агентами, так и с чужестранцами они могли общаться только периодически ввиду долгого времени, которого требовал обмен письмами или отчетами. Пока гонцы ехали, да еще с немалыми препятствиями, события стремительно развивались, принимали неожиданный оборот, и часто содержание отправленных приказов уже не соответствовало новым реалиям. Когда четыре письма Иннокентия III, написанные с 15 по 18 января 1213 г., достигли своих адресатов, легаты уже все устроили вопреки воле Папы. Письма пришли только после Лаворского Собора, предписавшего крестовый поход до победного конца. В то самое время, когда Иннокентий дезавуировал Монфора и легатов, те отвергли ходатайство короля Арагона, не допустили оправдания Раймунда VI и призвали к низложению его династии.

Собрание, созванное Арнольдом-Амальриком, участников которого он также выбрал сам, заседало последние пятнадцать дней января, несомненно, в старой бенедиктинской церкви Сент-Ален города Лавора, воздвигнутой на самой вершине горы Агу. Оно далеко не имело того всеобщего характера, который должен был приобрести задуманный Папой съезд: на нем присутствовало всего десятка два лангедокских и гасконских прелатов. Епископам долины Роны и Прованса предстояло собраться через несколько недель на отдельный Собор в Оранже; но и там все будет проникнуто тем же духом, как и в Лаворе.

Занявшись поначалу всегдашним делом — вопросом прощения грехов Раймунду VI, собрался ли наконец Лаворский Собор подчиниться указаниям из последнего письма Иннокентия III, которое дошло до Лангедока и предписывало легатам встать на новые позиции, чтобы завершить эту процедуру? Посовещавшись на эту тему, Собор вручил двум папским агентам, которым было поручено решение этой проблемы, — епископу Рье и Федизию, свое заключение в письменной форме. Суть этого решения, скрепленного печатями архиепископа Нарбоннского, епископов Альби, Тулузы и Комменжа и подписями других прелатов, можно изложить в следующем виде: «Ввиду того, что граф Тулузский так и не сдержал своего обещания изгнать из своего фьефа еретиков и рутьеров, что после возвращения из Рима, где Папа обошелся с ним гораздо лучше, чем он заслуживал (отметим этот упрек Иннокентию III), он продолжил свои прежние преступные действия, преследуя аббата Муассака, аббата Монтобана, епископа Ажена, и что нанятые им рутьеры убили более тысячи крестоносцев; наконец, ввиду того, что подозрение в ереси тяготеет над ним столь долго и является столь общеизвестным, что становится бесспорным доказательством виновности; по всем этим причинам Собор единодушно постановляет, что он недостойн давать присягу на Евангелии и что вследствие этого ему не может быть дозволено оправдываться — как по обвинению в ереси, так и по обвинению в причастности к убийству легата Капельно».

Сообщения о приговоре Раймунд VI ожидал в Тулузе: не доверяя Монфору, он не хотел ехать в Лавор, занятый войсками противника. Дважды епископ Рье и Федизий писали ему: мол, если он не смог оправдаться, в этом виновен лишь он сам. Через одного из своих нотариев граф ответил им: он обращается скорее к их милосердию, чем к их правосудию, но чтобы он мог оправдаться, пусть пришлют судей в Тулузу или, по крайней мере, в место, где он мог бы чувствовать себя в безопасности. Легаты официально отказали: единодушное решение Собора отныне не позволяет им выслушивать такое оправдание. Графу больше нечего и пытаться: «он лишь зря потратит деньги и силы». А отчет, отправленный ими в Рим, завершился такими словами: «Желая держаться неукоснительно в пределах наших полномочий и представив Вашему Святейшеству ряд фактов в том виде, в каком они имели место быть, мы утверждаем, что тем самым до вашего сведения доводится

чистая правда и вся правда». Они возвращали Папе выражение, которое он использовал против них.

Король Арагонский с момента открытия Собора находился в Лаворе. Когда графа Тулузского отстранили, он решился появиться на сцене. Сначала он хотел устно изложить свои предложения, показав, что графов Тулузы, Фуа, Комменжа и виконта Беарнского следует восстановить во владении их фьефами; но Арнольд-Амальрик сразу же прервал его. «Сформулируйте ваши доводы письменно, — сказал он, — и направьте их Собору заверенными нашей печатью». Тогда Педро II потребовал от Симона де Монфора, чтобы на время подготовки документов и совещания прелатов крестоносцы перестали «творить зло» своим противникам. «Я не перестану творить зло, — ответил Монфор, — и на неделю воздержусь от того, чтобы творить добро: ведь преследовать врагов Христа не значит творить зло — напротив, я рассматриваю это как доброе дело». После этого ответа было заключено перемирие. Король Арагона вернулся в Тулузу и оттуда 16 января 1213 г. отправил Собору записку в защиту своих протезе.

Раймунд Тулузский, писал король прежде всего, желает вернуться в лоно Церкви. Он обещает дать удовлетворение в том, чего от него потребуют, но взывает к милосердию Собора, чтобы ему вернули то, что он утратил. Если это ходатайство в отношении его лично будет отвергнуто, пусть по крайней мере удовлетворят законные притязания его сына, Раймунда VII. В то время как отец будет исполнять покаяние за морями или в армии, которой предстоит сражаться с сарацинами в Испании (в зависимости от того, как решит Церковь), сын останется у себя на земле под охраной и надзором Арагона для службы Богу и Папе, пока не даст очевидных доказательств своей благонамеренности.

Граф Комменжа! Он никогда не был ни еретиком, ни пособником ереси. Его ограбили, отобрав землю, лишь за то, что он оказал помощь своему сюзерену и кузену, графу Тулузскому. Потому он просит о ее возвращении; впрочем, если будет доказано, что он совершал проступки, он даст удовлетворение, какого пожелает Церковь.

Граф Фуа тоже никогда не проповедовал ереси. «Это мой дражайший родич, мой вассал, — пишет король, — я не могу отказать ему в помощи. Пусть из уважения ко мне ему возвратят во владение его фьеф. Он также обещает дать возмещение Церкви».

«Наконец, Гастон Беарнский — тоже мой ленник. Прошу вернуть ему его домены и верность его вассалов. Он готов повиниться вам и дать отчет в своих действиях перед непредубежденными судьями, если вам самим некогда разбираться в его деле и выносить приговор».

В заключение Педро II заявлял, что взывает более к милосердию отцов Собора, нежели к их правосудию. С этой запиской он направляет делегацию из своих клириков и вассалов и охотно подпишется под всем, что решит Собор после того, как выслушает его делегатов. Но он умоляет принять во внимание истинные интересы Церкви и веры. Речь идет об испанском крестовом походе, о чести и территории христианства, которым угрожают сарацины. В этом великом предприятии требуется поддержка Симона де Монфора и того из знатных баронов, которому соблаговолят поручить защиту этого дела.

Как адвокат, он мог сколько угодно спорить — дело было изначально проигрышным. Судьи, твердо решив не отклоняться от пути, которым шли, стремились к полному изгнанию Тулузской династии из ее владений и тотальному истреблению еретиков в Лангедоке. Какое им было дело до испанского похода! Они вели священную войну, которую следовало завершить и увенчать возведением Монфора на графский трон. Поэтому на записку короля Арагона они ответили, тоже письменно, развернутым отказом.

«Прославленному и дорогому во Христе Петру, милостью Божьей королю Арагонскому и графу Барселонскому, Лаворский Собор, привет и искренняя любовь в Господе». Так, с самых любезных по отношению к Педро II преамбул, начинается длинное письмо, смысл которого состоял в том, чтобы обратить в ничто планы короля, приказы Папы и надежды Раймунда VI. Лаворский Собор, коллективный персонаж, говорит здесь как самостоятельное существо, побуждаемое одним устремлением, рассуждающее и судящее как один человек. В самом деле, разве не архиепископ Нарбоннский, Арнольд-Амальрик, руководил здесь всем и, несомненно, составил весь текст?

«По делу графа Тулузского и его сына, — писали прелаты, — мы не можем вам ничего ответить, потому что власть Папы, превышающая нашу власть, поручила решение этого отдельного вопроса епископу Рье и магистру Федизию. Вспомните, как добр к этому графу был Папа, какие выгодные предложения делали ему на Соборах в Нарбонне и Монпелье и как он их отверг, как упорно он не выполнял принятых

обязательств, какой вред непрестанно наносил Церкви и Богу, христианам и вере. Чаша терпения переполнена. Он стал абсолютно недостоин никакого отпущения грехов и никакого прощения.

С другой стороны, как можно отрицать бесчинства графа Комменжа, его вероломство, его союз с еретиками и пособниками ереси? К нему неоднократно обращали призывы примириться с Церковью, тем не менее он упорствовал в своих заблуждениях, коснея во зле; он был отлучен и остается отлученным. Нам даже сообщили слова графа Тулузского, “что это Бернар де Комменж подтолкнул его сражаться с крестоносцами”. Следовательно, ответственность за войну и за бедствия, которые она повлекла, падает на Бернара де Комменжа. Тем не менее, если он изменит свое поведение и станет достоин отпущения грехов, то, когда Церковь даст ему таковое, он сможет предстать перед ее судом, привести доказательства, что ему причинили ущерб, и ему будет воздано по справедливости.

Что касается графа Фуа, то давно ни для кого не секрет, что он стал покровителем еретиков. И по ныне он принимает их у себя и защищает их. После долгого ряда насилий и скандалов, связанных с его именем, разрушений и разграблений церквей, бесчисленных клятвопреступлений, бесчинств по отношению к клирикам ему объявили анафему. Вашему королевскому величеству, лучше чем кому бы то ни было, известно, что когда-то вы просили у легата милости к нему, что при вашем посредничестве был заключен договор и что если это соглашение не воплотилось в жизнь, то исключительно по вине графа». Здесь епископы предъявляют королю Арагона аргумент *ad hominem*^[66] ссылаясь на фразу из договора в Монпелье, где Педро II провозглашал, «что если граф не будет соблюдать соглашение и если на этом основании прекратят считаться с защитой, под которую оно его ставит, пусть он не упрекает за это руководителей крестового похода». И все-таки если Раймунд-Рожер покается и добьется отпущения грехов, суд может рассмотреть обоснованность и его требований.

Остается вопрос Гастона Беарнского, «этого защитника убийц Кастельно, этого гонителя Церкви, этого заклятого врага крестового похода». Перечисление примеров его нечестия и его злодеяний можно продолжать до бесконечности. Достаточно вспомнить лишь некоторые кощунства, совершенные его рутьерами в соборе Олорона: чаша со священными гостиями была осквернена и брошена наземь, солдаты

наряжались в епископские одежды, служили мессу, проповедовали и принимали пожертвования! Не перечесть клятвопреступлений этого человека, как не перечесть клириков, которых он подверг насилию и пыткам. «Отлучение, наложенное на него, — всего лишь справедливая кара за эти его преступления и многие другие, о которых мы не говорим. Пусть он также даст удовлетворение Церкви, пусть добьется снятия анафемы, и тогда — но только тогда — ему позволят выставить претензии».

В заключение Лаворский Собор выговаривает коронованному ходатаю: зачем защищать столь неправые дела? Пусть он вспомнит благодеяния, полученные им самим от Иннокентия III, клятву, которую он дал во время помазания в соборе св. Петра в Риме, — истреблять ересь и защищать святую Церковь. «Если ваше королевское величество не удовлетворится нашим ответом, мы, из уважения к вам, озаботимся сообщить об этом государю Папе».

Последнюю фразу, видимо, следовало воспринимать как ироническую? Нетрудно было догадаться, что король Арагона будет недоволен, если ему отказали во всем, что он просил. Насчет судьбы, уготованной Раймунду Тулузскому и его сыну, Собор ничего не ответил, прибегнув к очень удобной отговорке. В отношении доменов Фуа, Комменжа и Беарна он туманно допустил отдаленную возможность их возвращения. Но сначала надо было, чтобы все три сеньора добились отпущения грехов, то есть сдались Церкви и крестоносцам, — просто смехотворная уступка! Исчезла всякая надежда добиться соглашения. Отвергнуть посредничество короля Арагона значило вынудить его окончательно перейти в лагерь противников крестового похода. Но какое дело было до этого легатам? Только война до победного конца могла позволить партии Монфора полностью выполнить свои планы и обеспечить максимальные выгоды.

Однако заправила Собора даже до получения писем Иннокентия III, осудивших их политику, хорошо понимали, что за королем стоит Папа и что предложения Арагонца — результат соглашения между ними. С Иннокентием нельзя было поступить так же, как с Педро II, просто отказавшись рассматривать его претензии в судебном порядке. Чтобы помешать Папе объединиться с противниками Монфора, была использована другая тактика: переубедить главу Церкви или оказать на его окружение такой нажим, чтобы ему пришлось еще раз изменить

позицию и дать легатам полную свободу действий. Тут же из Лавора, Оранжа и других городов Юга в Рим был отправлен ряд манифестов, направленных на оправдание действий Собора. Следовало убедить мир, что если Лангедок будет возвращен Раймунду VI или передан его сыну, то католическая вера погибнет и результаты крестового похода будут сведены на нет. Написанные в одном духе и по одному образцу, эти письма несомненно имеют одного вдохновителя.

В коллективном адресе, составленном собравшимися в Лаворе прелатами, Иннокентия осыпали похвалами за все, что он сделал до сих пор. Ему в высокопарных выражениях напоминали, что это он издал указ о крестовом походе и вверил командование армией Симону де Монфору, «неустрасимому витязю Христову, непобедимому воителю». Это предприятие завершается: осталось только взять Тулузу, этот вертеп ереси, и подчинить Раймунда VI, этого упорного пособника секты. Не он ли желал соединиться со всеми врагами Церкви и папства — Иоанном Безземельным, Оттоном IV и, отчаявшись взять верх, дошел даже до такого мерзкого и оскорбляющего все христианство преступления, как отправка послов к султану Марокко? Не он ли, наконец, сговорился с императором уничтожить Католическую Церковь в их государствах и изгнать всех священнослужителей?

«Наши противники, — добавляли прелаты, — обратились к королю Арагонскому. Тем самым они рассчитывали обмануть Ваше Святейшество и ослабить Церковь. Но мы приняли свои решения единодушно. Мы сообщаем вам об этом для очистки своей совести и во избежание упрека, что не пролили полного света на вещи, касающиеся дел веры». В патетическом заключении они умоляли Папу завершить то дело, которое он так хорошо начал сам. Топор должен добраться до корней зараженного дерева, чтобы оно более никого не отравляло. Вернуть графу Тулузскому, его сообщникам или даже наследникам этих тиранов земли, которые отобраны у них по справедливому приговору и окроплены христианской кровью? Разве это не значит вызвать негодование людей, преданных великому делу, и совершить тягчайший грех — обречь духовенство на гибель, а Церковь на разрушение?

Тот же вывод содержится в письме архиепископа Бордоского и епископов База и Периге. То же утверждал и Бертран, епископ Безье. Последний с удвоенной силой клеймит Тулузу, «гнездо гадюк, которое надо раздавить», и графа Раймунда вместе с его сыном, от

восстановления которых в правах следует воздержаться, ибо они воспользуются этим, лишь чтобы перебить епископов и присвоить владения Церкви. В более умеренной манере этот тезис поддерживает и архиепископ Экса Бермонд. А вскоре в Латеран пришел манифест Оранжевого Собора, подписанный архиепископом Арльским и епископами Авиньона, Вивье, Юзеса, Нима, Магелонна, Карпантраса, Оранжа, Сен-Поль-Труа-Шато, Кавейона и Везона. Благодаря мерам, принятым Папой против ереси, Лангедок стал обязан ему миром, процветанием и благополучием. Нет слов, которые могли бы выразить радость и признательность христиан, наконец избавленных от рабства египетского. Колоссальная услуга, которую Папа оказал им, обеспечит ему почетное место и сонме праведных. Но ему следует довести дело до конца. Пусть он разрушит Тулузу, «это вместилище нечистот и гадов», столь же порочную, как Содом и Гоморра, а прежде всего пусть не позволит «тулузскому тирану» или его сыну вновь поднять голову. «Подобно рыжему хищнику, тот пожрет все. Тогда погибнет Церковь и перевернется мир».

Это единодушие прелатов всего Юга, этот шквал преувеличений и яростных атак, эти отупляющие повторы заклинания «*Delenda Carthago*»^[67] — да будет уничтожена Тулуза и династия ее властителей — были рассчитаны на то, чтобы подавить дух Иннокентия III и произвести впечатление на кардиналов. Когда посланники Симона де Монфора и Арнольда-Амальрика с письмами для Папы прибыли в Рим, то поначалу (как утверждает монах из Сернея) курия приняла их плохо. Но после получения манифестов и устных объяснений, данных магистром Федизием и Пьетро Марком, сборщиком папских налогов в Лангедоке, все вдруг стали обращаться с ними иначе. Ожидаемый поворот состоялся. Иннокентий III вновь уступил (стоит ли после всего этому удивляться?) могучему натиску этих непримиримых, для которых вера и ненависть к еретикам были синонимами.

* * *

1 июня 1213 г. Латеранская канцелярия направила королю Арагона, Симону де Монфору, архиепископу Нарбоннскому и епископу Тулузскому послания, совершенно противоположные по содержанию январским письмам. В них Иннокентий III отменял меры, которые предписал ранее, в столь же энергичном тоне. Когда в государствах

современной Европы власть отменяет прежние указания, она прибегает к хитрым формулировкам, чтобы избежать открытого признания своих ошибок. В средние века суверены отрекались от своих актов, не щадя собственного самолюбия. Должно быть, Педро Арагонский был совершенно ошеломлен, получив такое вот письмо:

«Общеизвестно, что из всех христианских государей именно тебе Мы особо старались оказывать честь и услуги, что немало способствовало возрастанию твоего могущества и славы. Дай Бог, чтобы в равной мере возросли твои мудрость и благочестие! Ты поступил дурно по отношению к себе самому и по отношению к нам, взяв под покровительство отлученный город Тулузу, еретиков, что нашли там прибежище, и защитников ереси вопреки категоричным запретам нашего легата, действующего Нашим именем и от лица Бога. Мы повелеваем тебе немедленно оставить тулузцев и их пособников и ни в каком виде не подавать им помощи и совета. Если жители этого города захотят вернуться в лоно Церкви, процедуру примирения проведет епископ Фульк, человек неподкупный и с безупречной репутацией.

Что касается твоего ходатайства в пользу графов Фуа, Комменжа и Гастона Беарнского, то измышления об этих отлученных, рассказанные Нам твоими посланцами, побудили Нас подписать приказ, который Мы считаем теперь незаконным и вырванным с помощью обмана. Поэтому Мы его аннулируем и объявляем недействительным. Однако в случае, если эти бароны также пожелают примириться с Церковью, мы поручаем архиепископу Нарбоннскому потребовать от них необходимых гарантий и после этого отпустить им грехи.

По твоей просьбе Мы направляем в Лангедок со специальной миссией кардинала, облеченного всеми полномочиями, чтобы воздать по справедливости жалобщикам и принять меры, полезные для Церкви. Наша воля такова, чтобы до его прибытия было заключено прочное и длительное перемирие между графом де Монфором и тобой, между твоей и его землями. Но это перемирие не распространяется на еретиков: между верующими и безбожниками не может быть ни перемирия, ни мира. Если тулузцы и поддерживающие их сеньоры будут упорно защищать ересь, мы устроим против них новый крестовый поход, *ибо пособники ереси опаснее, чем сами еретики.*

Таковы повеления, которым твоей светлости предлагается неукоснительно следовать, в противном же случае, несмотря на всю

любовь, что Мы питаем к твоей персоне, Мы будем вынуждены грозить тебе Божьим гневом и принять против тебя меры, которые нанесут тебе тяжкий и непоправимый урон».

Подобное письмо нотариям папской курии бесспорно продиктовали те же люди, которые только что заставили ее совершить резкий поворот. Ни по сути, ни по форме оно не соответствовало сокровенным мыслям Папы. Под нажимом своего окружения он пошел у него на поводу, но, согласившись на все, добился от победившей партии одной уступки, чтобы иметь возможность взять реванш, — отправки в Лангедок легата с поручением рассмотреть жалобы побежденных.

Пока гонцы из Латерана были в дороге, король Арагона, никак не ожидая такого известия, которое они везли, продолжал спор с Лаворской ассамблеей. После отказа, о котором она ему объявила, он попросил, чтобы Симон де Монфор хотя бы заключил с графом Тулузским и его союзниками перемирие на несколько месяцев. Собор отклонил и это ходатайство. Прекратить военные действия — не значит ли это остановить приток крестоносцев, дав Тулузцу и Арагонцу преимущество на поле боя? Тогда Педро II пошел на решительный шаг. Он взял отлученных князей под свою защиту и подал апелляцию на решения Собора Папе. «Бессмысленная апелляция, — заявил архиепископ Нарбоннский, — незаконная и неприемлемая». И Арнольд-Амальрик направил королю угрожающее письмо, где резко упрекал его за новую позицию, зачеркивающую все его прошлое: «Нашей властью легата, именем нашего Спасителя Иисуса Христа и Его святейшего викария — верховного понтифика мы категорически запрещаем вам защищать еретиков. Если вы свяжете себя с теми, кого Церковь исторгла из своей общности, и с проклятыми еретиками, вы сами навлекете на себя анафему. Мы будем вынуждены подвергнуть таковой вас как пособника еретиков — вас и всех, кто будет содействовать вам в помощи отлученным».

Королю Арагона не оставалось иного средства, кроме войны. Но сначала надо было предотвратить угрозу со стороны Франции. Филипп Август нуждался в поддержке Папы для успеха своего масштабного плана высадки в Англии^[68]; он сделал жест, который можно было истолковать как поддержку Церкви в борьбе с альбигойцами. Его сын Людовик принял крест — правда, без его дозволения, но как

помешаешь исполнять обет и добиваться отпущения грехов? 3 марта 1213 г. Генеральная ассамблея французских баронов, созванная в Париже, рассмотрела вопрос, сколько рыцарей будут сопровождать наследного принца. К капетингскому двору прибыли епископы Тулузы и Каркассона с поручением разжечь религиозный пыл у знати и набербовать новых крестоносцев, но здесь же появился и епископ Барселонский, перед которым арагонский король поставил противоположную задачу. Посланник Педро II предъявил королю Франции и его магнатам письма Иннокентия III (январские), где Папа приостанавливал поход и дезавуировал легатов. Филипп Август не смог бы ничего понять в выражах римской политики. Тем не менее Парижская ассамблея решила, что принц Людовик выступит в поход — на пасхальной неделе, с новыми крестоносцами. Но этому отъезду помешали политические обстоятельства^[69], к великому отчаянию монаха из Сернея, возложившего ответственность за такую неудачу на дьявола — исконного врага рода человеческого.

Не опасаясь угрозы с этой стороны, король Арагона мог действовать. «Он сообщил людям своего фьефа, — говорится в “Песне”, — и объявил всем, что намерен идти в Тулузу, чтобы сражаться с этими крестоносцами, опустошающими весь край. Граф Раймунд был взят под его защиту: нельзя, чтобы его земли жгли и грабили, ибо граф никому не нанес вреда и ни перед кем не виновен. “И поскольку он женился на моей сестре, — добавил король, — а другую сестру я выдал за его сына, я приду к ним на помощь против тех мерзавцев, которые желают их обездолить. Эти клирики и французы силятся обобрать их из произвола! Я прошу своих друзей, всех, кто должен чтить меня, приготовиться и взяться за оружие. Через месяц я перейду пиренейские перевалы”. И все ответили: “Государь, так и следует поступить, мы повинемся вашей воле”. Затем они разошлись, чтобы начать приготовления. Каждый старался изо всех сил, они продавали или закладывали имущество, чтобы приобрести экипировку. И король велел всем нагружать вьючных лошадей и подводы. Близится лето; они найдут земли и поля готовыми зазеленеть, а деревья и виноградники к тому времени покроются мелкими листочками».

Во время приготовлений Педро II к нему от Монфора и легатов приехали два аббата, чтобы показать новые письма Папы, запрещающие ему становиться на службу ереси. Он ответил, что уважает волю Папы

и будет поступать в соответствии с ней. «Но это было лишь притворство, — пишет монах из Сернея, — чтобы усыпить нас, убедив в мнимой безопасности». Арагонская армия вступила в Гасконь и соединилась с войсками графа Тулузского и его союзников. На сей раз предстояла не обычная война с поджогами, осадами крепостей, набегами и засадами: этот великий спор должна была завершить настоящая битва — редкое зрелище для средних веков.

Симон де Монфор, взяв один за другим окружающие Тулузу замки, готовился осадить и сам город. Надо было торопиться. Педро II с графами Фуа и Тулузы, тремя тысячами рыцарей и тридцатью тысячами сержантов и тулузских ополченцев начал осаду Мюре. Эту крепость, зажатую между реками Луж и Гаронной, над которыми возвышались ее мощная треугольная в плане цитадель и огромный донжон, защищал гарнизон из семисот человек, плохо вооруженный и не имевший запасов провианта. Казалось, такое неравенство сил делало его положение безнадежным. Сам Мюре уже был взят и его защитники оттеснены в цитадель, когда появился Симон с тысячей бывалых рыцарей. Педро II пропустил его, чтобы вернее захватить в плен и покончить с крестовым походом одним ударом. Епископ Тулузский Фульк и другие прелаты, ужаснувшись перспективе столь неравной борьбы, попытались начать переговоры, чтобы умолять короля Арагона о милосердии. Но Симон, всегда рассчитывавший на Бога и свою звезду, желал сражаться и вышел на бой. Проходя мимо замковой церкви, он увидел епископа Изесского, служащего мессу. Прервав службу, он встал на колени и соединил руки. «Господи, — воскликнул он, — препоручаю Тебе мою душу и тело». Появился Фульк с митрой на голове, в епископском облачении и с частью Истинного Креста Господня в руках. Епископ Комменжский, опасаясь, что слишком долгая церемония ослабит пыл крестоносцев, взял эту реликвию и, поднявшись на пригорок, благословил всю армию со словами: «Ступайте во имя Иисуса Христа. Я буду вам свидетелем и поручителем в день Страшного Суда. Все, кто падет в этом бою, обретут славу мучеников и вечное воздаяние, не проходя через чистилище».

Раймунд VI не хотел давать боя, предпочитая продолжать осаду цитадели и ждать атаки Монфора в лагере. Король Арагона не согласился со своим союзником — такая недостаточно рыцарственная

тактика вызвала его негодование. Поменявшись доспехами с одним из своих воинов — единственная уступка осторожности, которую он сделал, — он со своей конницей выступил из лагеря и занял место в первом ряду бойцов, напротив низменной и болотистой равнины Пескье. Симон разделил свой отряд на три эскадрона; они один за другим пошли в бешеную атаку. «Удар был столь яростен, — пишет Гильом де Пюилоран, — что гром оружия напоминал грохот, какой производит артель лесорубов, обрушивая могучие удары топоров на лесные деревья». Король Арагона в пылу битвы был опознан врагами, искавшими его, чтобы убить; вскоре его настиг Ален де Руси со своим отрядом, окружил и смертельно ранил. Граф Тулузский, графы Фуа и Комменжа отступили, а пехотинцы и тулузские бюргеры попытались с ходу взять цитадель Мюре. Будучи отброшенными, они поспешили к лодкам, на которых приплыли сюда, однако большинство утонуло, других перебили или захватили в плен. Эта катастрофа на долгие годы облачила в траур Тулузу и Монтобан.

Если верить «Песне», союзники едва ли могли бы выстоять. «Педро воскликнул: “Я король!” Но это не внушило врагам страха, и его так тяжело ранили, что кровь пролилась на землю. После этого он простерся на земле замертво. Остальные при таком зрелище решили, что их предали. Кто побежал туда, кто сюда — ни один не стал защищаться. Французы погнались за ними и порубили всех в куски. Резня продолжалась до самого Ревеля». Сын побежденного, король Хайме I Арагонский, также говорит в своих воспоминаниях «о тех, кто трусливо бросился в бегство». Но он признаёт, что армия не сумела выстроиться в боевой порядок и что руководство операциями никуда не годилось. Его отец, истощенный излишествами предыдущей ночи, едва держался на ногах. Все это произошло 12 сентября 1213 г.

* * *

Непосредственным результатом битвы при Мюре стало то, что бедствия Лангедока удвоились. Тулуза, пав духом, готовилась открыть ворота. Раймунд VI с юным сыном покинул свою родину и на некоторое время укрылся при дворе Иоанна Безземельного. Вполне вероятно, что графы Фуа, Комменжа и Гастон Беарнский отказались от борьбы. Зато с какой фантастической активностью развивал свой успех Симон де Монфор! Он помчался за Рону, чтобы «застолбить» провансальские владения графа Тулузского, и подготовил аннексию

Дофине, женив своего сына Амори на наследнице этой провинции. Вернувшись в Лангедок, он двинулся на виконта Нарбоннского, поднявшего мятеж. Он победоносно пересек Ажене, Руэрг, Керси и даже Перигор. Заодно он присвоил виконтства Нимское и Агдское, водворился в Бокере и, набивая руку, продолжал устраивать в графстве Фуа расправы и набеги. Какие уж там крестовый поход, ересь, правоверие, интересы религии! Шел политический переворот, методичное завоевание всей Южной Франции, закладывались основы династии.

Сам Иннокентий III мог лишь время от времени влиять на этот неудержимый поток. После битвы при Мюре он отказался от открытого сопротивления, но не прекратил дипломатической игры, продолжая политику равновесия сил. С сентября 1213 по ноябрь 1215 г. Папа не упустил ни одной возможности ослабить эффект победы при Мюре и подготовить возвращение прежних сеньоров. Навязывать свои взгляды он мог через посредство специального легата — кардинала Петра Беневентского, в большей или меньшей степени подменившего духовных вождей крестового похода. Программа миссии этого легата, по сути, сводилась к трем основным положениям. Вместо войны до победного конца с союзниками Раймунда VI добиться мира с ними и взамен за определенные гарантии дать им отпущение грехов. Признать за Монфором, если нельзя иначе, право управлять завоеванной землей и получать с нее доходы, но лишь в качестве *временного управляющего*, до вынесения окончательного решения Вселенским Собором, который был намечен на 1215 г. Наложить секвестр на земли и замки, еще не полностью аннексированные крестоносцами, то есть Тулузу, Тулузскую область и фьефы отлученных баронов — Фуа, Комменж и Беарн, передав их в руки нового легата. Не вызывает сомнений, что окольными путями в Риме возвращались к политике реакции.

Ничто не могло вызвать меньшего удовольствия у победителя и его друзей, чем три буллы от 20, 22 и 25 января 1214 г., адресованные Петру Беневентскому. Монфор притязал на Нимское виконтство как на территорию, зависимую от виконтства Безье. Иннокентий обратил внимание своего легата, что Нимский фьеф принадлежит римской Церкви и что для выяснения, соответствует ли истине утверждение вождя крестоносцев, необходимо расследование. Граф Комменжа и Гастон Беарнский просят о примирении. Они, конечно, виноваты, но

врата Церкви должны отворяться тем, кто стучится в них с искренним раскаянием. Пусть легат потребует от них достаточный залог и потом позволит воссоединиться с христианским миром. Город Тулуза тоже молит о милости; следует вновь впустить его в великую христианскую общину. Когда грехи будут ему отпущены, он останется под покровительством апостолической власти. Пока Тулуза будет сохранять уважение к вере и религиозному миру, Монфор и другие правоверные не получают права притеснять ее. Тем самым Тулуза становилась папским городом, избавляясь от ига завоевателя.

22 января Иннокентий III рекомендовал Симону де Монфору оказать новому легату хороший прием, но закончил свое письмо угрозой. Монфору предписывалось отпустить сына Педро II, которого он удерживал фактически как заложника и постоянно отказывался выдать арагонцам. «Мы обязываем тебя, благородный муж, обходиться с Нашим легатом так, как бы ты обращался с Нами лично, и повиноваться ему со смирением и благочестием. Тебе не подобает под каким бы то ни было предлогом удерживать сына короля Арагонского. Поэтому передай его в руки легата, и тот вынесет такое решение о его отъезде, которое будет наиболее соответствовать его интересам. В случае если ты откажешься, наш уполномоченный должен будет выполнить приказы, которые Мы дали ему на словах».

В подобном тоне явно не ощущается доверия и дружелюбия. А несколькими днями раньше, сообщая духовенству Юга о скором приезде кардинала, облеченного широкими полномочиями, Папа столь же внятно заявил, что его приказам надлежит подчиняться и что тем, кто подчиниться не захочет, «не следует ожидать никакой милости от Святого Престола». Таким образом, похоже, он ожидал какого-то сопротивления. Однако в рассказе монаха из Сернея поначалу ничто не говорит о противодействии легату.

Петр Беневентский начал с того, что обязал Симона де Монфора вступить в переговоры с виконтом Нарбоннским; кроме того, он запретил наносить нарбоннцам малейший вред. В самом Нарбонне его обступили графы Фуа, Комменжа и масса пострадавших, которых крестоносцы лишили владений. Все эти жертвы требовали восстановления в правах. Кардинал соглашался по меньшей мере примирить их с Церковью, но требовал гарантий и не упускал случая принять в этом качестве замки, куда ставил гарнизоны от имени

Иннокентия III. Безропотно покорился и сам Монфор: по приказу легата он доставил в Нарбонн юного принца Арагонского. В свою очередь, прибыла делегация жителей Тулузы, предложила заложников, и город помирили с Церковью. Наконец, перед представителем Иннокентия III предстал и Раймунд VI, также получив отпущение грехов при условии, что предаст себя в руки Папы. Акт за апрель 1214 г., в соответствии с которым он подчинился, не содержит никаких оговорок. Граф объявлял, что предает Папе «свое тело и свои домены, тело своего сына и домены своего сына» и соглашается удалиться в любое место, куда Церкви будет угодно его выслать. Это было настоящее отречение, но для сюзерена Лангедока очень важным был тот факт, что капитулировал он перед Папой, ускользнув от Симона де Монфора. Петр из Во-де-Сернея, рупор партии непреклонных, не понимавших, как можно вступать в переговоры с врагом, об этом инциденте не говорит ни слова.

В Лангедоке явно назревали перемены. Этот легат, вопреки обычаям предшественников, работал на Папу, а не на вождей крестового похода! Симон де Монфор стал искать возможность для реванша в другом месте и нашел ее.

Нунцию, аккредитованному при Филиппе Августе, — Роберу де Курсону — в свое время, после Бувина^[70], было поручено уладить англо-французский конфликт и начать проповедь великого крестового похода в Святую Землю, игнорируя альбигойцев. Когда Лаворский Собор вынудил курию отступить от ее намерений, Курсон возобновил выступления против еретиков Юга. Вскоре было даже замечено, что в ходе переговоров, не оставивших письменных следов, он, преследуя интересы Монфора, действует и на пользу себе. В июне 1214 г. он приехал для переговоров с Симоном в его лагерь в Каснёе и через месяц официальной грамотой утвердил его во владении всеми доменами, уже отвоеванными у еретиков и их пособников в Альбижуа, Ажене, Руэрге и Керси, добавив к ним «все, которые он захватит в будущем».

Подобная инициатива плохо вязалась с инструкциями Петра Беневентского: сложную проблему графства Тулузского Курсон разрешал *motu proprio*^[71] и на свой лад. Он этим не ограничился. 7 декабря 1214 г. из Рима был получен приказ в начале следующего года созвать на Юге Собор. Сторонники Монфора решили повторить

лаворскую манифестацию и добиться того, чтобы вопросу о лишении Раймунда VI его владений была посвящена еще более внушительная ассамблея. Легат Северной Франции воспользовался отсутствием кардинала Беневентского, занятого отправкой сына Педро II к арагонцам и организацией от имени Папы регентства в Арагоне, чтобы присвоить компетенцию легата Юга. Все, что мог сделать тот, вернувшись из Испании, — это занять место председателя Собора, который собрался 8 января 1215 г. в Монпелье.

В этот крупный католический город прибыли пять архиепископов, двадцать восемь епископов, масса аббатов и многие бароны Лангедока. В том числе приехал и Симон де Монфор, но горожане отказались его впустить. Петр из Во-де-Сернея признаёт, что жители Монпелье, эти «спесивые бездельники», ненавидели северян вообще и их вождя в особенности. Симон поневоле остановился за стенами города, в доме, принадлежащем ордену тамплиеров; но прелаты часто приезжали сюда для бесед с ним, чтобы приобщить и его к руководству делами. Однажды легат счел, что в качестве исключения может пригласить его на одно заседание ассамблеи; Монфор проник в город с двумя сыновьями и небольшим эскортом рыцарей. Горожане сразу же без всякого шума вооружились и расставили посты: одни — на дороге, где он должен был пройти, другие — у ворот, через которые он вошел, некоторые — в самой церкви св. Марии. Завоевателю Лангедока пришлось украдкой удалиться другим путем. Этот инцидент показывает степень его непопулярности и страх, который он внушал.

Благодаря религиозной активности Собор принял ряд канонов, посвященных реформе духовенства, злоупотреблениям в сфере дорожных пошлин, доносам на еретиков и пособников ереси; но особый интерес вызывает политическое решение, которое ему предстояло принять. Согласно монаху из Сернея, Петр Беневентский сам поставил вопрос, кому следует отдать Тулузу и земли, занятые крестоносцами. По этому пункту ему требовалось лишь письменное мнение. Посоветовавшись, прелаты единодушно отдали свои голоса Монфору. «О чудо! — восклицает хронист. — Когда избирают епископа или аббата, каждому из кандидатов едва удастся привлечь ничтожное меньшинство, и вот при столь важном выборе, как избрание суверена Лангедока, столь многочисленное собрание, куда входит столько высокопоставленных лиц, все целиком высказывается в пользу

поборника Христова! Вот доказательство, что все это было деянием Бога и воистину чудом».

Совершив этот выбор, Собор настоятельно потребовал у легата передать Монфору весь тулузский фьеф полностью. Петр Беневентский отказался это сделать: его инструкции не давали ему таких полномочий. Тогда прелаты решили отправить в Рим архиепископа Амбренского с письмом, в котором умоляли главу Церкви признать «сеньором и королем»^[72] земли еретиков благородного графа Монфора, избранного единогласно.

В целом манифестация в Монпелье не привела к ожидаемому результату. Она снова наткнулась на сопротивление Рима. Иннокентий III упорно желал окончательно решить вопрос о принадлежности Лангедока сам, на Вселенском Соборе.

Однако приверженцам Монфора нужно было дать какое-то удовлетворение. Когда Петр Беневентский принял во владение город Тулузу и Шато-Нарбонне, он назначил хранителем этой цитадели епископа Фулька, но от имени Иннокентия III. Также римской Церкви, а не Симону граф Раймунд-Рожер передал замок Фуа; легат поставил там военным комендантом аббата Сен-Тибери. Папская власть решительно укреплялась на завоеванной земле, чтобы распоряжаться ею по своему усмотрению. Ее представитель, далекий от того, чтобы форсировать дело репрессий и завоевания, осуществлял все новые акты примирения и повсюду вел переговоры на предмет заключения мира. По его приказу *файдиты*, то есть рыцари, осужденные за ересь или покровительство еретикам, могли свободно разъезжать по стране при условии не иметь оружия и не входить в крепости.

Дело шло прямо к завершению крестового похода, что признавал Гиљом де Пюилоран^[73], когда разнеслась сенсационная новость. В апреле 1215 г. на Юг направился сын Филиппа Августа, принц Людовик, с солидным отрядом баронов и рыцарей. Через шесть лет после сделанного Иннокентием приглашения капетингская монархия решила принять участие в альбигойских событиях! Наследник Французского королевства вступал на поле конфликта, когда позиции уже определились и между умеренными и непримиримыми шла борьба за то, чья политика восторжествует. Следовало ли рассматривать его появление как дополнительное беспокойство и помеху, как

неожиданное и неприятное вторжение, без которого все бы прекрасно обошлось?

Симон де Монфор имел свои основания, чтобы встревожиться не меньше папского посланника. Филипп Август всегда старался сохранить за собой права верховного сюзерена Лангедока, который лишь один может распоряжаться землями изгнанников. Имеющиеся в нашем распоряжении редкие документы об отношениях Капетинга с завоевателем показывают: с 1214 г. король делал вид, что рассматривает последнего как простого чиновника в аппарате королевской власти. Что станет с Симоном и его династическими планами, если принцу Людовику отец поручил воплотить в жизнь эту концепцию? Монах из Сернея не говорит о тревогах вождя крестового похода, а, напротив, описывает, как тот радуется приезду сюзерена и спешит навстречу ему. «Каким было обоюдное ликование, когда они увиделись во Вьенне, трудно выразить словами». Правильнее было бы сказать, что Симон, проглотив эту горькую пилюлю, поспешил убедиться, что у наследного принца нет опасных планов в отношении его самого и его дела. Впрочем, он надеялся использовать этого высокопоставленного паломника в своих интересах.

По аналогичным мотивам и легат Иннокентия III также поторопился навестить Людовика в Балансе. Если опасения своего героя монах из Сернея скрывает, то опасения легата он с удовольствием подчеркивает. «Он боялся, — пишет он, — как бы принц Людовик, старший сын короля Франции и сюзерен всех доменов, удерживаемых Святым Престолом, не захватил города и замки, где Папа поставил гарнизоны, и не пожелал принять меры, противные решениям Рима. Вот почему приезд и присутствие принца не были ему приятны. Эта земля была завоевана Папой с помощью крестоносцев; легату не казалось справедливым, чтобы Людовик мог отдавать здесь приказы, противоречащие его собственным. Чем в конечном счете был этот принц? Таким же крестоносцем, как и остальные; он не имел права отменять распоряжений Церкви». Но кардинал быстро выяснил, что со стороны нового пришельца ему нечего опасаться. Наследный принц, «человек весьма кроткий и весьма любезный», уверил его, что будет уважать его волю и во всем следовать его советам.

После этого началось триумфальное турне: Людовик Французский с Монфором по одну руку и кардиналом Беневентским по другую за

сорок дней объехал все области Лангедока — Сен-Жиль, Монпелье, Безье, Нарбонн, Каркассон, Фанжо, Тулузу. Ни одного боя или осады, ни одной кровавой расправы — во всяком случае, хроника ни о чем таком не говорит. Города, дурно расположенные к победителю при Мюре, широко распахивали свои ворота сыну короля, сопровождаемому уполномоченным Папы. Тем не менее этот быстрый объезд, совершенный капетингской армией вместе с солдатами Монфора, позволил последнему одержать новую победу. Благодаря присутствию принца и его войск он добился разрушения стен Нарбонна, Тулузы и других крепостей, господствовавших над местностью, которой предстояло стать его владением. Горожане вынуждены были пойти на то, чтобы самим снести свои укрепления.

Поход Людовика имел и другой результат, еще более выгодный для Симона. Вследствие этого похода Петр Беневентский постепенно поддавался обаянию силы. Согласно монаху из Сернея, эта эволюция взглядов кардинала началась еще в самом начале его миссии. Тот якобы в 1214 г. сделал вид, что заменяет власть Монфора властью римской Церкви, чтобы вернее предать альбигойскую партию в руки последнего. «О благочестивое лицемерие, — восклицает хронист, восхищенный этим макиавеллизмом, — о благочестие обмана!» Правда заключается в том, что легат, поначалу верный исполнитель приказов Иннокентия III, склонился на противную сторону, увидев, что принц Людовик и его армия как бы узаконили насилия крестоносцев. Поэтому он без колебаний одобрил снос укреплений двух крупнейших городов Юга. Чрезвычайно легко он смирился и с фактом, что Симон де Монфор летом 1215 г. в качестве сеньора комменды^[74] занял город Тулузу и замок Фуа. А как он мог поступить иначе? Уже казалось, что и сам Папа теперь расположен к тому же. Делегаты, которых Собор и Монпелье направил в Рим, вернулись с буллой, в которой Папа расточал Симону, «своему дражайшему сыну», величайшие похвалы, превозносил чистоту его веры, его заслуги перед крестовым походом и позволял временно оставить себе домены графа Тулузского и все земли, на которые Петр Беневентский наложил секвестр. В конце буллы Иннокентий умолял адресата не уклоняться под предлогом усталости от выполнения миссии, возложенной на того Церковью. Ободрение столь ненужное, что, если бы не торжественность папского акта, здесь можно было бы заподозрить иронию.

Тем не менее Папа по-прежнему не желал окончательно отдавать Лангедок Симону. Откладывая этот вопрос до ближайшего Собора, он не лишал надежд противников завоевателя. В это же время вспыхнул конфликт вокруг герцогства Нарбоннского. Иннокентию надо было сделать выбор между Арнольдом-Амальриком и Симоном де Монфором, между клириком и мирянином.

Эти два бенефиция альбигойского предприятия не нашли общего языка, когда пробил час дележа. Симон, хозяин всего тулузского наследия, непременно желал присоединить к нему и титул герцога Нарбоннского, который когда-то носили графы; Арнольд, имевший на него не больше прав, не пожелал от него отказываться. Он воспротивился даже намерению снести городские стены. В этом споре Людовик Французский и Петр Беневентский приняли сторону Монфора, который, лишив Нарбонн стен, вынудил жителей и виконта признать его герцогскую власть. Распря обострилась. Оба соперника апеллировали к Папе; тот и другой просили его подтвердить свои претензии. Бывший аббат Сито отправил в Рим записку, где обличал незаконные и насильственные действия своего союзника, ставшего соперником: стены города необоснованно снесли, виконта Нарбоннского Симон заманил в ловушку, горожан бросают в тюрьму, требуют с них выкуп, а также вынуждают приносить присягу новому герцогу, и, наконец, воины Христовы напали на замок Кабриер — собственность архиепископа — и разрушили его. Капитул собора в полном составе признал жалобы архиепископа законными. Они напомнили Иннокентию III, что в 1212 г Арнольд-Амальрик получил от римского легата одновременно титулы герцога и архиепископа, меч и крест.

2 июля 1215 г. Иннокентий III в письме, адресованном самому Монфору, без обиняков высказался в пользу архиепископа. К тому же Папа резко одернул адресата. Это что же получается — забыл, что ли, Монфор об огромных заслугах, оказанных Арнольдом крестовому походу, и о том, как он лично должен быть признателен этому мудрому советнику, сокрушившему все стоявшие перед ним препятствия? «Ты его вассал, — добавлял Папа, — ты принес ему клятву верности, и однако ты взял на себя смелость снести стены Нарбонна, так что он, его народ и духовенство теперь оказались в открытом городе, не защищенном от нападений! Ты несправедливо заставил виконта

Нарбоннского и некоторых нарбоннцев присягнуть тебе; ты хочешь лишить архиепископа герцогского титула; ты без всякого права удерживаешь замки и доходы, входящие в его бенефиций. Берегись запятнать свою славу и прослыть неблагодарным. Перестань лишать прав и оскорблять того, кто с таким рвением трудился ради твоего возвышения. Вселенский Собор уже близок. Не давай преследуемому тобой повода для обоснованных жалоб; напротив, загладь, как подобает, причиненный ему вред. Если ты не считаешься с этим предупреждением и не соизволишь Нам повиноваться, Мы будем вынуждены сами восстановить справедливость и наказать тебя по закону».

Уже говорилось, что согласие между Папой и завоевателем Лангедока никогда не бывало длительным. Чтобы погасить возникшее соперничество, приказа Иннокентия III было мало: Симон остался врагом Арнольда. Но в тот момент, когда Папа грозил своим гневом честолюбцу, вопреки всему упорно гнавшемуся за своей удачей, его поглощали более серьезные заботы. Взгляды всей Европы сошлись на Риме в ожидании торжественного события, которое должно было там состояться. Разрешить альбигойский вопрос предстояло Вселенскому Собору. Развязка приближалась.

* * *

19 апреля 1213 г. Иннокентий III пригласил представителей всего христианского мира в церковь Сан-Джованни в Латеране. После двух с половиной лет подготовки Собор открылся 11 ноября 1215 г. Четыреста епископов и восемьсот аббатов, составлявших его, должны были провести в этой базилике три официальных заседания — 11, 20 и 30 ноября. Но в интервалах между ними в папском дворце происходило много подготовительных собраний. Именно там прелаты, бароны и делегаты королей спорили в присутствии курии о самых острых проблемах тогдашней политики. Ничто не вызвало более страстной дискуссии, чем альбигойское дело. Оно так же взволновало Собор, как раскалывало католический мир в течение всей войны. Здесь столкнулись умеренные и непримиримые, тулузцы и монфортисты, как на переговорах и на полях сражений в Лангедоке.

Здесь присутствовали все участники этой драмы, кроме Монфора, у которого нашлись другие дела; но он прислал своего брата Ги, чтобы представлять и защищать его интересы. С церковной стороны

выступали Арнольд Амальрик Нарбоннский, Фульк Тулузский, Федизий Агдский, Гвидо Каркассонский — зачинатели крестового похода, все епископы. Со стороны мирян — граф Фуа Раймунд-Рожер, Раймунд VI с юным сыном и мелкий лангедокский сеньор Бермонд Андюзский, несколько нелепый статист, который, женившись на одной из дочерей графа Тулузского, также требовал доли наследства, но более желая успеха, чем рассчитывая на него.

Защитникам альбигойцев не приходилось питать иллюзий. Подавляющее большинство Собора было против них, твердо настроившись оправдать действия Монфора и его союзников и завершить спор в их пользу. Но противодействие было сильным. «Воистину, — пишет Петр из Во-де-Сернея, — некоторые участники Собора и, что того горше, даже прелаты чинили препятствия делу веры (под которым он имеет в виду дело друзей Монфора) и старались возвратить обоим графам Тулузским их вотчину. По счастью, большинство не последовало совету *Ахитофела*, и планы злых были сорваны». Монах не добавляет, что Иннокентий III, которому он благочестиво посвятил свою хронику, сам был среди «злых», но об этом сообщают другие современники. «На том же Соборе, — пишет историк Филиппа Августа Гильом Бретонец, — Папа, казалось, хотел вернуть графу Тулузскому и его сыну, осужденным за ересь, те земли, которые отобрали у них католики под началом благородного графа Симона де Монфора. Против этого намерения воспротивился почти весь Собор».

Сомневаться не приходится: Иннокентий III был в оппозиции. Он пытался добиться от Собора одобрения политики умеренности и милосердия, принципа легитимности прав Раймунда VII, неповинного в отцовском преступлении. Но у нас есть не только краткие сообщения двух упомянутых историков. Автор «Песни о крестовом походе» детально воспроизвел сцены, происходившие в Латеране. Эта картина написана яркими красками и чрезвычайно выразительно: идет борьба двух партий, Папа упорно старается оправдать Тулузцев, ораторы от большинства на него наседают, и наконец Иннокентий уступает численно превосходящему противнику и отступает от Раймунда VI, чтобы спасти его сына. Поэт (возможно, близкий к графам Тулузским), видимо, присутствовал на заседаниях или слышал рассказы их участника. Будучи страстно предан делу альбигойцев, он, несомненно, преувеличил в пользу своих друзей чувства и слова Иннокентия III, и

вряд ли тот проявил такое сильное упорство, какое ему здесь приписано. В столь торжественной ситуации, когда в Латеране собралась вся Европа, Папа не мог безоговорочно солидаризироваться с пособниками ереси. Но рассказ из «Песни», несмотря на все преувеличения, оставляет впечатление живого действия, описанного человеком, видевшим его. Пусть это и драматизированная история, но не роман.

Прибыв в Рим, граф Фуа и юный Раймунд бросаются к ногам Папы. «Тот посмотрел на ребенка... печаль и жалость столь тронули его сердце, что он вздохнул и заплакал». Он пытается объяснить своему окружению, что граф Раймунд не виновен ни в каком преступлении, которое могло бы лишить его прав на его землю. Нет никаких доказательств, чтобы тот исповедовал еретические убеждения. Напротив, он считает графа католиком «в поступках и в словах».

Вскоре на дворцовом крыльце перед ним появляются сторонники обеих партий, миряне и церковники. Слово берет граф Фуа. «Вся курия смотрит на него и слушает; у него свежий цвет кожи; он хорош собой; он приближается к Папе и говорит ему: “Государь Папа, вы, кому все подсудны, вы, кто занимает Престол св. Петра и правит на его месте, у кого все грешники должны находить помощь и покров, кто должен поддерживать мир и справедливость, выслушайте мои слова и верните мне то, что принадлежит мне по праву”». И оратор утверждает, что никогда не любил еретиков и не покровительствовал им; что граф Тулузский и он приехали, чтобы добиться законного суда; что он удивлен, как могли ограбить его сына, дитя, невинное ни в каком обмане и ни в каких дурных действиях. Он клеймит Симона де Монфора, «человека, который заковывает в цепи, вешает, истребляет жителей Тулузы и Монтобана». Он напоминает Папе, что по его просьбе сам передал кардиналу Петру Беневентскому свой замок Фуа и свои мощные укрепления. «Если мне не вернут его таким, каким отдал его я, — заключает он, — то договорам больше нельзя верить».

Кардинал подтверждает, что граф действительно послушно выполнил волю Папы и Бога. Но епископ Тулузский яростно опровергает Раймунда-Рожера. «Граф осмеливается говорить, что держался в стороне от ереси и еретиков! Да он любил их, приглашал, давал им приют; все его графство было ими полно и кишело ими. Монсегюр был построен лишь для того, чтобы защищать их. Его сестра

была еретичкой; и он сам убил, изуродовал, искалечил столько паломников и служителей Божьих, прибывших сражаться с ересью, сколько мог. Тот, кто совершил такие преступления, не должен более владеть землей; вот чего он заслуживает».

Граф Фуа возражает, снова утверждая, что ни когда не любил катаров — ни верующих, ни совершенных. Доказательство того, что он добрый католик, — тот факт, что он, как и все его предки, оказывал благодеяния аббатству Бульбонн. Монсегюр никогда не принадлежал ему. «Если моя сестра, — продолжает он, — была дурной женщиной и грешницей, нельзя уничтожать меня за ее грехи». С другой стороны, он никогда не нападал на паломников он сражался только с разбойниками, принявшими крест, чтобы отобрать его владения. «Любой из этих предателей и клятвопреступников, — говорит он, — кто попадался в руки мне или моим людям, лишался глаз, ног, кистей или пальцев рук. Я радуюсь, думая о тех, кого убил, и жалею, что не захватил их гораздо больше».

Вот крик ярости, вырвавшийся у противника того самого Монфора, чьи аутодафе влекли за собой такое мщение! Он находит отклик в группе рыцарей из отряда графа Тулузского. Один из них, Арно де Вийемюр, услышав упреки Раймунду-Рожеру за резню среди немецких крестоносцев, поднимается и восклицает: «Сеньор, если бы я знал, что на этот злой поступок обратят особое внимание и что в римской курии он наделает столько шума, — уверяю вас, их бы добавилось, этих крестоносцев без глаз и без ноздрей». Услышав эти слова, весь Собор прошептал: «Помилуй Бог, этот человек смел и безумен!»

Когда дрожь, вызванная этим грубым напоминанием о кровавой войне, улеглась, граф Фуа закончил свое выступление, обрушившись на епископа Фулька, этого монаха без монастыря, этого бывшего жонглера, «чьи лживые песни и изощренные сатиры — гибель для любого, кто их произносит». Едва он был избран в Тулузу, «он разжег такой пожар, что никогда не достанет воды, чтобы его погасить. Более пятисот тысяч человек, великих и малых, он лишил жизни, тела и души. Клянусь верой, которую обязан питать по отношению к вам: по его действиям, по его словам, по его поведению это скорее Антихрист, чем римский легат».

Эта выходка не способствовала тому, чтобы смягчить враждебное большинство. Папа впервые попытался успокоить страсти. «Граф, — сказал он оратору, — ты хорошо изложил свое право; но ты слегка преуменьшил наше. Я выясню, кто тебе должен и чего ты стоишь. И если я пойму, что ты прав, ты получишь обратно свой замок таким, каким ты его отдал». Прежде чем закрыть заседание, слово дали Раймунду де Рокфёю, представителю молодого Транкавеля — сына виконта Безье, умершего в тюрьме после падения Каркассона. «Он был убит, — заявил этот новый адвокат, — Симоном де Монфором и его крестоносцами. Государь Папа, верните обездоленному сыну его землю и спасите свою честь. Если вы вскоре же не отдадите ее в назначенный срок, я потребую у вас этого наследства на Страшном Суде». — «Друг мой, — ответил Иннокентий III, — будет вынесено справедливое решение». После этого Папа с приближенными удалился в свои покои.

Новая сцена. Иннокентий в своем латеранском саду «скрывает свою печаль и пытается рассеяться». Но прелаты Юга и другие епископы — представители большинства — появляются и здесь, чтобы оказать на него давление и заставить выступить против графов. «Государь, если вы вернете им землю, мы все окажемся на краю гибели. Если вы отдадите ее Симону — мы спасены». — «В этом деле, — отвечает Иннокентий, — я не согласен с вами. Неужели я, вопреки закону и разуму, совершу несправедливость, обездолив графа Тулузского — истинного католика, отобрав у него фьеф и отдав его права другому? Я могу согласиться лишь вот на что. Пусть Симон продолжает владеть всей землей, которую он отнял у еретиков, но пусть отделят ту, которая по закону принадлежит вдове и сироте».

Это решение вызывает у епископов восклицания протеста. Решить вопрос таким образом значит ничего не дать Симону де Монфору. Если Папа считает графов Тулузы, Фуа и Комменжа католиками, получается, он не относит их домены к тем, которые отняты у еретиков. «Землю, которую он одной рукой жалует Симону, он другой рукой отнимает». И тогда Фульк Тулузский, архиепископ Ошский и магистр Федизий с напором развивают свои доводы. Нужно, чтобы все графство Тулузское без всяких оговорок было передано Монфору. «Отдайте землю всю целиком ему и его роду, — говорит Фульк, — а если вы этого не сделаете, я попрошу, чтобы повсюду прошли меч и пожирающий огонь». Или Папа хочет отказаться от услуг вождя крестового похода?

«Это значит отречься от всех нас. Мы внушали народу, что граф Раймунд — злодей, что его поведение отвратительно и по этой причине он не должен управлять фьефом. Если Симон завоевал всю эту страну, если он вложил ее в руки святой Церкви, если он нанес и получил столько ударов, пролил столько крови, то отнимать у него теперь эту землю противно закону и разуму. Впрочем, возможно ли будет ее отобрать? Мы готовы защитить его от любого, кто покусится на его землю».

Папа пытается дать отпор. Он снова утверждает, что граф Тулузский никогда не переставал быть католиком. Он упрекает епископов за их непримиримость, «за их жестокие чувства и за те возбуждающие проповеди, которые они произносили вопреки его воле». Один архидиакон из Лиона, имя которого осталось неизвестным, аббат Болье, посланник Иоанна Безземельного и, возможно, архиепископ Амбренский также высказываются за милосердие. Папа находит и другого помощника, неожиданного, — Арнольда-Амальрика, побуждающего его действовать по собственному усмотрению, игнорируя мнение большинства. «Могущественный государь и достойный отец, рассудка у вас в изобилии; судите и правьте без боязни — пусть ни страх, ни деньги не отдаляют вас от Бога».

Но как почти в одиночку одолеть столько противников? Страстные укоры сторонников борьбы до победного конца, слишком явно выраженное расположение Собора вынуждают Иннокентия смириться. Ассамблея голосует за смещение Раймунда VI и освящает дело Симона.

Когда после закрытия Собора граф Тулузский, прощаясь с Папой, горько посетовал, что его «пустили по миру», Иннокентий III, если верить «Песне», ответил: «Не спеши отчаиваться. Если Бог даст мне достаточно прожить, чтобы я мог править по справедливости, я вознесу твои права столь высоко, что у тебя более не будет причин жаловаться ни на Бога, ни на меня. Ты оставишь мне своего сына, ибо я хочу поискать путь, чтобы отдать ему наследство». Ребенок действительно на какое-то время остался в Риме. В момент его отъезда Папа сказал ему: «Не делай ничего, что могло бы навлечь на тебя ненависть Господа; он даст тебе довольно земли, если ты пожелаешь ему служить. Я оставил за тобой Венессен и Бокер; ты можешь там устроиться, а остальным граф де Монфор будет владеть, пока Церковь не сочтет, что

твоя участь может быть улучшена». — «Государь, — сказал молодой Раймунд, — мне тяжело сознавать, что англичанин вправе удерживать часть моего наследства. Не приведи Господь, чтобы Симон когда-нибудь явился ко мне делить мою землю! Земля или смерть — вот что я ему скажу. И если я увижу, что надо воевать, у тебя я попрошу лишь одного: оставь мне землю, если я смогу ее завоевать». Папа посмотрел на него, вздохнул и, обняв его, сказал: «Заботься лучше о том, что будешь делать ты. Дай тебе Бог хорошо начать и хорошо кончить, и желаю успеха!»

Декрет Иннокентия III, обнародованный 14 декабря 1215 г., урегулировал ситуацию в Лангедоке и положение обвиняемых баронов следующим образом. Раймунд VI, признанный виновным, лишился права управлять своим фьефом и приговаривался к жизни в покаянии за пределами своей земли. Было записано, что из его доходов ему будет ежегодно выплачиваться рента в 400 марок. Приданое его жены, доброй католички, оставалось за ней. Симон де Монфор получал все земли, отнятые им у еретиков, включая Тулузу и Монтобан. Остаток великой тулузской сеньории и все, что не завоевали крестоносцы, то есть Бокер, Ним и Прованс, доставались единственному сыну графа — Раймунду VII. Вопрос о графстве Фуа Собор не решил. До получения дополнительных сведений замок Фуа оставался под секвестром, в руках уполномоченных Церкви. По всей вероятности, такую же меру применили к графству Комменж и виконтству Беарн.

Сомнительно, чтобы такое решение альбигойской проблемы полностью удовлетворило тех, кто выиграл от крестового похода. Декрет от 1215 г. в конечном счете был не более чем сделкой, компромиссом, учитывающим противоположные интересы. Если вчитаться в текст этого дипломатического документа, станет ясно, что Иннокентий III все-таки сделал все, что мог, чтобы уменьшить выигрыш победителей и пощадить противную сторону. Здесь были даже формальные ограничения. Симон де Монфор был введен во владение тулузским фьефом; но ему следовало принести оммаж «тому, чьим вассалом по закону он становится», то есть Филиппу Августу. В тот же пассаж, где перечислялось то, что уступается завоевателю, Папа включил такие слова: «В любом случае, кроме прав мужчин и женщин католического исповедания, а также прав Церкви». Какой еще смысл

могла иметь эта оговорка, если не урезания свободы действий и преимуществ того, кто получал земли?

Последний акт Иннокентия III в Лангедоке — миссия, с которой 21 декабря 1215 г. он туда послал епископа Нимского и архидиакона Конфланского, — был направлен на пользу графа Фуа и в ущерб Симону де Монфору. Эти делегаты Рима получили указание отобрать у вождя крестоносцев замок Фуа и провести расследование, чтобы точно выяснить обстоятельства, при которых домен графа был захвачен и присоединен к завоеванным землям. Тем самым ставилась под сомнение законность мер, принятых против Раймунда-Рожера, человека, которого сторонники крестового похода страшились более всего. И воля Папы была выражена отчетливо: пусть граф вновь получит во владение свою крепость, а Монфор и его люди пусть оставят его в покое.

Инициатор альбигойской войны несомненно, несмотря на Мюре и на Собор, пытался еще раз исправить начатое им и извращенное другими дело и притормозить завоевания. Не сумев удержать крестовый поход в религиозных рамках, он хотел помешать этому ставшему мирским походу дойти до своих крайних следствий и логической развязки. Несколько раз он пытался в борьбе со сторонниками насилия отстоять умеренность и справедливость, хоть, правда, ему так и не хватило энергии настоять на своем. Однако было ли это возможно? И не следует ли беспристрастным историкам признать, что задача сдерживать фанатизм для средневекового Папы представляла непреодолимую трудность?

После Латеранского Собора Иннокентий III не прожил и года. Он не смог увидеть того счастливого поворота судьбы, который позволил обоим Раймундам отобрать у своего обидчика значительную часть утраченной земли. Но, спасая их династию от полного уничтожения, Папа сделал их успех возможным. Смерть унесла его в Перудже 16 июля 1216 г., а незадолго до этого в Лангедоке произошла удивительная сцена. Симон де Монфор со своей армией подошел к Нарбонну. Арнольд-Амальрик приказал закрыть ворота города; но не впустить французов было невозможно — бросившись на него с поднятыми мечами, они вынудили его отступить. Тогда архиепископ дважды отлучил Монфора и наложил интердикт на все церкви до тех пор, пока тот не уйдет из Нарбонна. Воины Христовы забросали камнями

архиепископский дворец, а христианнейший Симон, не смущаясь анафемой, весть о которой он встретил с насмешкой, тем не менее велел отслужить мессу.

Между духовной и светской властью крестового похода вспыхнула война! Такое зрелище могло немало порадовать сердца еретиков. Для жертв священной войны начиналось время реванша, которое продлится еще два года. Марсель, Авиньон, Бокер открыто выступили на стороне Раймунда VI; Тулуза пришла в себя, изгнала французов и с восторгом встретила прежнего сеньора. Звезда Симона на глазах меркла, здание завоевания рушилось — и наконец из осажденной Тулузы был брошен камень, «угодивший точно туда, куда следовало». Он так точно попал завоевателю в стальной шлем, что тот с разбитой головой «пал наземь, обливаясь кровью и почернев». Преждевременная смерть Симона де Монфора повлечет за собой передачу Южной Франции и его столицы капетингской династии^[75]. Оказалось, что все, начиная с Иннокентия III, трудились, страдали и боролись, не сознавая этого, ради короля Франции.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

A

- Абеляр, Петр, богослов и философ 47
Адриан IV, Папа Римский 47
Алан, Лилльский магистр 89
Александр III, Папа Римский 47, 51, 52, 56
Ален де Руси 233
Алиса де Монморанси, жена Симона де Монфора 191
Альфонс-Иордан, граф Тулузский 142
Амальрик, сеньор Монреалья 187
Амори де Монфор, сын Симона 192,198,234,263
Арно де Вийемюр, рыцарь 254
Арнольд Аррюфат, ересиарх 102
Арнольд Брешианский 47,69
Арнольд де Кампраньян, арбитр 108
Арнольд Отон, ересиарх 104
Арнольд-Амальрик, аббат Сито, позже архиепископ Нарбоннский
41,80,95,96,99,100,108, 131,139,140,146,157,163,
166,168,170,171,172,178, 193,202,203,208,209,212,
214,217,224,228,247,250, 258, 262

Б

- Балдуин, брат Раймунда VI Тулузского 184
Бенедикт из Терма, ересиарх 104
Беренгарий II, архиепископ Нарбоннский 35, 96
Беренгарий Турский, богослов и философ 46, 47
Бермонд Андюзский 250
Бермонд, архиепископ Экса 223
Бернар из Безье, Добрый католик 114
Бернар де Вильнев, арбитр 105
Бернар Клервоский, св. 9,20,47,49
Бернар V, граф Комменжа 82,218
Бернар-Раймунд, катар 54,55
Бернхард Прим, бывший катар 114
Бертран, епископ Безье 223
Бодуэн из Невера, ересиарх 101
Брунон Кёльнский, св. 49

Г

- Гастон, виконт Беарнский 207,216,219, 226, 234,236
Гаусельм Файдит, трубадур 34
Гвидо, аббат Во-де-Сернея, позже епископ Каркассонский 100, 108, 173, 250
Гвидо, монах, легат 79
Генрих II Плантагенет, король Англии 52, 123, 129, 133
Генрих VI Штауфен, германский император 57
Генрих Клервоский, аббат 45,52,53, 54, 56
Генрих Лозаннский, ересиарх 50
Ги де Монфор, брат Симона 198, 199,250
Гиладель, катарский епископ из Кастра 40, 104
Гильем VIII сеньор Монпелье 78, 89, 90, 92
Гильом Бретонец, хронист 251
Гильом, епископ Кагорский 193
Гильом де Минерв 171
Гильом де Пюилоран, хронист 15,22,33,44,103, 104, 111, 126, 168, 232, 242
Гильом де Рокессель, епископ Безье 95
Гильом из Сен-Марселя, медик 18
Гильом из Сент-Антонена, Добрый католик 114
Гильом де Тюдель, поэт 111,126
Гильом-Пьер де Бран, шателен 16, 18
Готфрид из Вижуа, хронист 34
Григорий VII Великий, Папа Римский 5, 9,46,47
Гуго де Нуайе, епископ Оксерский 45, 71, 72, 74, 75,77

Д

Диего де Асеведо, епископ Осмы 78,99,100,101

Доминик де Гусман, св. 78,99, 100, 106, 107, 108, 117,121

Дуранд из Нажака, Добрый католик 114

Дуранд из Уэски, глава Добрых католиков 108, 114,115, 118, 119,

Е

Евгений III, Папа Римский 47, 51

Ж

Жильбер Порретанский, богослов и философ 47
Жирода де Лавор 187

И

Иоанн Безземельный, король Англии 6, 7, 123,
125,133,140,222,228,229, 234,257

Иоанн из Нарбонна, Добрый католик 114

Иннокентий II, Папа Римский 51

К

Каликст II, Папа Римский 51

Л

Лукас, епископ Туденский 24

Людовик, принц, сын Филиппа II Августа 140,
228,229,243,244,245,246

Людовик VII, король Франции 52, 133

Людовик IX Святой, король Франции 111,263

М

Мария, дочь Гильема VIII де Монпелье 92

Милон, легат 139, 140, 143,144,145,146,157,158, 159,160,175

Н

Наварр, епископ Кузеранский 107, 127
Норберт Ксантенский, св. 49

О

Оттон IV Брауншвейгский, германский император 6,
138,140,152,153, 164.222.229, 238

П

Педро II, король Арагона 6,19, 78,89,90,92,147,
155,164,169,178,179,181, 185,199,200,201,204,207,
210,214,215,216,217,219, 227,230,231,233,239

Петр Беневентский, кардинал, легат 235,237,239, 241, 242, 245,
246, 247, 253

Петр де Брюи (Брузий), ересиарх 50

Петр из Во-де-Сернея, хронист 23,28, 37, 41,68, 85,
100,105,126,128,143, 154,160,176,238,240,250

Петр де Кастельно, легат 78,80,84,85,87,93,95,
99,100,102,104,126,127, 130, 161, 188,202

Петр Капуанский, легат 73

Петр Павийский, легат 45,52,56

Понс де ла Гард, трубадур 34

Понс Жордан, ересиарх 102. 104

Понс Роже из Тревиля, крестьянин 109

Пьер Вальдо, основатель ереси вальденсов 10, 21

Пьер Моран, катар 53, 54

Пьетро Марк, секретарь Иннокентия III 182, 224

Р

- Раймон из Сованьяка, купец 182
Раймонда, дочь Раймунда VI 43
Раймунд V, граф Тулузский 19, 56, 133, 156
Раймунд VI, граф Тулузский
40,41,42,43,56,78,82,83,84,85,86,88,92,122,127,129,130,138,139,142,143,144,145,155,157,159,164,167; 169,174,178,184, 185,187,196,200,201,203,209,212,213,217,221,222, 232,234,238,250,251,258, 259,262
Раймунд VII, граф Тулузский 15,200,203,209, 215,251,259,263
Раймунд, епископ Агдский 90
Раймунд из Боньяка, катар 54, 55
Раймунд, аббат Муассака 194
Раймунд де Рабастан, епископ Тулузский 94
Раймунд де Рокфёй 255
Раймунд из Сен-Поля, Добрый католик 114
Раймунд-Рожер, виконт Безье и Каркассона 138, 146,147,148
Раймунд-Рожер, граф де Фуа 37, 39, 42, 107, 163, 164,178,185,186,219,242, 250
Рауль из Фонфрауда, легат 80, 99, 100, 102, 108
Рено, аббат монастыря Сен-Мартен-де-Невер 73
Робер де Курсон, папский нунций во Франции 238,239
Робер Мовуазен 172
Роберт д'Арбриссель 49, 50
Роберт Модемский, св. 19,49
Роберт де Ториньи, аббат 56
Рожер II Транкавель, виконт Безье 36, 53

С

Санча Арагонская, жена Раймунда VII 179, 200

Сикард Келарь, ересиарх 17,18

Симон де Монфор, граф Лестер 67, 95, 115, 131,
149,151,154,155,163,164, 167,169,171,173,178,179,
180,182,184,186,187,189, 190,191,192,196,203,204,
207,208,215,216,222,224, 225,227,231,234,235,236,
237,238,240,243,246,247, 248,251,253,255,256,257, 258,259,260,262,263

Стефан Лэнгтон, архиепископ Кентерберийский 125

Стефан, миссионер 108

Стефан из Саланьяка, доминиканец 111

Стефан, епископ Турне 14

Стефан Тьерский (Стефан из Мюре), св. 49

Т

Томас Бекет, архиепископ Кентерберийский, св. 129
Тьерри из Невера, ересиарх 101

Ф

Федизий, магистр, уполномоченный Папы, позже епископ Агдский 139, 163,166,171,176,177,193, 204,208,213,214,218,224, 250.257

Филипп II Август, король Франции 6,7,14,122,125, 131,132,134,135,136,138, 140,164,177,182,184,197, 228,229,238,242,260

Франциск Ассизский, св. 50,69

Фульк (Фолькет) Марсельский, епископ Тулузский 32, 94,107,167,169, 170,185,186,226,231,232,242.250.255.257

Х

Хайме, принц, сын Педро II, позже король Хайме I Арагонский 179, 233

Ц

Целестин III, Папа Римский 36, 57, 83

Э

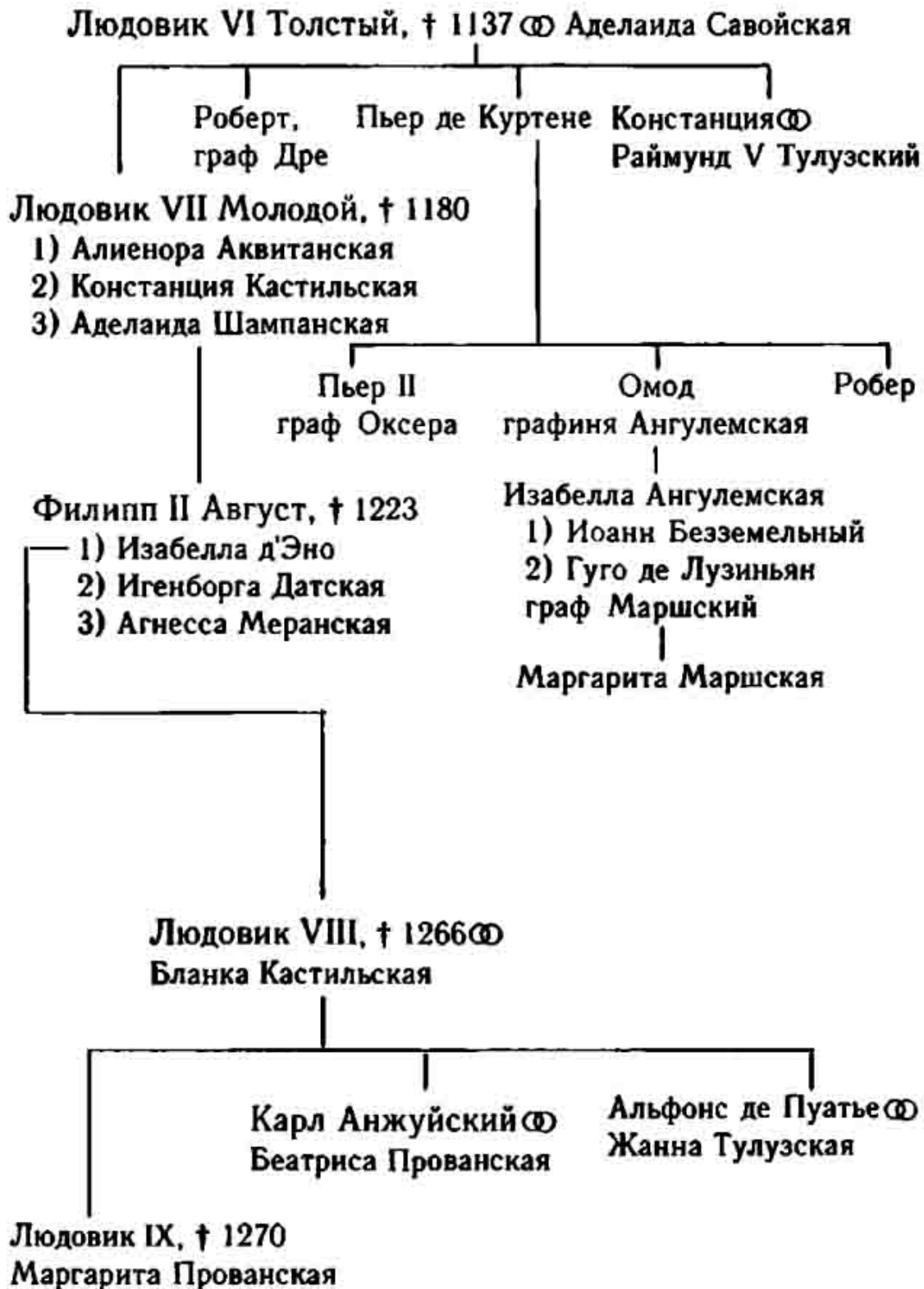
- Эбрен, Добрый католик 114
- Эд, герцог Бургундский 134
- Элеонора Арагонская, жена Раймунда VI 92, 200
- Эли из Сованьяка, купец 182
- Эмар, казначей парижского Тампля 182
- Эмери, виконт Нарбонна 171,198
- Эрве, граф де Невер 134
- Эрменгальд из Безье, Добрый католик 114
- Эсклармонда де Фуа 39

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

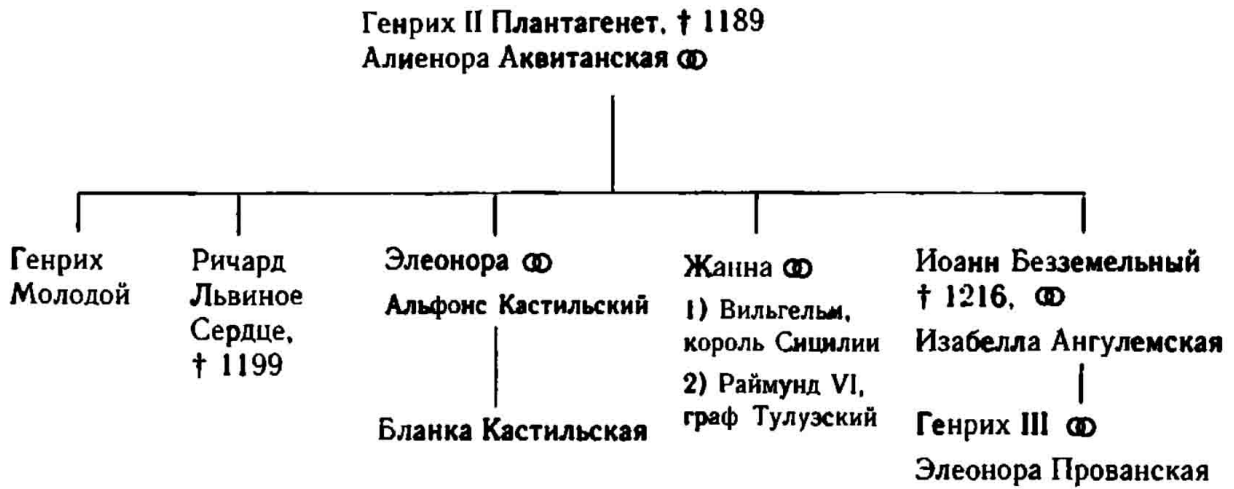
ТУЛУЗА

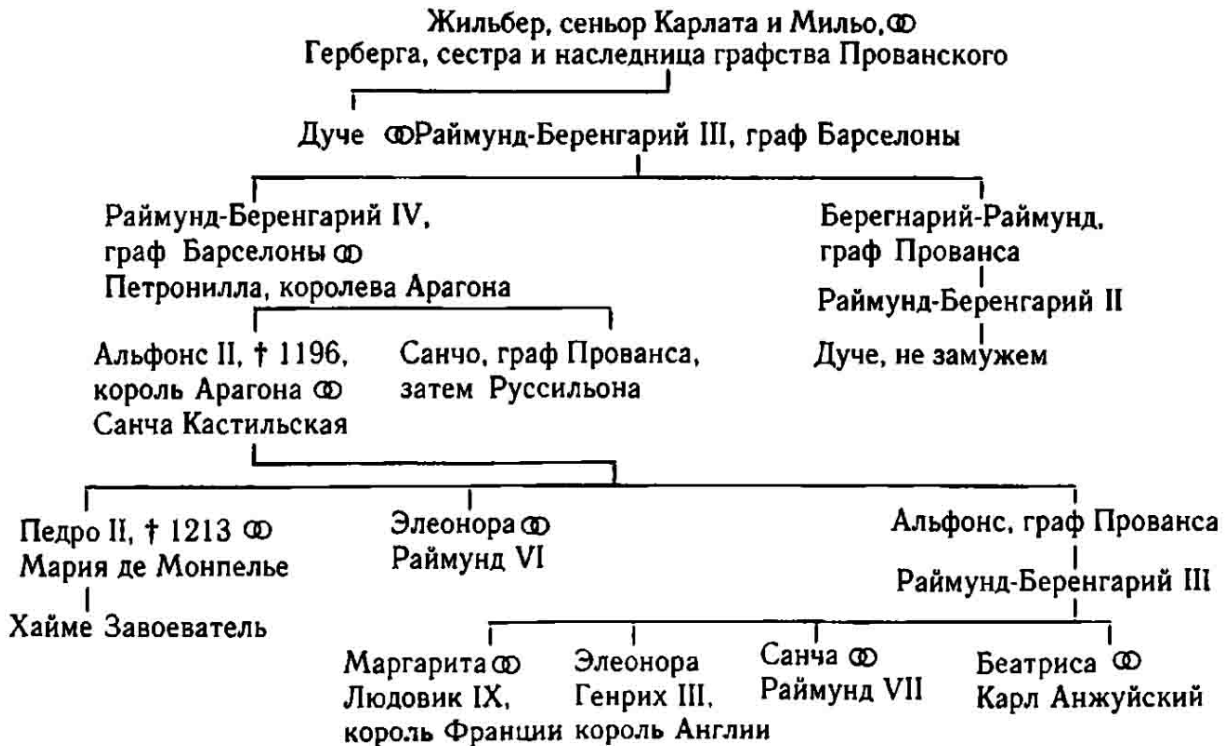
ФРАНЦИЯ

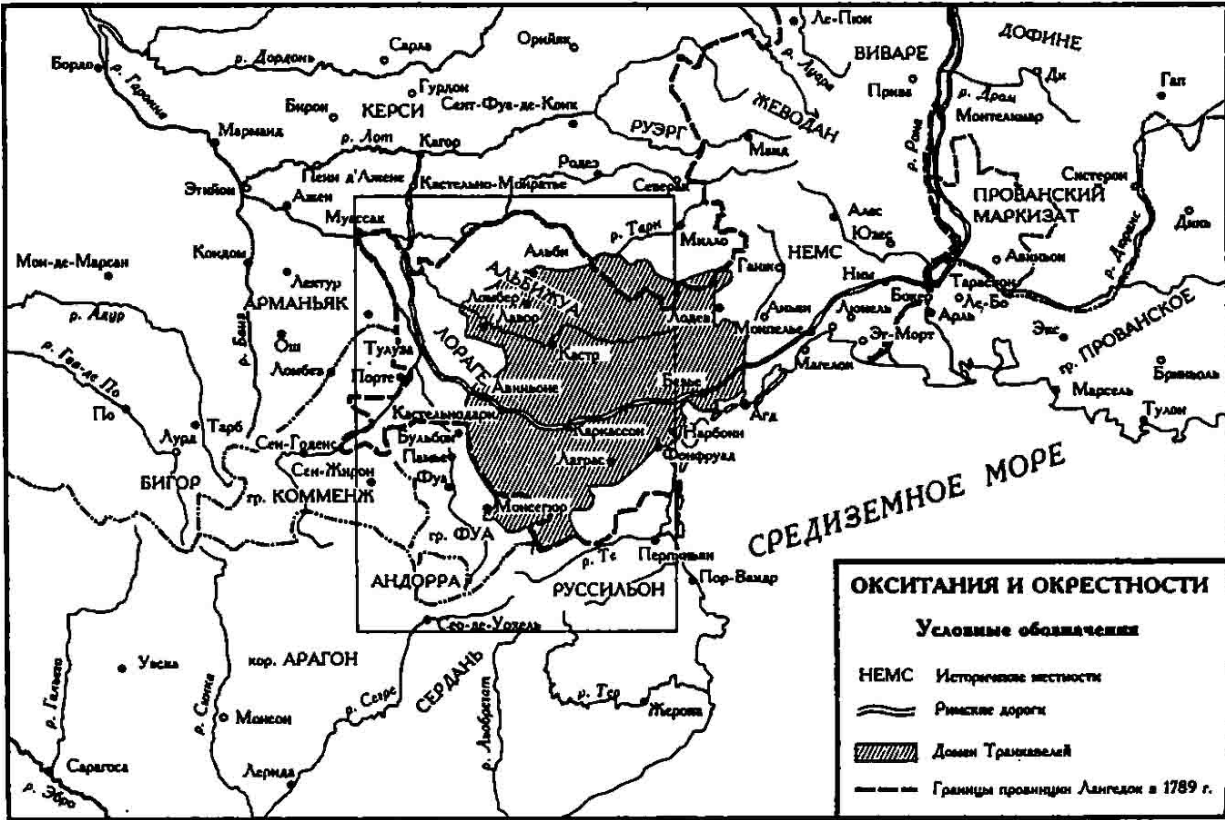
АНГЛИЯ

АРАГОН

КАРТЫ

ЦЕНТР ОКСИТАНИИ

-----	Границы владений	ТУЛУЗА	— центр графства Тулузского
■	Домен Гранкавелей	Монсегюр	— Важнейшие населенные пункты

Научное издание

АШИЛЬ ЛЮШЕР

ИННОКЕНТИЙ III И АЛЬБИГОВСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Книга известного французского историка Ашиля Люшера посвящена одному из самых великих Римских Пап эпохи средневековья, Иннокентию III, и его роли в драматических событиях начала XIII в. — крестовому походу против приверженцев альбигойской (катарской) ереси, пустившей корни в Южной Франции. В центре работы Люшера — Лангедок, край трубадуров и прекрасных городов. Иннокентий III выступил организатором крестового похода в эти земли и спровоцировал столкновение двух культур — южной и северной Франции — результате которого Юг был утоплен в крови. Но желал ли Папа подобного исхода на самом деле? Люшер показывает, к чему привели устремления властного понтифика, жаждавшего господства над всем христианским миром.

ISBN 5-8071-0137-5

9 785807 101372

Примечания

Филипп II Август (1180—1223 гг.) — король Франции, существенно укрепивший королевскую власть и увеличивший домен короны в ходе войн с английскими королями из династии Плантагенетов. — *Примеч. ред.*

Гильом де Пюилоран (ум. 1272 г.) — французский хронист, в 1242—1247 гг. исповедник графа Тулузского Раймунда VII. — *Примеч. ред.*

3

Reptando quadrupedaliter (*лат.*).

Сито — монастырь, основанный французским монахом-бенедиктинцем Робертом Модемским и его приверженцами, с целью вести образ жизни, близкий евангельскому, основанный на принципах нестяжательства и оторванности от мира. С самого начала Сито (Цистерциум) отказывался от владения землей как средства существования монахов. Таким образом монахи Сито — цистерцианцы — порывали с традиционным бенедиктинским монашеством, погрязшим в роскоши и богатстве. Хотя основание Сито для Роберта и его спутников было способом поиска «пустыни», тишины и уединенности, их детище вскоре превратилось в настоящее аббатство и приобрело свои «филиалы» — монастыри, жившие по тому же уставу, что и цистерцианцы. В XI—XII вв. цистерцианские монахи достигли своего расцвета, благодаря как авторитету и престижу своих аббатов (например, Бернар Клервоский, Сугерий из Сен-Дени), так и ведущей роли в осуществлении григорианской реформы Церкви, борьбе с ересями и схизмами. — *Примеч. ред.*

Лукас Туденский — видный испанский богослов XIII в., епископ г. Туй в Галисии. — *Примеч. пер.*

6

Утешение (*лат.*).

7

В последний момент, т.е. при смерти (*лат.*).

Пребенда — земельное владение или доход, с которого жил клирик. — *Примеч. ред.*

Квинтина — средневековая военная игра, состоявшая в том, что всадник на скаку должен был попасть копьём в центр щита, закрепленного на вращающемся манекене. — *Примеч. пер.*

Рутьеры — в средневековой Франции бойцы бродячих военных отрядов, занимавшиеся разбоем или нанимавшиеся к какому-либо сеньору. — *Примеч. пер.*

«Господь с вами» (*лат.*).

Peccatorum omnium apotheca (*лат.*).

Беренгарий Турский (ок. 1010—1088) — теолог и философ, преподаватель в церковной школе Тура. Считал евхаристию не таинством, а простым символом Христа. Неоднократно осуждался церковными Соборами (1050; 1051; 1059 гг.) На Соборе в Риме (1079 г.) под давлением Григория VII отказался от своих убеждений; Папа вручил ему буллу, где признавал его истинным католиком и запрещал преследовать его самого и конфисковать его имущество. — *Примеч. ред.*

Жильбер Порретанский (ок. 1070—1154) — выдающийся богослов и философ-платоник, епископ Пуатье с 1142 г. Представитель Шартрской школы. На Реймском Соборе некоторые церковники критиковали его толкование Троицы, но Папа Евгений III позже оправдал его. — *Примеч. пер.*

Арнольд Брешианский (ок. 1110—1155) — церковный и политический реформатор, ученик Абеляра. Стремился оставить за Папой только духовную власть; с 1145 г. возглавил Римскую республику. В 1155 г. был выдан императором Фридрихом I Папе Адриану IV и по приказу последнего казнен. — *Примеч. ред.*

Симония — продажа церковных должностей. Особенно ею злоупотребляла королевская власть, видевшая в этом средство наполнить казну, и крупные магнаты. — *Примеч. пер.*

Стефан Тьерский, или Стефан из Мюре (1048—1124), св. — основатель ордена Граммон (1073). Роберт Модемский, св. (1018—1110) — основатель ордена цистерцианцев (1098). Роберт д'Арбриссель (1047—1117) — основатель монастыря и ордена Фонтевро (1101). Брумон Кёльнский (ок. 1030—1101) — основатель ордена картезианцев (1084). Бернар Клервоский (1090—1153) — видный теолог-мистик, вдохновитель второго крестового похода, глава цистерцианского ордена с 1115 г. Норберт Ксантенский (ок. 1080—1134) — основатель ордена премонстрантов (1120). — *Примеч. пер.*

Петр де Брюи (Петр Брузий, ум. 1126) — вождь секты, отрицавшей необходимость церквей, евхаристии, почитания креста и молитв за мертвых, а также крещения детей. Его сторонники назывались петробрузианцами. Генрих Лозаннский — его ученик и преемник. — *Примеч. пер.*

Бернар-Раймунд был катарским епископом Тулузы. — *Примеч. ред.*

Целестин III (1191—1198 гг.) и германский император Генрих VI Штауфен (1190—1197 гг.) не могли договориться в вопросе о том, кому должна принадлежать верховная власть в христианском мире — спор, который начался еще в XI в. Одновременно Генрих VI завладел Сицилийским королевством, чьим сюзереном считали себя Папы Римские, и не хотел приносить понтифику присягу верности за него. — *Примеч. ред.*

От греч. «являющие» Бога. — *Примеч. пер.*

Рассуждения на моральные темы (*лат.*).

Арнольдисты — последователи Арнольда Брешинского. —
Примеч. ред.

Enervari non debet religiosa simplicitas.

Декан — глава монастырской общины, подчиненный аббату, или соборного капитула. — *Примеч. ред.*

Очищение (*лат.*).

Об отношениях Иннокентия III с итальянскими еретиками см. нашу книгу: *Luchair, Achille. Innocent III, Rome et PItalie. Paris, 1904.* — *Примеч. авт.*

В римской курии существовал институт так называемых кардиналов-диаконов, ведавших отдельными округами Рима и получавших титул по главной церкви округа. Так, Лотарио ди Сеньи, прежде чем стать Папой Иннокентием III, был кардиналом-диаконом церкви св. Сергия. — *Примеч. пер.*

«Возвысьте свои сердца» (*лат.*). Традиционные слова из католической литургии, предшествующей канону. — *Примеч. пер.*

Консульство — институт городских властей в Южной Франции, заимствованный из Италии. Консулы организовывали городскую жизнь, заботились об экономических выгодах города, осуществляли правосудие. — *Примеч. ред.*

Алан Лилльский (1125—1203 гг.) — средневековый теолог, автор многочисленных богословских трудов; написал трактат «Против еретиков». — *Примеч. ред.*

Педро II — король Арагона и граф Барселонский в 1196—1213 гг. Начал свое царствование с гонений на еретиков. Боролся с крупными феодалами своего королевства, присоединив к домену короны несколько обширных фьефов и выдвигая на первые места чиновников двора. Женился на дочери графа Монпелье Гильема VIII в 1204 г. Расточительство Педро, щедрость к Церкви и, как следствие, повышение налогов привели к восстанию знати и горожан (1205 г.), безжалостно подавленному королем. В 1212 г. Педро, объединив свою армию с силами кастильского государя Альфонса VI разбил мусульман Испании в битве при Лас-Навас-де-Толоса. В 1213 г. оказал помощь графу Тулузскому в войне против крестоносцев и погиб в битве при Мюре. — *Примеч. ред.*

Вассал, принеся оммаж, назывался после этого «человеком такого-то (сюзерена)». — *Примеч. пер.*

В русском синодальном переводе: «Сын Человеческий, сущий на небесах» (Иоан. 3:13). — *Примеч. пер.*

Ис. 66:1 — *Примеч. пер.*

Откр. 17:5. — *Примеч. пер.*

Ордалия — процедура, в ходе которой обвиняемый должен был выдержать испытание огнем или водой либо же доказать свою правоту в поединке. Считалось, что Господь встанет на сторону невинного. — *Примеч. ред.*

В силу самого факта (*лат.*).

Людовик IX Святой — король Франции в 1226—1270 гг. —
Примеч. ред.

Primitia — налог с земли в пользу Церкви. — *Примеч. ред.*

2 Кор. 12:16. — *Примеч. пер.*

Плантагенеты — династия английских королей в 1154—1485 гг. Во второй половине XII в. Плантагенеты владели Англией и половиной Французского королевства (Аквитанией, Нормандией), пока король Франции Филипп II Август не отвоевал у них Нормандию (1204 г.). — *Примеч. ред.*

Иоанн Безземельный — король Англии в 1199—1216 гг, сын Генриха II. Вел войны с французской короной за сохранение владений Плантагенетов на континенте. В 1214 г. создал коалицию, враждебную королю Филиппу II Августу, но потерпел поражение в битве при Ла Рош-о-Муэн. — *Примеч. ред.*

«Господи, помилуй» (*греч.*).

Генрих II — король Англии в 1154—1189 гг.; враждовал с архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом из-за власти над английской Церковью; в 1170 г. Бекет был убит рыцарями Генриха II, якобы принявшими за приказ фразу Генриха II, в ярости пожелавшего, чтобы его избавили от архиепископа. — *Примеч. ред.*

Английский король Генрих II Плантагенет, герцог Аквитании по браку с Алиенорой Аквитанской, претендовал на власть в графстве Тулузском. В 1159 г. он собрался захватить Тулузу. Графа Раймунда V спасло лишь то, что в Тулузу спешно прибыл его сюзерен и шурином, отец Филиппа Августа, французский король Людовик VII. Генрих II, чьим сюзереном Людовик VII также являлся, был вынужден отказаться от своих намерений овладеть Тулузой. — *Примеч. ред.*

Это письмо не вошло в реестр актов Филиппа Августа, потому что через некоторое время капетингское правительство осознало, что поток желающих стать крестоносцами неудержим и пытаться его пресечь бесполезно. — *Примеч. авт.*

Оттон IV Брауншвейгский — германский император в 1198—1218 гг. — *Примеч. ред.*

Non everti quemquam sed converti (*лат.*).

Invitis principibus — наперекор предводителям (*лат.*).

Обязательная служба вассала в феодальном войске ограничивалась сорока днями; чтобы он продолжал поход дальше, сеньор уже должен был ему платить. — *Примеч. пер.*

В ходе четвертого крестового похода христианские войска, которых Папа призывал направиться в Святую Землю освободить Иерусалим, отклонились от первоначальной цели: они по наущению венецианцев отбили Задар у венгерского короля, а затем захватили Константинополь, столицу Византийской империи. Однако в рядах крестоносного воинства нашлись люди, которых возмутила подобная смена ориентиров, и они оставили ряды крестоносцев. Среди них был и Симон де Монфор. — *Примеч. ред.*

Тулуза, лукавая! (лат.)

Т.е. Раймунду VI и его сыну.

Непрерывное (*лат.*).

Имеется в виду резиденция ордена тамплиеров в Париже. —
Примеч. ред.

«Прииди, Создатель» (*лат.*).

Сержант — простой воин; также сержантами иногда называли тех, кто не был посвящен в рыцари. — *Примеч. ред.*

Кутюма — обычай, освященный древностью и имеющий силу закона. — *Примеч. ред.*

Ибо когда стена ближайшего соседа горит, это и твое дело (*лат.*).

Это не совсем точно: Раймунд VI был женат на Элеоноре Арагонской, сестре Педро II, а его сын Раймунд VII — на другой его сестре, Санче. — *Примеч. пер.*

Мечтой Педро II было создать из Арагона, графства Барселонского, Руссильона, Карлата, Жеводана, Монпелье, Фуа, Тулузы, Альби, Каркассона, Безье могущественное государство по обе стороны Пиренеев. В Провансе правил его брат Альфонс, которому Педро II приходилось оказывать помощь в борьбе с местными феодалами. — *Примеч. ред.*

Альморавиды — мусульманская династия, с сер. XI в. правившая Северной Африкой, чуть позже Марокко, Западным Алжиром, Испанией. — *Примеч. ред.*

Sibi et heredibus suis (лат.).

Satis prosperatum (*лат.*).

Обращенный к чувствам (*лат.*).

«Карфаген должен быть разрушен» (лат.).

В 1213 г. Иннокентий III отлучил английского короля Иоанна Безземельного за неповиновение Святому Престолу в церковных вопросах и предложил Филиппу Августу занять вакантный трон Англии. Филипп, который давно вынашивал планы уничтожить могущество Плантагенетов, счел предложение своевременным. Он начал приготовления к вторжению в английское королевство, но Иоанн успел выпросить прощение у Папы (16 мая 1213 г.), признав себя его вассалом. — *Примеч. ред.*

Наступление на Французское королевство союзных войск германского императора Оттона IV и английского короля Иоанна Безземельного. В то время как Филипп Август с основными силами направился навстречу войскам Оттона IV на севере Франции, Людовику пришлось защищать владения Капетингов на юге от вторжения Иоанна Безземельного. — *Примеч. ред.*

В битве при Бувине (27 июля 1214 г.) армия Филиппа Августа разбила союзные войска германцев, англичан и фламандцев под командованием Оттона IV. — *Примеч. ред.*

По собственному побуждению (*лат.*).

Dominum et monarcham (*лат.*).

«Легат намеревался положить конец воинскому труду», *finem pacis labori bellico positurus*. — *Примеч. авт.*

Комменда — земля, которую передавали под покровительство высшего сеньора. — *Примеч. ред.*

Сын Симона де Монфора, Амори, не смог удержать под своей властью наследство отца и уступил свои владения французской короне (1224 г.). В 1226 г. права французского короля Людовика IX на владения в Лангедоке были признаны и Церковью. После смерти Людовика VIII за его наследником Людовиком IX остались Бокер, Ним, Каркассон и Безье, а за графом Раймундом VII — Тулузен, Ажене, Руэг, Керси и часть Альбижуа (договор Мо, 1229 г.) По условиям этого договора дочь Раймунда VII Жанна выходила замуж за брата Людовика IX, Альфонса, который после смерти своего тестя должен был стать графом Тулузским. После смерти Альфонса в 1271 г. его владения были присоединены к королевскому домену. — *Примеч. ред.*